

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2020

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Филологические науки

- 10.01.01 – Русская литература
- 10.01.08 – Теория литературы. Текстология
- 10.02.01 – Русский язык
- 10.02.19 – Теория языка
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое
типологическое и сопоставительное
языкознание
- 10.02.21 – Прикладная и математическая
лингвистика

Педагогические науки

- 13.00.02 – Теория и методика обучения
и воспитания

ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2020

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета; старший научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщик – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language; professor at the Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Ilna Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University; professor at the Department of the Worlds' Literatures, Moscow Pedagogical State University, senior fellow at the Russian Institute for Advanced Studies, Moscow Pedagogical State University.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore».

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab., professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Содержание

Тема номера:

Формальные подходы к русскому языку

ЛИНГВИСТИКА

А.А. Герасимова

Логическая эквивалентность
местоимений на *ни-*
и местоимений на *-нибудь*:
опыт анализа русских номинализаций 9

Д.М. Зеленский

Универсальная группа артикля
и фазы Бошковича 24

П.В. Иосад

Морфонологическая стратификация
в русском языке 36

М.Ю. Князев

Экспериментальное исследование приемлемости
придаточных с союзом *что* в функции
сентенциального актанта существительного
в конструкциях с сочинением 56

А.Б. Летучий

Русские конструкции
с числительными и квантификаторами:
нестандартное использование
в позиции субъекта и объекта 70

О. Мюллер-Рейхау

Дефолтный аспект, основанный
на смене ситуации 90

Ф.В. Байков

Косвенный контроль в русском языке 106

Contents

Issue topic:

Formal approaches to Russian

LINGUISTICS

A. Gerasimova

When *ni-* and *-nibud'* are logically equivalent:
Evidence from Russian nominalizations 9

D. Zelenskii

Universal DP and Bošković phases. 24

P. Iosad

Stratal phonology
and Russian morphophonology 36

M. Knyazev

The effect of coordinate structure
on the licensing of *čto*-clauses
in noun complement constructions:
An experimental study 56

A. Letuchiy

Russian constructions
with numerals and quantifiers:
Their non-standard use
in the subject and object position 70

O. Mueller-Reichau

Default aspect based on state change 90

F. Baykov

Oblique control in Russian 106

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-9-23

A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation;
Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

When *ni-* and *-nibud'* are logically equivalent: Evidence from Russian nominalizations

This paper deals with the two sets of polarity sensitive items in Russian: *ni-* and *-nibud'* pronouns. Non-specific indefinite *-nibud'* pronouns (NSIs) are possible only in propositions that do not ensure truth, i.e. non-veridical contexts. Although clause-mate negation creates such a context, NSIs are incompatible with it and are substituted by negative *ni-* pronouns that are licensed only by negative concord. The incompatibility of NSIs with negation can be resolved in subjunctive sentences and embedded purpose *čtoby*-clauses, however, the licensing conditions in these cases are not defined. In this paper I introduce another context which licenses both types of pronouns, namely, negated process nominalizations. I determine the licensing conditions for the two types of pronouns in nominalization, and test previous approaches against the new data. In particular, I argue that *-nibud'* pronouns are licensed in the scope of the nonveridical operator that is introduced in the main clause.

Key words: negative pronouns, non-specific indefinite pronouns, negative polarity items (NPI), nominalization, Russian

Acknowledgments. The study has been supported by RSF, project #18-18-00462 "Communicative-syntactic interface: typology and grammar" at the Pushkin State Russian Language Institute.

FOR CITATION: Gerasimova A. When *ni-* and *-nibud'* are logically equivalent: Evidence from Russian nominalizations. *Rhema*. 2020. № 1. Pp. 9–23. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-9-23

© Gerasimova A., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-9-23

А.А. Герасимова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация;

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

Логическая эквивалентность местоимений на *ни-* и местоимений на *-нибудь*: опыт анализа русских номинализаций

Статья посвящена исследованию условий лицензирования отрицательных местоимений и местоимений на *-нибудь* в русских событийных номинализациях. Указанные два класса местоимений находятся в дополнительной дистрибуции: в контексте отрицания обязательна замена местоимения на *-нибудь* отрицательным местоимением, в то время как отрицательные местоимения невозможны ни в каких других контекстах, кроме как под отрицанием. Тем не менее, в случае предложений с сослагательным наклонением, а также в придаточных цели с союзом *чтобы* оба класса местоимений оказываются возможны. Чтобы уточнить условия лицензирования в двух названных случаях, в статье представляется еще один контекст, который допускает оба типа местоимений, а именно, отрицательные номинализации. Предлагается анализ, согласно которому во всех названных случаях местоимения на *-нибудь* лицензируются неверидикативным оператором главной клаузы.

Ключевые слова: отрицательные местоимения, местоимения на *-нибудь*, отрицательно полярные единицы, номинализация, русский язык

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Герасимова А.А. Логическая эквивалентность местоимений на *ни-* и местоимений на *-нибудь*: опыт анализа русских номинализаций // Рема. Rhema. 2020. № 1. С. 9–23. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-9-23

1. *ni-* and *-nibud'* pronouns in Russian

Polarity sensitive items (PSIs) are elements that are restricted to a set of contexts that have certain truth-conditional properties. In Russian there are traditionally distinguished four main classes of PSIs: negative *ni*-pronouns, non-specific indefinite *-nibud'* pronouns, negatively polarized *-libo* pronouns and free-choice NPIs *lyuboi* and *ugodno* [Paducheva, 1985; Haspelmath, 1997].

Two series of polarity sensitive items in Russian are in complementary distribution, namely, *ni-* and *-nibud'* pronouns. Negative *ni-* pronouns belong to strict negative polarity items [Giannakidou, 2011], or n-words [Laka, 1990], as they are licensed only under negative concord, can provide a negative fragment answer and block double-negation readings. According to [Paducheva, 2014], *ni-* pronouns are licensed in the context of clausemate sentential negation and banned from the scope of constituent negation. The licensing of *ni-* pronouns in the scope of superordinate negation is subject to structural restrictions (*contra* [Pereltsvaig, 2004]): as shown by [Gerasimova, 2015], negative pronouns can be licensed in infinitival clauses not bigger than TP.

Non-specific indefinite *-nibud'* pronouns (NSIs) are licensed only in non-veridical context, which is introduced by operators that do not ensure truth [Paducheva, 1985, 2014; Giannakidou, 2011]. Importantly, clause-mate negation creates an anti-morphic context that belongs to non-veridical contexts. Therefore, one would expect that NSIs are licensed by negation. However, *-nibud'* pronouns are incompatible with negative concord and are obligatory substituted by negative *ni-* pronouns (cf. (1)–(2)). This property of Russian NSIs is referred to as the Bagel Problem [Pereltsvaig, 2004]: the anti-morphic context figuratively speaking creates “a bagel hole” with respect to NSIs as they are not licensed in it (see Fig. 1).

- (1) *Vanya ne priglasil ok nikogo / *kogo-nibud'*
 Vanya NEG invited nobody(N-WORD) / anyone(NSI)
na festival'
 to the festival
 ‘Vanya didn’t invite anyone to the festival’
- (2) *Esli *nikto / ok kto-nibud' pridet*
 if nobody(N-WORD) / anyone(NSI) comes
pozvoni mne
 call me
 ‘If anyone comes, call me’

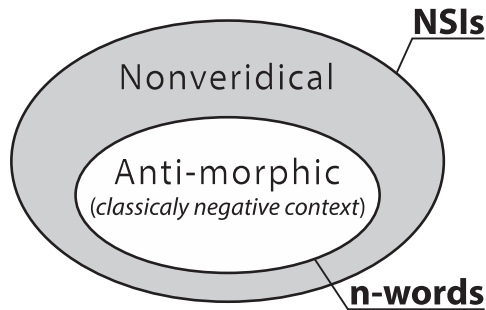

Fig.1. An illustration for The Bagel Problem

The Bagel Problem, however, can be resolved. [Paducheva, 2018] documents two contexts in Russian in which both NSIs and *ni-* pronouns are acceptable under negative scope with equivalent interpretation: subjunctive sentences (3) and embedded purpose *čtoby*-clauses (4)–(5).

- (3) *Ne naiti sem'i*
 NEG find family
 [v kotoroi **by** ^{ok}*nikto* / ^{ok}*kto-nibud'*
 in which **SUBJ** no one (N-WORD) / someone (NSI)
ne postradal
 NEG be hurt
 'It's almost impossible to find a family, in which no one was hurt'

- (4) *My shli ostorozhno*
 we were going cautiously
 a. [*čtoby* ^{ok}*nigde* *ne upast'*]
COMP nowhere (N-WORD) NEG fall down
 b. [*čtoby* ^{ok}*gde-nibud'* *ne upast'*]
COMP anywhere (NSI) NEG fall down
 'We were going slowly to avoid falling from anywhere'

Paducheva supposes that the substitutability of the two pronouns is not absolute: the two NPIs create logically equivalent, but not synonymous sentences. This lack of synonymity can be seen in (5): while in (5a) a *ni-* pronoun is used entailing that no one from the known set of people was hurt, in (5b) NSI refers to a particular person, though randomly chosen.

- (5) a. *On vzyal vinu na sebya, čtoby* ^{ok}*nikto* ...
 he took the blame **COMP** no one (N-WORD)

(5) b.	<i>On</i>	<i>vzyl vinu na sebya,</i>	<i>chtoby</i>	<i>ok'to-nibud' ...</i>
	he	took the blame	COMP	someone (NSI)
	<i>ne</i>	<i>postradal</i>		
	NEG	be hurt		

'He took the blame so that no one was hurt'

To model the licensing conditions of NSIs in negative concord, Paducheva introduces the notion of NON-STANDARD NEGATION. This is negation which appears in the scope of non-veridical operator introduced by conjunction *čtoby* and by subjunctive mood. NSIs can appear under the scope of NON-STANDARD NEGATION: that is, they are not banned as in case of (standard) negative concord. However, Paducheva states that NSIs are still licensed by the nonveridical operator.

The idea of NON-STANDARD NEGATION is quite problematic as this kind of negation is postulated *ad hoc* only for two contexts and it is not clear how exactly negation receives its specific properties. In this paper I introduce another context which licenses both types of pronouns, namely, negated process nominalizations. The research question is the following: What licensing conditions help to resolve the Bagel problem? To answer this question I determine the licensing conditions for the two types of pronouns in nominalization, and test Paducheva's approach against the new data. In particular, I argue that *-nibud'* pronouns are licensed in the scope of the nonveridical operator that is introduced in the main clause. The rest of the paper is organized as follows. In section 2 I present a brief overview of negated process nominalizations in Russian. In Section 3 I analyze the licensing conditions for *ni-* and *-nibud'* pronouns taking into account how the presence of negation, non-veridicality and specificity of a nominalization can influence acceptability of NSIs. In Section 4 I present the consequences that my analysis has with respect to one more context in which NSIs are licensed. Section 5 concludes.

2. Negated process nominalizations

Russian process nominalizations are nominals derived with the productive suffixes *-nij/-tij-* [Shvedova, 1980] that have the argument structure associated with the vP functional layer [Alexiadou, 2001], with AspP being the highest available projection in the structure [Pazel'skaya, Tatevosov, 2008]. [Pazel'skaya, 2006] argues that negation cannot merge in process nominalizations because presenting the absence of a process as another process is semantically obscure. Pazel'skaya presents the possible candidates such as *nekormlenie* 'NEG-feeding', *nepodmetanie* 'NEG-brooming',

nepodderzhanie ‘NEG-supporting’, *neraskachivanie* ‘NEG-swinging’, *nekhrapenie* ‘NEG-snoring’ and judges them to be unacceptable.

However, negated nominalizations with process interpretation are found in colloquial speech and, in particular, in The General Internet-Corpus of Russian¹ [Belikov et al., 2013]. As shown in [Gerasimova, 2019], the GICR reveals more than 30 000 results with over 1000 instances of negated nominalizations. In particular, all the instances of negated nominalizations mentioned as possible but unacceptable candidates in [Pazel’skaya, 2006] are found in colloquial speech together with other stems, e.g.: *nenapisanie* ‘NEG-writing’, *nesledovanie* ‘NEG-following’, *nevladenie* ‘NEG-mastering’, *neuspevanie* ‘NEG-keeping up’, e.g. (6).

- (6) *Yavlyaetsya li nepodderzhanie*
 is whether NEG-supporting
blagotvoritel’noi initsiativy grekhom
 charity initiative sin
 ‘Whether not supporting a charity initiative is a sin’

The corpus study revealed that negated process nominals possess the same structural properties as affirmative event nominalizations: in particular, they obligatorily take internal arguments (6), and may take aspectual modifiers (7).

- (7) a. *postoyannoe nevyderzhivanie avtorskikh dlitel’nostei*
 constant NEG-keeping original (note) values
 ‘the constant not keeping the original note values’
 b. *Ezhednevnoe neumolkanie*
 everyday NEG-going silent
 ‘the everyday not going silent’

According to Pazel’skaya, negation in nominalizations creates the same context as clausal negation. Therefore, we would expect to observe the Bagel Problem: the licensing of *ni*-pronouns and unacceptability of NSIs in negated nominalizations. However, the GICR study shows that both types of pronouns are available within negated event nominalizations (8), (9).

- (8) *Prichinoi avarii stalo*
 cause for breakdown became
[ne-srabatyvanie ni odnoi sistemy zashchity]
 NEG-operating no(N-WORD) safety system
 lit. ‘the failure to operate of any safety system caused the breakdown’

¹ The GICR is a corpus of Russian internet texts that contains materials from the largest Russian Internet resources and represents both colloquial and standardized speech in different genres and registers.

- (9) *kolossal'noe [ne-vladienie kakim-nibud' tekstovym redaktorom]*
 colossal NEG-possessing some(NSI) text editor
 lit. 'colossal not possessing the skills in any text editor'

I argue that negated process nominalizations constitute the same context as in cases observed by Paducheva. The structural position of negation was examined in [Gerasimova, 2019]. The diagnostics show that negation appears high in the syntactic structure, at least above all arguments and possibly even above the nominalizer. In particular, a pilot acceptability study has shown that *n*-words in nominalization can be licensed distantly from the matrix clause. Consequently, the nominalizer does not serve as a barrier for the strict NPI licensing. This means that *n*-words in negated nominalizations can be licensed by negation that is located above the nominalizer. Another proposal made by [Gerasimova, 2019] is that all arguments of a nominalization are generated before the [NEG]-feature is introduced and fall under the negative scope. That is, in nominalizations we observe instances of clausal negation which has properties similar to those of negation in subjunctive sentences and embedded purpose *čto-by*-clauses.

3. Licensing conditions for *ni*- and *-nibud'*

So far we have seen that negated process nominalizations provide context which licenses both negative *ni*- pronouns and non-specific indefinite *-nibud'* pronouns. While for *ni*- pronouns the hypothesis is that negation is the licensor, it is less clear what operator could provide the nonveridical scope in nominalization that would license *-nibud'* pronouns. One possible solution could be that the nominalizer itself contains the covert non-veridical operator, as according to [Weinreich, 1963], nominalization is an assertion suspending device. However, in this case the nominalization would always provide the non-specific interpretation for its arguments, which is not the case.

I propose that nominalizer keeps the stem neutral with respect to quantificational operators. In order to establish the licensing conditions, I suggest systematically examining in which contexts which type of pronouns is licensed taking into account the three parameters. The first parameter is the presence/absence of negation in nominalization, which determines the complementary distribution of the two types of pronouns. The second parameter is the presence/absence of the non-veridical operator. On the one hand, nonveridicality can be introduced in the main clause with sentential aspectual operators such as habitual, generic and iterative: e.g. *vsegda* 'always' in (10a). In this case aspectual operators allow for the non-specific interpretation of the nominalization and therefore NSIs may be licensed. On the other hand, nonveridicality can be introduced within

the nominalization, e.g. by the overt operator *postoyannoe* ‘constant’ (10b), which also creates a plausible context for NSI licensing.

- (10) a. *podrazhanie kakomu-nibud' masteru*
 copying some(NSI) master
vsegda ubivaet individual'nost'
 always kills individuality
 ‘copying after some master always kills individuality’
- b. *ego postoyannoe podrazhanie kakomu-nibud' masteru*
 his constant copying some(NSI) master
ubilo v nem individual'nost'
 killed in him individuality
 ‘his_i constant copying after some master killed individuality in him_i’

The final parameter is the specificity of the nominalization. This parameter is the crucial one as specificity of a noun phrase restricts the usage on non-specific indefinite pronouns (11a). I suppose that specificity is introduced at DP which serves as the referential semantics domain. If the non-veridical operator is within a specific DP, it can license *-nibud'* pronouns (11b). However, when the noun phrase is specific, the clausal non-veridical operator cannot license NSIs (11c). Therefore, specificity serves as a restrictor for NSI licensing by a clausemate non-veridical scope and can be used as a diagnostic of whether there is non-veridical scope created in nominalization.

- (11) a. **ego podarki kakim-nibud' devochkam*
 his presents some(NSI) girls
 ‘his present to some girls’
- b. *ego postoyannye podarki kakim-nibud' devochkam*
 his constant presents some(NSI) girls
 ‘his constant presents to some girls’
- c. **ego podarki kakim-nibud' devochkam*
 his presents some(NSI) girl
vsegda menya udivlyali
 always me surprises
 ‘his presents to some girls always surprised me’

The different combinations of the mentioned parameters allow us to establish the licensing conditions for *ni-* and *-nibud'* pronouns and define whether there are any interactions between different scopes. Below we provide observations that are based on judgments from 15 native speakers (ages 22–55).

First, we shall examine the factor of specificity. When the nominalization is specific, non-veridical operators from the main clause cannot license NSI in nominalization. The licensing of NSIs in specific nominalizations does not depend on whether nominalization is negated or not and whether the context is affirmative or non-veridical.

(12) a. Specific negated nominalization in the non-veridical main clause

Ego ne-podrazhanie ^{ok}*nikakomu* / **kakomu-nibud'* *masteru*
 His NEG-copying after no(N-WORD) / any(NSI) master
vsegda menya udivlyalo
 always me impressed
 'His not copying after any master always impressed me'

b. Specific negated nominalization in the veridical main clause

Ego ne-izpytyvanie ^{ok}*nikakikh* / **kakikh-nibud'* *chuvstv*
 his NEG-experiencing no(N-WORD) / any(NSI) feelings
udivilo menya
 impressed me
 'His not experiencing any feelings impressed me'

c. Specific nominalization in the non-veridical main clause

Ego podrazhanie **nikakomu* / **kakomu-nibud'* *masteru*
 his copying after no(N-WORD) / any(NSI) master
vsegda menya udivlyalo
 always me impressed
 'His copying after some master always impressed me'

d. Specific nominalization in the veridical main clause

Ego podrazhanie **nikakomu* / **kakomu-nibud'* *masteru*
 His copying after no(N-WORD) / any(NSI) master
udivilo nas
 impressed us
 'His copying after some master impressed us'

On the contrary, when the nominalization is non-specific, NSIs can be licensed by non-veridical operators from the main clause (13). The licensing conditions of NSI do not depend on whether nominalization is negated or not. However, when the clause is affirmative *-nibud'* pronouns are no longer licensed: even though there is no restriction on licensing in the form of specificity, there is no non-veridical operator in the main clause either (14)–(15).

- (13) a. Non-specific negated nominalization in the non-veridical main clause

Eto motiviruet menya na ne-napisanie
 this motivates me to NEG-writing
^{ok}*nikakoi* / ^{ok}*kakoi-nibud'* *eresi*
 no(N-WORD) / any(NSI) nonsense
 'This motives me for not writing any nonsense'

- b. Non-specific nominalization in the non-veridical main clause:

*Podrazhanie *nikakomu / ^{ok}kakomu-nibud' masteru*
 copying after no(N-WORD) / any(NSI) master
vsegda ubivaet individual'nost'
 always kills individuality
 'Copying after some master always kills individuality'

- (14) Non-specific negated nominalization in the veridical main clause:

Direktor odobril ne-vmeshatel'stvo
 principal approved NEG -intervening
^{ok}*ni v kakie* / **v kakie-nibud'* *dela*
 in no(N-WORD) / in any(NSI) business
 'The principal approved not intervening in any business'

- (15) Non-specific nominalization in the veridical main clause:

Direktor odobril podrazhanie
 principal approved copying after
^{*}*nikakomu* / ^{*}*kakomu-nibud'* *masteru*
 no(N-WORD) / any(NSI) master
 'The principal approved copying after some master'

In case there is a non-veridical operator in the nominalization, the observation is, as expected, that this operator would be the licenser of NSIs (16).

- (16) Specific (negated) nominalization in the non-veridical main clause:

Ego postoyannoe (ne)podrazhanie ^{ok}kakomu-nibud' masteru
 his constant (NEG)copying after any(NSI) master
sdelalo ego izvestnym
 made him famous
 'His copying after some master made him famous'

To sum up, we observe the following distribution of *ni-* and *-nibud'* pronouns. NSIs are not licensed in specific nominalization and in non-specific nominalization in affirmative clause. However, *-nibud'* pronouns can be licensed in non-specific nominalization in non-veridical clause and by non-veridical operator within specific nominalization. These observations

are summarized in Table 1. The provided examples also show that *ni*-pronouns are licensed only in negated nominalizations.

Table 1

Licensing conditions of *ni*- and *-nibud'* pronouns

Example	Specificity	[NEG]	NV	<i>ni</i> -	<i>-nibud'</i>	Operators at LF
12a	+	+	+	+	*	*D _{specific} > <i>-nibud'</i> okNeg > <i>ni</i> -
12b	+	+	-	+	*	
12c	+	-	+	*	*	
12d	+	-	-	*	*	
13a	-	+	+	+	+	okD _{non-specific} > <i>-nibud'</i> > Neg
13a	-	+	+	+	+	
14	-	+	-	+	*	*Verid, D _{non-specific} > <i>-nibud'</i> > Neg
15	-	-	-	*	*	
16	+	+	within	+	+	
	+	-		*	+	

The data above allows us to conclude on what is the relative order of the operators at LF. The crucial observation is that the licensing of *-nibud'* pronouns does not depend on the presence/absence of negation. Importantly, the specificity of nominalization influences the availability of non-veridical operator from the main clause, which can license *-nibud'* pronouns.

I argue that there is no need in postulating the NON-STANDARD NEGATION, as negation is not necessary for NSI-licensing. Although linearly *-nibud'* pronoun appears under the scope of two operators, it is not necessarily in the negative scope at LF. In other words, NSI undergoes LF movement, gets out of the scope of negative operator but is still in the scope of non-veridical operator. Herewith, nonveridical operator is located above the negative one. The same course of reasoning can be applied to the cases of subjunctive sentences and embedded purpose *čtoby* clauses.

4. Consequences of eliminating the NON-STANDARD NEGATION

The elimination of the NON-STANDARD NEGATION can help in solving another puzzle connected to *-nibud'* licensing conditions. In particular [Paducheva, 2018] reports some marginal examples that contradict the generalization that negation cannot license *-nibud'* pronouns. In particular, in (17a) *-nibud'*

pronoun is licensed under the negative scope of *nepravda* ‘lie’, while it is prohibited in an affirmative variant of the same sentence (17b). Thus, it can be argued that derivational negation in *nepravda* ‘lie’ is the operator that is licensing the NSI.

(17) [Paducheva, 2018, (108)]

- a. *Eto nepravda, chto on kogo-nibud' ubedil*
 this lie that he anyone(NSI) convinced
 ‘It is not true that he convinced someone’ (= he didn’t convince anyone)
- b. * *Eto pravda, chto on kogo-nibud' ubedil.*
 this truth that he anyone(NSI) convinced
 ‘It is true that he convinced someone’

I suggest that these examples can be explained using the idea that NSIs can only be licensed by non-veridical operators. If NSIs are licensed by nonveridical operators, then the prediction is that they are ungrammatical in affirmative contexts. An affirmative context is exactly what we see in (17b): the head for the embedded clause *pravda* ‘truth’ ensures truth of this embedded clause. On the contrary, in (17a) we observe a context, that does not ensure truth and, therefore, contains a non-veridical licenser for NSI.

A similar situation is found in examples like (18), that contain negation in the semantic structure of the verb *vrat* ‘lie’. Remarkably, NSIs are licensed within the bare verb and prohibited under the double negation. I argue that in (18b) the matrix clause ensures truth of the embedded clause. That is, the context is veridical and, consequently, NSIs cannot be licensed.

(18) [Paducheva, 2018, (109)]

- a. *On vret, chto kogo-nibud' ubedil*
 he lies that anyone(NSI) convinced
 ‘He lies that he convinced someone’
- b. * *On ne vret, chto kogo-nibud' ubedil.*
 he NEG lies that anyone(NSI) convinced
 ‘He does not lie that he convinced someone’

5. Conclusion

To summarize, in this paper I have examined the licensing conditions for the two polarity sensitive items in Russian, *ni-* and *-nibud'* pronouns. While these types of pronouns are usually in complementary distribution, two contexts were found in which both of them are available. In order to model this exceptional licensing of NSIs under the negative scope, [Paducheva,

2018] introduced the notion of NON-STANDARD NEGATION, which appears under the scope of non-veridical operator. The limitation of such an approach is that this is an *ad hoc* solution which does not provide any explanation regarding the mechanisms that underlie licensing.

To investigate the exceptional NSI licensing conditions I introduced another context which licenses both types of pronouns, viz. negated process nominalizations. I tested Paducheva's approach against the new data. In particular, by assessing acceptability of sentences with all possible combinations of presence/absence of negative, non-veridical operators and specificity, I have shown that negation does not affect NSI licensing in any way. The crucial observation is that NSIs are always licensed by non-veridical operators in case they are not in a specific DP which restricts the scope of the clausal operator. Remarkably, the obtained results correspond to the crosslinguistic generalization from [Giannakidou, 2006]: n-words obey syntactic locality restrictions and are licensed by a clause-mate antiveridical expression, while non-veridical operators exhibit long distance licensing.

References

Alexiadou, 2001 – Alexiadou A. Functional structure in Nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam, 2001.

Belikov et al., 2013 – Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте / Беликов В.И., Копылов Н.Ю., Пиперски А.Ч. и др. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М., 2013. [Belikov V., Kopylov N., Piperski A., et al. Corpus as language: From scalability to register variation. *Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya – 2 iyunya 2013 g.)*. Vol. 12 (19). Moscow, 2013. Pp. 83–95. (In Russ.)]

Gerasimova, 2015 – Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП–2015» / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61. [Gerasimova A. Licensing negative pronouns in Russian infinitives. *Tipologija Morfosintaksicheskikh Parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii «TMP–2015»*. Vol. 2. Moscow, 2015. Pp. 47–61. (In Russ.)]

Gerasimova, 2019 – Gerasimova A. Licensing negative polarity items in Russian event nominalizations. *ConSOLE XXVII: Proceedings of the 27th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe (21–23 February 2019, Humboldt-Universität zu Berlin)*. Student Organisation of Linguistics in Europe Leiden University Centre for Linguistics, 2019. Pp. 106–117.

Giannakidou, 2006 – Giannakidou A. Only, emotive factive verbs, and the dual nature of polarity dependency. *Language*. 2006. Vol. 82. Pp. 575–603.

Giannakidou, 2011 – Giannakidou A. Positive polarity items and negative polarity items: Variation, licensing, and compositionality. *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner (eds.). De Gruyter Mouton, 2011. Pp. 1660–1712.

Haspelmath, 1997 – Haspelmath M. From space to time. Lincom, 1997.

Laka, 1990 – Laka I. Negation in Syntax: On the Nature of Functional Categories and Projections. PhD diss., MIT. 1990.

Paducheva, 1985 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. [Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost's s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy) [The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, 1985.]

Paducheva, 2014 – Падучева Е.В. Снятая утвердительность и невериди-кативность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М., 2014. С. 489–505. [Paducheva E.V. Suspended assertion and nonveridicality. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii*. Vol. 13 (20). Moscow, 2014. Pp. 489–505. (In Russ.)]

Paducheva, 2017 – Падучева Е.В. Отрицание // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян, Н.М. Стойнова. СПб., 2017. С. 283–343. [Paducheva E.V. Negation. *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka*. Vol. II. Syntactic constructions and grammatical categories. V.A. Plungyan, N.M. Stoynova (eds.). St. Petersburg, 2017. Pp. 283–343. (In Russ.)]

Paducheva, 2018 – Падучева Е.В. Нереперентные местоимения на -нибудь // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы / Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян, Н.М. Стойнова. СПб., 2018. С. 261–286. [Paducheva E.V. Non-specific -nibud' pronouns. *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka*. Vol. III. Parts of speech and lexico-grammar classes. V.A. Plungyan, N.M. Stoynova (eds.). St. Petersburg, 2018. Pp. 261–286. (In Russ.)]

Pazel'skaya, 2006 – Пазельская А.Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [Pazel'skaya A.G. Nasledovanie glagolnykh kategoriy imenami situatsiy: na materiale russkogo yazyka [Inheritance of verbal categories by deverbal nouns in Russian]. PhD diss., Lomonosov Moscow State University. 2006.]

Pazel'skaya, Tatevosov, 2008 – Пазельская А.Г., Татевосов С.Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова. М., 2008. С. 348–380. [Pazel'skaya A., Tatevosov S. Deverbal nouns and the structure of Russian verb. *Issledovaniya po glagolnoy derivatsii*. Plungyan V.A., Tatevosov S.G. (eds.). Moscow, 2008. Pp. 348–380. (In Russ.)]

Pereltsvaig, 2004 – Pereltsvaig A. Negative polarity items in Russian and the 'Bagel Problem'. *Negation in Slavic*. S. Brown, A. Przepiorkowski (eds.). Bloomington, 2004. Pp. 153–178.

Weinreich, 1963 – Weinreich U. On the semantic structure of language. *Universals of Language*. J. Greenberg (ed.). Cambridge, MA, 1963. Pp. 114–171.

Статья поступила в редакцию 10.11.2019, принята к публикации 15.12.2019
The article was received on 10.11.2019, accepted for publication 15.12.2019

Об авторе / About the author

Герасимова Анастасия Алексеевна – магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь лаборатории общей семантики, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва

Anastasia A. Gerasimova – MA student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research assistant at the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4686-5598>

E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-24-35

D. Zelenskii

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Universal DP and Bošković phases

This paper is dedicated to creating a restrictive account for syntactic phases under some crucial assumptions of the last years such as Reverse Agree and Universal DP. To achieve that, Bošković's position on Phase Impenetrability Constraint, which entails that it does not affect Agree, is checked against Russian data reinterpreted under Universal DP.

Key words: phases, syntax, Russian language, Minimalism

Acknowledgments. As for acknowledgments, I am grateful (in chronological order of the last of the influences relevant to this paper) to Ekaterina Lyutikova for teaching syntax, bringing the debate on Universal DP to my attention and co-organizing FARL3, Susanne Wurmbrand for Reverse Agree and overall better understanding of the Minimalist machinery, Sergei Tatevosov for fruitful discussions and co-organizing FARL3, Pavel losad for bringing some new papers to my attention and my parents for their neverending support, both emotional and financial, despite having little connection to the world of linguistics.

FOR CITATION: Zelenskii D. Universal DP and Bošković phases. *Rhema*. 2020. № 1. Pp. 24–35. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-24-35

Д.М. Зеленский

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Универсальная группа артикля и фазы Бошковича

Статья посвящена созданию ограничивающего анализа синтаксических фаз при принятии некоторых допущений последних лет, в частности, универсальной группы артикля и обратного согласования. Чтобы достичь этого, позиция Бошковича относительно ограничения непроницаемости фазы, предполагающая, что оно не влияет на согласование, проверяется на данных русского языка, реинтерпретированных с учетом универсальности группы артикля.

Ключевые слова: фазы, синтаксис, русский язык, минимализм

Благодарности. Я благодарю (в порядке времени влияния на статью, от наиболее раннего к наиболее позднему) Екатерину Анатольевну Лютикову за обучение синтаксису, привлечение моего внимания к дискуссии об универсальности DP и организацию конференции FARL3, Сюзанну Вурмбранд за создание механизма обратного согласования и обеспечение лучшего понимания архитектуры минимализма, Сергея Георгиевича Татевосова за плодотворные обсуждения и организацию конференции FARL3, Павла Иосада за привлечение моего внимания к некоторым ранее мне неизвестным работам. Благодарю также моих родителей за их постоянную поддержку – как эмоциональную, так и финансовую – несмотря на отсутствие связи с миром лингвистики.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зеленский Д.М. Универсальная группа артикля и фазы Бошковича // Рема. Rhema. 2020. № 1. С. 24–35. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-24-35

1. Introduction¹

At least since [Chomsky, 2000] **phases** have been one of the main instruments of a Minimalist linguist in deriving syntactic constraints. They were meant to replace pre-Minimalist barriers of [Chomsky, 1986] and

¹ While being based on a talk at Third Workshop on Formal Approaches to Russian Linguistics (FARL3), it expands somewhat beyond the talk.

at the same time provide a chunking device, so that derivation happens phase by phase and the computational cost is thus reduced [Chomsky, 2001].

Naturally, nearly all of their properties have been debated. For instance, there has been controversy on whether there is a closed set of phase-inducing heads (such as C, v/Voice,² D and P) or phasehood is defined dynamically, as a derivation proceeds; whether phases for PF and LF are the same or different; whether a phase head can have multiple specifiers (see also footnotes); what are the effects of phases (and, in particular, how do they interact with Move (a.k.a. Internal Merge) and Agree; see below); whether they are obligatory or optional (e.g., [D'Alessandro, Scheer, 2015]). Many problems of the phases are discussed in [Boeckx, Grohmann, 2007], though a ban on multiple specifiers hopefully dissolves their argument against phases limiting locality.

The interaction of phases and operations has often been tied to the so-called Phase Impenetrability Constraint (PIC), originally formulated as follows: “In phase α with head H, the domain of H is not accessible to operations outside α , only H and its edge are accessible to such operations” [Chomsky, 2000, p. 108]. [Chomsky, 2001], beyond relaxing it (see below), adds a quasi-explanation: when a phase is completed its complement is transferred to the interfaces (i.e. spell-out), and its internal structure is thus made opaque to the narrow syntax.³

Minimalism postulates two⁴ main operations: Merge and Agree. Merge comes in several flavors: at least External and Internal Merge are to be distinguished.⁵ External Merge obviously cannot target something

² Chomsky uses v for the head that does all of the following: projects or does not project external argument (agent), provides or does not provide accusative case for internal argument and serves as a phase for object extraction. While the link between the first two properties has been known for a long time (as “Burzio’s generalization” [Burzio, 1986]) there is no obvious reasons to believe that the last property belongs to the same head. Moreover, the belief leads to an undesirable conclusion that a phase head can have multiple specifiers, which more or less defeats the purpose of replacing barriers with phases. Therefore, it is natural to assume that this is achieved by two different heads – the phase head is v ([Marantz, 1995]’s verbalizer, same as [Pollock, 1989]’s AgrO) whereas case and external argument are provided by Voice of [Kratzer, 1996]. This also dissolves the long-standing debate on why unaccusatives exhibit phase properties – they do have a verbalizer. Other heads ascribing part-of-speech are presumably phases too, at least when they take root phrases as their complements (it would seem somewhat unpleasant to claim that *governmental* has two phases, one for *ment* and one for *al*).

³ It obviously cannot be maintained that the structure is fully lost: at least LF seems to have access to it.

⁴ Though see [Zelenskii, 2020] for a justification for the third operation of Percolate. Percolate, however, is subject to its own locality limitations, which are much more strict than PIC, and thus irrelevant.

⁵ [Citko, 2005] argues at length that Parallel Merge is also needed; it is, however, arguably analogous to External Merge in what concerns PIC and is thus omitted in further discussion.

else than the topmost node⁶ and is thus not subject to PIC. Internal Merge, however, also known as Move, involves Merging the topmost node with one of its constituents and is therefore subject to PIC – one cannot Move out of a phase without a stop at the phase's edge. If multiple specifiers are disallowed,⁷ this provides an explanation for island effects known since [Ross, 1967].

A more arguable question is whether PIC also holds of Agree. There are at least four answers found in the literature:

1. Yes, unconditionally (original answer of [Chomsky, 2000]);
2. Yes, but only after the **next** phase is built (so-called weak, or relaxed PIC, originating from [Chomsky, 2001, p. 14], restated in [Richards, 2010]; not to be confused with the notion of weak phases, which are not subject to PIC at all);
3. It depends ([D'Alessandro, Scheer, 2015]);
4. No, unconditionally, all locality limitations on Agree are due to intervention ([Bošković, 2003]).

The last option is the one I will set to explore in this paper – from a very particular point of view. Rather than comparing it to the three other options directly, I shall check whether it is compatible with Universal DP hypothesis (see section 2), which was not accepted by Bošković.

Reverse Agree [Wurmbrand, 2014] (i.e. the one with downward valuation and not linked to interpretability) will be assumed, if only for the simplicity of derivations (though there are conceptual arguments for it as well); note that this is not the one Bošković assumed back in early 2000-ies.

2. The Universal DP debate

Since [Abney, 1987] articles of languages like English have been largely supposed to be a functional head D whose complement is the remaining⁸ noun phrase. Soon many properties (including phasehood) were linked to the D projection, and a question arose whether the properties are there in “articleless” languages and, if they are, whether they are truly articleless (in other words, whether DP is universal).

⁶ Or, to be precise, two topmost nodes of the merged structures, where each is either extracted from the lexicon or built in a separate workspace. The latter situation is found, e.g., for external argument, which is (typically) a DP built in a separate workspace and then attached as a specifier to the VoiceP built in another (“main”) workspace.

⁷ Otherwise, as it is correctly noted in [Ceplova, 2001] (cit. by [Boeckx, Grohmann, 2007, p. 213–214]), nothing should be an island (without additional undesirable stipulations).

⁸ Modulo, of course, Saxon genitives, quantifiers surfacing to the left of an article (such as *all the men*) and other SpecDP elements.

Bošković has been one of the most ardent proponents of the idea that languages lacking overt articles (such as Russian or Serbo-Croatian⁹) indeed lack them (see [Bošković, 2005, 2008]), and the debate shall be reviewed below. I do not intend to claim that I shall mention all the relevant works; however, I maintain that I discuss enough to demonstrate both the situation and the solution.

2.1. Bošković's arguments against Universal DP

Bošković makes a set of empirical claims (and their theoretical justifications) which are so peculiar that their extended direct quotation is justified:

1. Only languages without articles may allow left-branch extraction;
2. Only languages without articles may allow adjunct extraction out of noun phrases;
3. Only languages without articles may allow scrambling;¹⁰
4. Negati[on]¹¹ Raising is disallowed in languages without articles (by NPI-test, as interpretation in embedded clause is clearly available);
5. Multiple wh-fronting languages without articles don't show superiority effects in the fronting;
6. Only languages with articles may allow clitic doubling;
7. Languages without articles don't allow transitive nominals with two genitives;
8. Only languages with articles allow the majority superlative reading (i.e. reading *Most people drink beer* as equivalent to *There are more people who drink beer than those who do not*);
9. Head-internal relatives are island-sensitive in languages without, but not in those with articles (with interpretative differences as well);
10. Polysynthetic languages do not have articles.

Of these, 8 is clearly false¹² (Russian allows the reading for *Bol'shinstvo lyudej p'yot/p'yut pivo* 'Most people drink beer' given lack of stress on *pivo* 'beer'; it is quite probable that the languages cited by Bošković were simply not checked for different prosodic patterns), and 10 is ill-defined as it is unclear what is meant by polysynthesis (compare the diversity in Oxford handbook [Fortescue et al., 2017]) – under quite a few definitions French counts as one, but this is obviously not what Bošković has in mind. As for 7,

⁹ Like Bošković, I abstract here from the difficult yet irrelevant question of subdivision of the language.

¹⁰ Japanese-style, not German-style – allowing, in particular, scrambling out of dependent finite clauses.

¹¹ In the paper, inexplicably, Negative Raising.

¹² Note that this is the one empirical claim that Bošković does not try to give a theoretical explanation for, so a good devil's advocate could say that's why.

Bošković makes an unwelcome stipulation that D feature is involved in movement to SpecCP (which crumbles in too many ways to mention; Cable's Q [Cable, 2007] being an intervener is enough) to link his otherwise solid analysis [Bošković, 1999] to the artlessness.

Additionally, he claims [Bošković, 2008, p. 108–109] that adjectives are also functional heads in languages with articles and adjuncts in languages without, based on “disrupting case assignment” to pronouns in English and Macedonian but not Serbo-Croatian (cf. *The real him* / **he is dead* and Russian *Nastoyaschij on myortv* ‘idem’) and that determiner-like objects in artless Slavic languages are adjectives (based, in particular, on their morphological behavior, ability to stack up in free order, appearing in predicate positions and inability to be modified).

2.2. Arguments for Universal DP

As the claim of DP-less languages would have huge implications for syntactic theory (such as a direct influence on syntax by morphology, contrary to the standard inverted Y-model both of [Chomsky, 2000] and of previous works), there have always been proponents of the alternative view, namely, that “artless” languages feature a D head which is phonologically zero (or, perhaps, several such heads).

2.2.1. Pereltsvaig's counter-arguments

Of course, Bošković's arguments did not go unnoticed. In particular, [Pereltsvaig, 2007] took the pain to thoroughly discuss a lot of them.

The claim that there are no functional heads corresponding to adjectives makes two incorrect predictions. Firstly, the order of adjectives modifying the same noun is expected [Bošković, 2005, p. 6] to be freer (i.e. not subjected to a functional hierarchy) in artless languages, whereas an experimental comparison of Russian and English speakers did not show the effect (and the explicit claim of allowing both of the possible orders actually happened three times as rare for Russian speakers as for English ones). Secondly, the distinction of light (head) vs. heavy (phrasal) adjectival modifiers is predicted to be inexistent, which is, again, false: light adjectives intervene in head movement (namely, approximative inversion) whereas heavy do not.

Likewise, the claim that demonstrative pronouns and pronominal possessives are adjectives does not go through. Morphological similarity is incomplete and, even were it complete, entails nothing about syntactic category. Free ordering does not hold any more than for adjectives. Predicative syntax involves a null noun, as agreement with polite singular *vy* ‘you’ shows (*Vy moya* / **moi* ‘you are mine’), and, even if it did not, this would no more mean that these words are adjectives than ability of *his* to appear in a predicative

position (like *This book is his*) entails that *his* is adjective.¹³ Modifiability turns out to be an argument against unifying with adjectives, as adverbs can modify adjectives but not these elements. Moreover, possessives actually introduce a referent (which can also bear theta-role of the modified noun), unlike adjectives (even when derived from the same noun).

Left branch extraction is shown to work differently from what Bošković claims, targeting only the adjective itself not necessarily its phrase and not being blocked by other adjectives (but still being blocked by the elements discussed in previous paragraph). Extracted elements need not even constitute a constituent.

The two genitives argument does not go through because the two genitives in languages with overt articles may have different properties (and in English – even different marking: *John's picture of Mary*), and, moreover, combination of two low genitives is actually permissible in Russian: *konspekt lekicii brata* ‘brother’s notes of a/the lecture’. (The situation with (high) possessives is more difficult, see Ch. 2 in [Lyutikova, 2017].)

Scrambling counter-argument in its original form was subverted by the “Japanese-style not German-style” codicil in [Bošković, 2008]. See next section for another argument for Universal DP based on scrambling.

2.2.2. Small nominals

Universal DP hypothesis makes (upon most realizations) a powerful prediction: it is possible to have phonologically identical noun phrases differing in whether they have a DP layer – i.e. whether they are full DPs or so-called small nominals. This is a so-called distributive argument [Lyutikova, 2017, p. 42].

The prediction is borne out, as described at length in [Pereltsvaig, 2006; Lyutikova, 2017] (among others). Here are some examples of their arguments:

Noun phrases used as predicates do not have a DP-layer and thus cannot have demonstrative pronouns in them (although this fact can, in principle, be explained semantically). Vocative positions do not allow DP, either.

Russian quantitative phrases can differ in distribution and agreement depending on presence/absence of DP-layer (1), and the semantics also differs:

- (1) a. [[Pyat' xirurg-ov]_{QP}]_{DP} operirova-l-i Dzhejms-a Bond-a.
 five surgeon-GEN.PL operate-PST-PL James-ACC Bond-ACC
 ‘Five surgeons performed an operation on James Bond’.

¹³ Pereltsvaig uses *mine* which is segmentally distinct from *my*; the counter-argument still goes through.

- b. [Pyat' xirurg-ov]_{QP} operirova-l-o Dzhejms-a Bond-a.
 five surgeon-GEN.PL operate-PST-N James-ACC Bond-ACC
 'Five surgeons performed an operation on James Bond'.
- c. [Te [pyat' xirurg-ov]_{QP}]_{DP} operirova-l-i/*-o Dzhejms-a
 those five surgeon-GEN.PL operate-PST-PL/-N James-ACC
 Bond-a.
 Bond-ACC
 'Those five surgeons performed an operation on James Bond'.

DPs require structural case, which is not universally necessary for small nominals; this also leads DPs (and those small nominals that do, for language-particular reasons, have structural case, see [Lyutikova, 2014]) to be subject to scrambling whereas small nominals that lack structural case cannot undergo it.

DPs are islands, whereas small nominals are not, and the minimally contrasting pairs can be found in Russian complex predicates such as *prinyat' reshenie* 'make a decision' whose second part may form NP or DP, with different possibilities of extraction:

- (2) ...kotoryj byi-l-o prinya-t-o (*moy-o) reshenie
 which be-PST-N make-PST.PASS-N my-N decision
 prevrati-t' v=ehkspluatiru-em-oe pomeschenie
 turn.into-INF in=exploit-able-N.ACC place.ACC
 '...which was decided to be turned into an exploitable place'.

Sort inversion is N-to-A-to-D-movement, thus unavailable in contexts requiring small nominals such as vocatives: **O filin obyknovennyij!* 'Oh, Bubo bubo!'

2.2.3. Other arguments

Before drawing up a conclusion I shall add two more arguments from [Lyutikova, 2017] to really "bring the argument home".

DPs can embed a clausal constituent as well as NP, and the resulting constituent is an island, as Ossetic is claimed to show [Lyutikova, 2017, p. 88–117]. This is difficult to model without a DP (and, moreover, a phase DP).

Appositive relative clauses are to be adjoined above DP, whereas restrictive relative clauses are to be adjoined below; moreover, their relative pronoun is also different, and the differences are inexplicable without intermediate projections.

2.3. Conclusion on Universal DP

Although there were many more papers on both sides, it seems that Universal DP proponents make stronger (and more interesting) predictions that tend to be correct, whereas its opponents (and Bošković in particular) rely on some tendencies which are frequently underanalyzed, incorrect or irrelevant – and in a disturbing number of cases some combination of these properties.

It can thus be stated with a decent degree of certainty that Universal DP hypothesis is correct, despite the fact that the burden of proof has been put¹⁴ on its proponents.

3. Compatibility

Now, having more or less established that Universal DP is right, I can turn to the question whether irrelevance of PIC for Agree stated by [Bošković, 2003] can be maintained (to the extent it was originally true¹⁵) for “articleless” languages as well given that Universal DP hypothesis rejects the idea of major structural differences between them and languages with overt articles. Russian will be used as a prototypical example.

The type of situations in question is exemplified (3a) below:

- (3) a. On pokaza-l [molodozhyon-am]_{DP} [podark-i drug=drug-a]_{DP}.
 he show-PST newlywed-PL.DAT gift-PL.ACC each=other-GEN
 ‘He has shown newlyweds each other’s presents.’
- b. On pokaza-l [molodozhyon-am]_{DP} drug=drug-a.¹⁶
 he show-PST newlywed-PL.DAT each=other-ACC
 ‘He has shown newlyweds each other.’
- c. ?... [te podark-i drug=drug-a]_{DP}.
 ... those gift-PL.ACC each=other-ACC
 ‘He has shown newlyweds those presents of each other’s.’

¹⁴ If the basic ideas of universal and restrictive linguistic capacity are accepted this is actually unexpected. Bošković, moreover, seems to understand this: he notes that “[i]t is often assumed TNP should be treated in the same way in articleless languages and English for the sake of uniformity. This argument fails on empirical grounds: it is simply a fact that there are radical differences between the two—there is no uniformity here” [Bošković, 2008, p. 106]. Thus, he can be understood to agree that the uniform treatment is the null hypothesis and the burden of proof that empirical evidence points otherwise is on him.

¹⁵ So it is actually a question of whether Bošković’s arguments on the issue are transferrable, not whether they entail what Bošković wants them to entail. If he is wrong he is, of course, wrong in all languages.

¹⁶ The homonymy of accusative and genitive, common to all Russian pronouns (barring *что* ‘what’ and its derivatives as well as numerical pronouns such as *skol’ko* ‘how much’ and gender-agreeing ones) is irrelevant.

As discussed above, the genitive *drug=druga* ‘each other’ in (3a) is clearly not in SpecDP – at least not overtly. At the same time, the noun phrase containing them is clearly referential – and thus a DP, as stated above. DP’s are (more or less universally) considered to be phases.

The reciprocal pronoun *drug=druga* in (3a) is clearly bound by *molodozhyonam* ‘newlyweds.DAT’, given that *on* ‘he’, being singular (and, on the most natural reading, countable), is an infelicitous antecedent for a reciprocal pronoun. That c-command and similar conditions on binding are established can be seen in (3b), where the same pronoun is bound by the same noun phrase in a minimally differing context without a phase over it.

Binding relations are now generally taken to be instantiations of Agree [Landau, 2000]. Simply put, the binder transfers its ϕ -features to the bindee (downwards, hence Reverse Agree; standard Chomskian Agree requires additional stipulations). Therefore, as long as we can trust the overt low position of *drug=druga* to be the highest, (3a) is evidence of Agree into a phase (namely, a DP) in an articleless language. Moreover, as *podarki* ‘presents’ are to have a nominalizer head over its root, two phases are there¹⁷ between the binder and the bindee (see the second footnote), so the relaxed PIC does not work either.

One could claim that, to the extent that (3a) is grammatical, there is a covert movement to SpecDP (and, indeed, its overall not so great acceptability further declines if SpecDP is occupied, cf. (3c)). Bošković, however, rejects covert movement as a theoretical instrument overall, claiming that having both Agree and covert movement is superfluous (*contra* [Pesetsky, 2000], as he notes himself). Therefore, to Bošković, (3a) is an argument in favor of his view even under the idea Universal DP.

4. Conclusion

This paper has checked whether arguments of [Bošković, 2003] are compatible with the Universal DP hypothesis and found that they are, indeed, compatible.

This, importantly, does not entail that they are necessarily insurmountable. The debate on the locality of Agree is huge, and findings are somewhat inconsistent (especially when one seeks to unify all the situations which are likely to be instantiations of Agree, from assignment of (structural) case to predicative agreement to binding).

¹⁷ Though see [Erschler, 2018] for an opposite view.

As a side result, disallowing multiple specifiers at a phase edge¹⁸ were justified.

References

Abney, 1987 – Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. PhD diss. MIT, 1987.

Boeckx, Grohmann, 2007 – Boeckx C., Grohmann K.K. Remark: Putting phases in perspective. *Syntax*. 2007. Vol. 10. No. 2. Pp. 204–222.

Bošković, 1999 – Bošković Ž. On multiple feature-checking: Multiple wh-fronting and multiple head-movement. *Working minimalism*. S. Epstein, N. Hornstein (eds.). Cambridge, MA, 1999. Pp. 159–187.

Bošković, 2003 – Bošković Ž. Agree, phases, and intervention effects. *Linguistic Analysis*. 2003. Vol. 33. Pp. 54–96.

Bošković, 2005 – Bošković Ž. On the locality of Left Branch Extraction and the structure of NP. *Studia Linguistica*. 2005. Vol. 59. No. 1. Pp. 1–45.

Bošković, 2008 – Bošković Ž. What will you have, DP or NP? *Proceedings of North-Eastern Linguistic Society*. 2008. Vol. 37. No. 1. Pp. 101–114.

Burzio, 1986 – Burzio L. Italian syntax: A government-binding Approach. Dordrecht, 1986.

Cable, 2007 – Cable S. The grammar of Q: Q-particles and the nature of Wh-fronting, as revealed by the Wh-questions of tlingit. Ph.D. diss. MIT, 2007.

Chomsky, 1986 – Chomsky N. Barriers. Cambridge, MA, 1986.

Chomsky, 1995 – Chomsky N. The Minimalist program. Cambridge, MA, 1995.

Chomsky, 2000 – Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*. R. Martin, D. Michaels, H. Uriagereka (eds.). Cambridge, MA, 2000. Pp. 89–155.

Chomsky, 2001 – Chomsky N. Derivation by phase. *Ken Hale: A life in language*. M. Kenstowicz (ed.). Cambridge, MA, 2001. Pp. 1–52.

Citko, 2005 – Citko B. On the nature of merge: External merge, internal merge, and parallel merge. *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. No. 4. Pp. 475–496.

D'Alessandro, Scheer, 2015 – D'Alessandro R., Scheer T. Modular PIC. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 46. No. 4. Pp. 593–624.

Erschler, 2018 – Erschler D. Against the universal phasehood of nP: Evidence from the morphosyntax of book titles. *Proceedings of the Linguistic Society of America*. 2018. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–15.

Fortescue et al., 2017 – The Oxford handbook of polysynthesis. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). Oxford University Press, 2017.

¹⁸ They are probably disallowed overall, though this is much harder to justify since there is no PIC for other situations to render the complement unaccessible and since no island effects are expected there (nor, thankfully, found). [Kayne, 1994] has an explanation for having a single specifier, but it entails accepting a version of linearization that comes off as too strong, leading, among other things, to postulating word order heads having no semantic content, thus defying the principle of full interpretability [Chomsky, 1995, p. 27]. One can claim that PF-interpretability works as well as LF-interpretability, but that would entail that features with no interpretable instances could exist for PF reasons, thus by and large destroying the principle's main prediction.

- Kayne, 1994 – Kayne R.S. The antisymmetry of syntax. Cambridge, MA, 1994.
- Kratzer, 1996 – Kratzer A. Severing the External Argument from its Verb. *Phrase Structure and the Lexicon*. J. Rooryck, L. Zaring (eds.). Dordrecht, 1996. Pp. 109–137.
- Landau, 2000 – Landau I. Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions. Dordrecht, 2000.
- Lyutikova, 2014 – Lyutikova E.A. Case and structure of a noun phrase: Differential object marking in Mishar dialect of Tatar. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 2014. No. 4. Pp. 50–70.
- Lyutikova, 2017 – Lyutikova E.A. Syntax of noun phrase in articless languages [Sintaksis imennoj gruppyi v bezartiklevom yazyike]. Dr. Hab. diss. Lomonosov Moscow State University, 2017.
- Marantz, 1995 – Marantz A. Cat as a phrasal idiom: Consequences of late insertion in Distributed Morphology. Ms. Cambridge, MA, 1995.
- Pereltsvaig, 2006 – Pereltsvaig A. Small nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. Pp. 433–500.
- Pereltsvaig, 2007 – Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. Pp. 59–94.
- Pesetsky, 2000 – Pesetsky D. Phrasal movement and its kin. Cambridge, MA, 2000.
- Pollock, 1989 – Pollock J.-Y. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. No. 3. Pp. 365–424.
- Richards, 2010 – Richards M.D. Deriving the edge: What’s in a phase? *Syntax*. 2010. Vol. 14. No. 1. Pp. 74–95.
- Ross, 1967 – Ross J.R. Constraints on variables in syntax. PhD diss. MIT, 1967.
- Wurmbrand, 2014 – Wurmbrand S. The Merge condition: A syntactic approach to selection. *Minimalism and Beyond. Radicalizing the Interfaces*. P. Kosta, S.L. Franks, T. Radeva-Bork, L. Schürcks (eds.). Amsterdam/Philadelphia, 2014. Pp. 130–167.
- Zelenskii, 2020 – Zelenskii D. Redefining feature percolation. *Working Papers of the Linguistic Circle of the University of Victoria*. 2020. Vol. 30. No. 1: Proceedings of the 35th annual NorthWest Linguistics Conference. Pp. 21–30.

Статья поступила в редакцию 10.11.2019, принята к публикации 15.12.2019
The article was received on 10.11.2019, accepted for publication 15.12.2019

Об авторе / About the author

Зеленский Дмитрий Максимович – магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Dmitrii M. Zelenskii – MA student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1979-0482>

E-mail: dz-zd@mail.ru

П.В. Иосад

Эдинбургский университет,
EH8 9AD, г. Эдинбург, Великобритания

Морфонологическая стратификация в русском языке

В работе предлагается анализ фрагмента русской морфонологии – чередования *e ~ 'o* и некоторых связанных с ним явлений – в духе порождающих стратификационных подходов наподобие лексической фонологии. Цель работы – показать, что это чередование обладает целым рядом свойств, обычно характерных для основообразующих фонологических правил. Таким образом, утверждается, что, с одной стороны, русский материал поддерживает модель, предполагающую стратификацию морфонологических систем, а с другой – стратификационные модели открывают продуктивные подходы к анализу русской морфонологии, эксплицитно связывающие морфонологическую структуру как с фонологическими закономерностями, так и с морфологической и семантической структурой русских слов.

Ключевые слова: фонология, морфонология, русский язык, морфонологическая стратификация, лексические правила, порядок правил

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Иосад П.В. Морфонологическая стратификация в русском языке // Рема. Rhema. 2020. № 1. С. 36–55. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-36-55

P.V. Iosad

University of Edinburgh,
Edinburgh, EH8 9AD, United Kingdom

Stratal phonology and Russian morphophonology

This paper analyses a fragment of the morphophonological grammar of Russian, namely the so-called *e ~ 'o* alternation, within a Lexical Phonology-style stratal model. The aim is to demonstrate that the rule shows a range of properties usually associated with stem-level phonology. Thus, on the one hand, Russian data provides further support for a stratal model of morphophonology, and on the other hand stratal models appear to be a productive approach to Russian morphophonological alternations that explicitly links morphophonology with both phonological patterns and the morphological and semantic structure of Russian words.

Key words: phonology, morphophonology, Russian, stratal phonology, lexical rules, rule ordering

FOR CITATION: Iosad P.V. Stratal phonology and Russian morphophonology. *Rhema*. 2020. № 1. Pp. 36–55. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-36-55

Русская морфонология имеет необычный статус в современной фонологической теории. С одной стороны, можно сказать, что без русских данных порождающая фонология в том виде, который она получила после 1960-х гг., могла бы и не состояться: принято считать, что в знаменитой работе М. Халле «Звуковой строй русского языка» [Halle, 1959] был сформулирован деривационный подход к морфонологическим чередованиям, нашедший позже выражение в «Звуковом строе английского языка», написанном Халле в соавторстве с Н. Хомским [Chomsky, Halle, 1968]. К русскому материалу обращались и многие другие классические работы (ср. [Pesetsky, 1979; Kiparsky, 1985]).

С другой стороны, многие результаты, достигнутые в ранний период порождающей фонологии, долгое время не подвергались критическому пересмотру, невзирая на то что теоретический ландшафт с того времени претерпел значительные изменения, да и эмпирическая адекватность

этих результатов была вскоре поставлена под сомнение. Настоящая работа посвящена анализу одного из таких явлений, не подвергшегося существенному фонологическому переосмыслению в последнее время: чередования [e] ~ [’o].

Предложенный нами анализ учитывает теоретические достижения **лексической** (или, в последних версиях, **стратальной**) **фонологии**. Ключевое понятие нашего анализа – морфонологическая стратификация, т.е. различие нескольких морфонологических подсистем, мотивируемое морфологической структурой слова. В статье показано, что русское чередование [e] ~ [’o] представляет собой типичный пример лексического (а точнее – основообразующего) фонологического правила. Это позволяет объяснить многие особенности его поведения, которые остаются загадочными в рамках моделей, отвергающих подобную стратификацию. Кроме того, предлагаемый подход мотивирует чередование с помощью признаковой структуры и тем самым связывает морфонологическую и фонологическую грамматику русского языка, что остается невозможным в рамках динамических моделей, строго разделяющих морфонологию и фонологию.

1. Чередование [e] ~ [’o] в русском языке

Чередование [e] ~ [’o] обычно описывается в фонологических терминах, связанных с его происхождением: некоторые (но не все) морфемы с /e/ показывают переход в /o/ под ударением в позиции после мягких согласных перед твердыми: *сёла* при *сельский*, *краснопёрый* при *перья*¹. В безударной позиции, конечно, эффект этого правила не наблюдается, т.к. фонологическая редукция нейтрализует противопоставление /e/ ~ /o/.

Эта простая формулировка, конечно, не покрывает всех явлений, связанных с этим чередованием. В современном русском языке мы наблюдаем как случаи «недоприменения» (*underapplication*) этого правила (наличия [e] в контексте C_i_C), так и его «переприменения» (*overapplication*; т.е. наличия [o] в контексте C_i_C_i). Такие исключения возникают в нескольких типах случаев.

1. Недоприменение [C_ieC]:

- морфемы, где чередования не происходит вовсе: *белый*, *побелка* (*-бёл-);
- случаи, где последующий согласный смягчается морфонологически, но реализуется как твердый² из-за фонотактических ограничений.

¹ Для целей этого правила к числу морфонологически мягких согласных следует отнести /ж/ и /ш/, ср. *кошёлка* при *кошель*, *жёлтый* при *жесть*.

² Точнее, без всякой дополнительной артикуляции – такие звуки еще называют (не слишком удачно) полумягкими (ср. [Князев, Пожарицкая, 2011, с. 73]).

Ср., например, *сестринский* (при *сёстры*): в русском языке нет фонологического противопоставления между последовательностями типа [sʲtʲrʲ] и [strʲ]³, так что отсутствие палатализации в поверхностной форме не обязательно является морфонологическим фактом;

- отдельные случаи, связанные с исключительными свойствами отдельных морфем: ср. *цвет* при *цвёл*; *Лев* при *Лёва*.

2. Переприменение [CʲoCʲ]:

- отсутствие чередования при словоизменении: (*о*) *мёде* (как *мёд*);
- задний гласный в **производном** слове, морфонологически закономерный в производящей форме: *самолётник* при *самолёт*;
- задний гласный в **производящем** слове, закономерно присутствующих в производных формах: *тётя* (при *тётушка*).

Т. Лайтнер [Lightner, 1965, 1969] предложил для этих случаев правило, превращающее ненапряженный [ĕ] в [ō] перед твердым согласным. В нечередующихся морфемах типа *бел(-ый)* Лайтнер постулирует напряженный /ĕ/, который в правиле не участвует. Вооружившись противопоставлением /ĕ/-/ĕ̄/, Лайтнер анализирует чередования [e] ~ [ʲo] с помощью грамматики непосредственных составляющих и циклического применения правил. Так, в случаях типа *мёд* ~ (*о*) *мёде* Лайтнер предлагает циклический анализ: в НС-структуре ((med)e) правила применяются сначала к внутренней составляющей, что дает ((mʲed)e) → ((mʲod)e). Смягчение последнего согласного основы происходит уже во втором цикле; таким образом, смягчение и правило перехода /e/ → /o/ применяются в так называемом контрблокирующем (*counterbleeding*) порядке, что и приводит к переприменению второго из них.

Понятно, что постулирование противопоставления между «напряженным» /ĕ̄/ и «ненапряженным» /ĕ̄/ попросту воспроизводит противопоставление между древнерусскими гласными [ѣ] и [е] в синхронной грамматике. Такое смешение синхронии и диахронии не рассматривалось как недостаток: напротив, сам Лайтнер представляет его как важный эмпирический результат, показывающий, что глубинные представления гораздо сильнее, чем поверхностные, противостоят языковым изменениям. Такой абстрактный анализ сразу подвергся резкой критике, в частности, в классической работе П. Кипарского [Kiparsky, 1968] (конкретно о работах Лайтнера см. также [Дарден, 1977]), и к концу 1970-х гг. этот подход был в значительной мере дискредитирован, по крайней мере, в теории.

Конкретная критика предложенного Т. Лайтнером подхода к чередованию [e] ~ [ʲo] связана, во-первых, с эмпирическими проблемами,

³ В терминах Московской фонологической школы: [c] находится в слабой позиции по признаку твердости/мягкости; ср., например, [Панов, 1979, с. 127–128].

т.е. попросту неверными предсказаниями, которые делают его правила [Hamilton, 1976; Иткин, 1994], а во-вторых, с отсутствием независимой мотивации для постулируемых Лайтнером НС-структур (уже в [Кауне, 1967]). Кроме того, достаточно быстро анализ Лайтнера устарел и с теоретической точки зрения. В частности, именно для того, чтобы исключить ничем не ограниченное использование абстрактных решений (таких как «напряженные» и «ненапряженные» гласные в глубинных формах) и постулируемых *ad hoc* циклов, была разработана теория лексической фонологии и морфологии.

В то же время значительных успехов в анализе чередования [e] ~ [’o] добились ученые, работающие в рамках иных морфонологических теорий. Особенно важны здесь работы И.Б. Иткина, убедительно показавшего связь между чередованием [e] ~ [’o] и **морфемной** структурой слова [Иткин, 1994, 2007]. К сходным выводам пришли и другие ученые (ср. [Cubberley, 2002]). Важнейшую роль в чередовании играют суффиксы. И.Б. Иткин разделяет русские суффиксы на четыре класса.

1. Смягчающие суффиксы, требующие в чередующихся морфемах ступени [e]. Под смягчающими суффиксами понимаются как «обычные» морфемы, которые превращают заднеязычные согласные в шипящие и смягчают прочие согласные (*гребень* при *грѣб*, *лишинец* при *лишѣнный*, *течь* при *утѣк*), в том числе нулевые суффиксы такого рода (*чернь* при *чѣрный*), так и «йотирующие» морфемы, которые требуют т.н. «переходного смягчения» (*грежу* при *грѣза*, *скрецивать* при *перекрѣсток*).

2. Несмягчающие суффиксы, требующие ступени [o]: *твѣрдость* (при *твердь*), *жѣнушка* (при *женит*), *блѣстка* (при *блещет*).

3. Смягчающие суффиксы, «индифферентные» по отношению к чередованию, т.е. сохраняющие ступень, которая появляется в производящей форме ((*об*) *упрѣке*, *простѣрли*, *мѣрзни*, *тѣпленький*);

4. «Индифферентные» несмягчающие суффиксы: *переселенка*, *подземка*.

Наиболее интригующим среди этих обобщений представляется связь между контекстом чередования и его фонологическим обликом: суффиксы, вызывающие **смягчение** предшествующих согласных, обычно также требуют присутствия **переднего** гласного в предшествующей морфеме, и наоборот. Такая связь между контекстом и природой чередования в порождающей фонологии обычно относится на счет признаковой структуры участвующих в чередовании сегментов. В случае чередования [e] ~ [’o] эту связь можно было бы объяснить тем, что фонологическая структура, «отвечающая» за смягчение согласных, участвует также и в реализации противопоставления гласных /e/ и /o/ по ряду: например, в рамках стандартной признаковой системы,

восходящей к [Chomsky, Halle, 1968], эту роль играет признак дизности [-back]. В рамках подходов, более жестко разделяющих морфонологический и фонологический уровень представления, выразить это обобщение довольно сложно, в первую очередь потому, что природа единиц морфонологического уровня (и, в частности, вопрос о том, релевантны ли для них фонологические различительные признаки) зачастую остается неясна, даже в тех работах, где, по крайней мере риторически, признается необходимость учитывать фонологические аспекты чередований при морфонологическом анализе (как в [Булыгина, 1977, гл. 5] или [Иткин, 2007, §2]).

Цель настоящей работы – предложить подход к русской морфонологии, который объединял бы возможность сформулировать значимые фонологические обобщения (как в традиционных подходах в рамках порождающей фонологии) с сохранением эмпирической адекватности, которая присуща подробным описаниям, выполненным в рамках (не)структуралистских «динамических» теорий. В частности, наша цель – продемонстрировать, что эмпирические проблемы, с которым сталкивается «наивный» НС-анализ, вовсе не означают, что иные стратификационные подходы являются столь же бесперспективными.

2. Фонология и морфонология противопоставлений по мягкости и ряду

Прежде чем подробно рассматривать фонологические свойства чередования [e] ~ [’o] в связи со смягчающим поведением суффиксов, нам следует кратко обсудить, во-первых, фонологическую природу морфонологического смягчения согласных, а во-вторых – природу противопоставления по ряду.

2.1. Морфонологическая палатализация

В рамках краткой статьи сколько-нибудь полно обсудить вопрос о природе противопоставления согласных по твердости/мягкости, конечно, невозможно. Существенно только, что один из важнейших постулатов предложенного Т. Лайтнером анализа русской морфонологии – отсутствие этого противопоставления на глубинном уровне. В рамках его подхода **все** мягкие согласные (включая и все шипящие) возводятся к согласным перед гласными переднего ряда, даже если этот гласный до неузнаваемости изменен последующими правилами или даже вовсе выпадает; так, слово *день* можно представить на глубинном уровне как /d̥ĩn̥i/ (мягкость обеих согласных обусловлена последующими передними /i/ (т.е. ь), из которых один выпадает, а второй превращается в [e]), а *мясо* – как /m̥ĩns̥o/ с деривацией /m̥ĩns̥o/ → /m̥ĩns̥o/ → [m̥ʲaso].

В таких условиях неудивительно, что анализ смягчающих суффиксов также связывает их морфонологическое поведение с рядом начального гласного. Так, например, суффикс 2 л. ед. ч. императива, который смягчает предшествующий невеличарный согласный, а величарный превращает в шипящий (*крик* ~ *кричи* [sic], *полз* ~ *ползи*), анализируется как содержащий фонему /i/, а суффикс им. п. мн. ч., смягчающий только величарные (*стол* ~ *столы*, *крик* ~ *крики*), – как содержащий начальный /i/. Различные версии этого анализа бытуют в литературе и поныне [Plarr, 1996; Rubach, 2000; Halle, Nevins, 2009]. Тем не менее он вызывает множество вопросов как концептуального, так и эмпирического характера. Понятно, что *raison d'être* такого подхода к палатализации заключается в первую очередь в том, что он позволяет избавиться от мягкости согласных на глубинном уровне, но такое решение с неизбежностью требует постулирования абстрактных глубинных гласных /ь/ и /ѳ/; неудивительно, что попытки пересмотра этого анализа [Farina, 1991; Padgett, 2011] исходят именно из восстановления глубинного статуса мягкости. Важнее, впрочем, что с эмпирической точки зрения традиционный генеративный анализ делает четкое – и неверное – предсказание: палатализация может наблюдаться тогда и только тогда, когда последующий суффикс начинается с переднего гласного, а ее отсутствие (с поправкой на смягчение заднеязычных) – только перед непередними гласными. В этой системе нет места ни суффиксам, которые начинаются на передний гласный и не вызывают переходов типа /t/ → [tʲ] и /k/ → [tʃʲ], ни, наоборот, смягчению перед непередними гласными. Между тем, примеры и того, и другого хорошо известны. В формах типа *замкѣ*, *ткѣт*, *паникѣр* мы наблюдаем передние (хотя бы на глубинном уровне) гласные, не оказывающие нужного воздействия на величарные; напротив, смягчение перед непередними гласными наблюдается в формах типа *ворюга*, *пестрядь*, ср. также просторечные деепричастные формы типа *могя*, *берегя* и непроезженные (заимствованные, но хорошо освоенные) слова вроде *гойс*, *Кѣльн*. Эти данные побуждают исследователей (ср. уже [Ворт, 1972]) постулировать наличие в русском языке «смягчающей морфемы» {'}.

Если такая смягчающая морфема так или иначе необходима, ничто не мешает нам использовать ее и для смягчения, обычно приписываемого воздействию передних гласных. В рамках порождающей фонологии ее роль играет **плавающий** (*floating*) признак (назовем его здесь [-back]), который присутствует в лексическом представлении суффикса, но не ассоциирован с каким-либо сегментом. Смягчение, таким образом, анализируется как ассоциация плавающего признака с предшествующим согласным. Не имея здесь возможности подробно обсудить

преимущества такого анализа, укажем лишь на одно из них: морфологическое различие между /i/ и /i/ в этом случае анализируется как противопоставление /i/ со смягчающим признаком и /i/ без такового. Конечно, отсюда также следует, что передние гласные в русском языке в общем случае не смягчают предшествующие согласные (иначе ожидалось бы мн. ч. *столи из /stol+i/). Это предсказание оказывается вполне удачным: отсутствие смягчения перед /i/ – это всего-навсего «(мор)фонема |ы|», а отсутствие смягчения перед /e/ хорошо известно в заимствованиях, даже хорошо освоенных⁴. Более того, этот анализ предсказывает, что /i/ без предшествующего плавающего признака все же может оказывать смягчающее воздействие на предшествующий согласный, т.к. фонологически это передний гласный: именно это мы и наблюдаем после велярных (*крики*).

Таким образом, можно считать установленным, что смягчение согласных перед суффиксами обусловлено присутствием определенной признаковой структуры, а именно плавающего признака, причем такого, который вообще ассоциирован с передними гласными (т.к. и смягчающая морфонема, и «настоящие» передние гласные /i e/ могут оказывать соответствующее воздействие на предшествующий согласный). Нужно подчеркнуть, однако, что ключевым является именно **плавающий** признак: сами по себе передние гласные⁵ необязательно вызывают морфологическое смягчение. Здесь наш подход отличается от принятого И.Б. Иткиным, который полагает, что смягчающими являются все суффиксы, начинающиеся на морфологическом уровне на гласный переднего ряда (морфонема |и| – но не |ы| – или одну из |е|-морфонем).

2.2. Фонологическая природа чередования

Что касается самого чередования [e] ~ [’o], то нам следует рассмотреть, во-первых, формируют ли участвующие в нем сегменты естественный класс, во-вторых, какова природа противопоставления между ними. Положительный ответ на первый вопрос достаточно очевиден: гласные среднего подъема участвуют сразу в нескольких фонологических процессах в русском языке помимо интересующего нас чередования. В частности, именно эти гласные подвергаются редукции

⁴ Заметим, что приписывание таким заимствованиям (вроде *мест*) какого-либо особого статуса не только кажется малообоснованным, но и поднимает проблему: если такие слова исключены из сферы действия правил смягчения, почему они все же подвергаются смягчению при словоизменении (*о месте*)?

⁵ Если точнее, то только /i/, т.к. несмягчающих суффиксов на /e/ в русском языке по понятным историческим причинам нет.

в безударной позиции. Кроме того, именно они обычно чередуются с нулем⁶.

Более того, можно показать, что среди гласных среднего подъема передний и задний гласный различаются ровно на тот же признак, который различает твердые и мягкие согласные и, следовательно, участвует в описанных в разд. 2.1 чередованиях. Это следует из поведения гласных среднего подъема в безударной позиции после мягких согласных, где передний гласный [e] чередуется в икающих разновидностях с [i], что можно интерпретировать как ассимиляцию согласному по признаку мягкости. Тем самым, признак мягкости участвует и в морфонологической палатализации (а значит, и в чередовании [e] ~ [ʰo]), и в фонологическом противопоставлении гласных среднего подъема.

3. Чередование [e] ~ [ʰo] и морфонологическая стратификация

Цель этого раздела – показать, что большинство кажущихся исключений из правил, которые регулируют взаимоотношения между смягчающим поведением последующих суффиксов и чередованием [e] ~ [ʰo], поддаются анализу в рамках стратификационных морфонологических теорий. Для нас здесь важны два свойства таких подходов (ср. обзор в [Bermúdez-Otero, 2018]): циклическая деривация и различие между как минимум двумя морфонологическими подсистемами. И домены циклической деривации, и ассоциация этих доменов с морфонологическими подсистемам регулируются морфосинтаксически, с учетом внутренней структуры слова и участвующих в деривации морфем. Для нас важнейшим является различие между **основообразующими** (*stem-level*) и **словообразующими** (*word-level*) видами правил:

1) основообразующие правила действуют в циклах, создаваемых при деривации частеречно охарактеризованных единиц («основ»), но не полных словоформ. Такая деривация запускается при конкатенации корня (или производящей основы) с морфемами, относимыми к классу основообразующих, а также при конкатенации корня с любыми морфемами независимо от их статуса;

2) словообразующие правила запускаются при создании полной словоформы с помощью суффиксов, относимых к классу словообразующих.

Необходимо подчеркнуть, что в идеальном случае отнесение правила к основообразующему resp. словообразующему циклу – не циркулярное

⁶ См. также работу М. Гуськовой, где предлагается выводить и редукцию, и чередование с нулем из высокого ранга ограничения против этих двух гласных в безударной позиции [Gouskova, 2012].

решение, принимаемое исключительно на основании морфонологического поведения, но может быть обосновано исходя из морфосинтаксических и/или семантических критериев. Следует эксплицитно оговорить и то, что различие между основообразующими и словообразующими циклами (и подсистемами морфонологических правил) вовсе не обязательно совпадает с морфологическим различием между словоизменением и словообразованием; подробное обсуждение морфологического фундамента стратификационных теорий см., например, в [Giegerich, 1999; Bermúdez-Otero, 2016].

Ключ к анализу русского чередования [e] ~ [ʔo] – признание того, что чередование [e] ~ [ʔo] является основообразующим: правило вида «чередующиеся основы выступают в ступени [e] перед смягчающими суффиксами и в ступени [o] перед несмягчающими» практически не имеет исключений, если оно применяется в основообразующем цикле. Исключения создаются в основном за счет циклической деривации: чередование [e] ~ [ʔo] не запускается в словообразующей грамматике, даже если соответствующие суффиксы смягчают предшествующий согласный.

Как указывает И.Б. Иткин, «индифферентными» по отношению к чередованию [e] ~ [ʔo] бывают как словоизменительные, так и словообразовательные суффиксы [Иткин, 2007, с. 244–241]. К числу первых относятся среди смягчающих суффиксов именной падежный показатель /iɛ/ (ср. сакраментальное о *мёде*), глагольный суффикс прош. вр. мн. ч. /i/ (*мёрзли*) и омонимичный ему показатель императива (*мёрзни*). Если чередование [e] ~ [ʔo] является основообразующим правилом, то такое поведение вытекает из аксиом стратификационных подходов: поскольку именно словоизменительные аффиксы превращают частеречно охарактеризованную основу в полностью оформленную словоформу, порядок циклов (чередование [e] ~ [ʔo] → конкатенация флексий → палатализация) вытекает из морфосинтаксической структуры. Такой анализ поддерживается и тем, что те суффиксы этой группы, которые присоединяются к основам на велярный согласный, не вызывают переходного смягчения: об *отёке* (**отёче*), *береги* (**бережи*) — что указывает на их принадлежность словообразующему уровню морфонологии (ср. [Blumenfeld, 2003]).

Что касается словообразования, то для аффиксов, относящихся к группе морфонологически словообразующих, обычно характерны высокая продуктивность, тривиальность и композициональная природа их собственной семантики при сохранении аллосемантических признаков производящих основ и морфонологическая инертность, т.е. неспособность влиять на морфонологическое поведение производящей основы. В стратификационных моделях все эти свойства следуют из того,

что присоединению словообразующих суффиксов предшествует основообразующий деривационный цикл, в котором вычисляются как фонологические, так и семантические свойства соответствующего объекта, которые затем могут сохраняться на следующих этапах деривации (см., например, [Agad, 2003]). Насколько этим критериям соответствуют индифферентные словообразовательные аффиксы? Оказываются, соответствуют вполне хорошо.

Из смягчающих суффиксов к индифферентным И.Б. Иткин относит диминутивные /iɨk/ (*колёсико, чёртик*) и /ɨonʲk/ (*тёпленький, тяжёленький*), а также /ɨotʲs/ (*ведёрце*, ср. смягчение в *ведёрце*) и суффикс *-чик* (*котёльчик*), интерпретируемый им как сочетание /ɨots+iɨk/⁷. Словообразующее поведение типологически весьма характерно для продуктивных диминутивов: таковы, например, испанские диминутивы на *-(ec)it* (*buéno* ‘хороший’, *bondád* ‘доброта’ с закономерным отсутствием дифтонгизации в безударном слоге, но *buen(ec)íto* ‘хорошенький’ [Bermúdez-Otero, 2006]).

Анализ этих случаев в рамках стратальной морфонологии внешне напоминает предложенный Т. Лайтнером анализ с помощью НС-структур. Форма *колёсико* может быть представлена как [[√kɔli{e/o}s_{SL}]-iɨk-o_{WL}], где внутренние скобки показывают основообразующий цикл (SL = stem-level), а внешние – словообразующий (WL = word-level). Нотация {e/o} указывает на возможность выбора между /e/ и /o/. На первом цикле отрезок /√kɔli{e/o}s/ подвергается правилу выбора, которое, ввиду отсутствия в этом цикле смягчающей морфемы, по умолчанию выбирает вариант /o/. На вход следующего, словообразующего цикла подается, таким образом, [kɔlios-iɨk-o]. На этом уровне грамматики нет правил, которые запрещали бы последовательность CɨC(i): правило выбора действует только в основообразующей подсистеме, а ни под какие более общие запреты эта последовательность не подпадает. Следовательно, несмотря на смягчающий статус суффикса /-iɨk/, ступень [ʔo] в этом случае сохраняется.

И.Б. Иткин обращает особое внимание на тот знаменательный факт, что два уменьшительных суффикса, которые он относит к «индифферентным», *-ик* и *-ец*, имеют также недиминутивные варианты, которые ведут себя закономерно: и смягчают предшествующие согласные, и требуют ступени [e] (ср. *лишенец, туземец, вареник* при *лишённый, позёмка, варёный*). Такое стечение обстоятельств – отсутствие

⁷ Внимательный читатель заметит, что на словообразующем уровне вывести [tʃ] из последовательности /tʃs+i/ невозможно (ср. *(об) отце* из /otʲ(e)tʃs+ie/), хотя такое чередование возможно при основообразовании (*немец ~ немецить*). См. [Baker, 2005; Bermúdez-Otero, 2018] о циклическом применении правил в словообразующих аффиксах.

композициональной диминутивной семантики именно в тех контекстах, где суффиксы не показывают и морфонологической инертности, – напрямую вытекает из стратификационных теорий. В рамках большинства современных теорий корни не создают доменов для применения правил: первый цикл вычислений (как морфонологических, так и семантических) запускается при сочетании корня с аффиксами. Поскольку первый цикл всегда использует основообразующую грамматику, даже обычно словообразующие суффиксы, будучи присоединены напрямую к корню, ведут себя как основообразующие. При такой структуре возможно не только соответствующее морфонологическое поведение, но и активизация различных аллосемических процессов. Иными словами, разница между формами типа *чёртик* и *вареник* заключается в структуре морфосинтаксических доменов: $[[\sqrt{t}^{\{e/o\}}_{rt_{SL}}]-jik_{WL}]$ vs. $[[\sqrt{var}^{-\{e/o\}}n-jik_{SL}]_{WL}]$. Во втором случае смягчающая морфонема /j/ уже присутствует в форме в том же цикле, где производится выбор между /e/ и /o/, и, следовательно, выбирается передний гласный. Конечно, в известном смысле эта разница воспроизводит постулируемые Т. Лайтнером НС-структуры, но в нашем случае на структурное различие указывают критерии не только морфонологические, но и семантические: значение формы *вареник* не представляет собой композицию диминутивности с лексическим значением корня *вар-*; напротив, именно в этой форме актуализируется специальное значение ‘блюдо из теста с начинкой’, которое затем может передаваться в последующие циклы (ср. *вареничная*). Это указывает на то, что и фонологическая, и семантическая интерпретация здесь происходит в домене, куда входит обычно словообразующий суффикс *-ик*. Поскольку этот цикл относится к основообразующей грамматике, то неудивительно, что по отношению и к чередованию [e] ~ [’o] суффикс в этом случае не ведет себя как индифферентный. Таким образом, можно признать, что поведение «индифферентных» смягчающих суффиксов является вполне закономерным: присоединяясь к основе, они не влияют на чередование [e] ~ [’o], т.к. оно уже произошло в предыдущем цикле; в тех же случаях, когда эти суффиксы имеют нетривиальную семантику, их следует анализировать как присоединенные непосредственно к корню, и потому именно тогда они и участвуют в чередовании [e] ~ [’o].

Сюда же И.Б. Иткин справедливо относит еще суффикс *-ств-* (*земство, женственный*). В основном он требует ступени [e], что указывает на основообразующий статус. Смягчающий статус этого суффикса продемонстрировать довольно сложно, поскольку противопоставление по мягкости перед [s] нейтрализуется фонологически, а беглый гласный в этом суффиксе в большинстве случаев не вокализуется (**земеств*).

Тем не менее формы типа *человечество, купечество, божество* демонстрируют, что этот суффикс является и смягчающим, и основообразующим (поскольку вызывает переходное смягчение, принадлежащее к числу основообразующих правил)⁸. При этом из указанного правила есть и исключения в виде слов на *-жёнство* (типа *многожёнство*) и *-плётство* (типа *стихоплётство*), где суффикс *-ств-* следует признать «индифферентным», т.е. словообразующим; характерно, что в этих случаях суффикс имеет тривиальную семантику номинализации, в то время как случаи типа *земство* или *женственный* как раз семантически нетривиальны.

Сходное решение распространяется и на «индифферентные» несмягчающие суффиксы: феминитив *-к(а)* (*лишенка* при *лишенец*, но *новосёлка* при *новосёл*) и омонимичный ему показатель номинализации (*подземка* при *деишёвка*): в особенности первый из них легко проанализировать как словообразующий ввиду его высокой продуктивности и композиционной семантики. Отметим, что И.Б. Иткин объясняет поведение этих морфем тенденцией к максимальному сохранению морфонологических особенностей производящих основ, которую на языке стратальной фонологии легко интерпретировать как следствие циклической деривации.

Специального внимания требуют суффиксы *-чик/-щик* (и их феминитивы *-щица/-щница*). И.Б. Иткин интерпретирует их как состоящие из морфем [еск] и [ик/ищ] и полагает их поведение исключительным: в его записи они состоят только из гласных переднего ряда и, следовательно, должны быть смягчающими и требовать ступени /e/, но такое поведение они показывают только после /l/ (*седельщик, котельщик*); во всех остальных случаях они требуют ступени /o/ (*знамённый, лёточик*). Ввиду высокой продуктивности и семантической простоты этих морфем привлекательным выглядит решение отнести и их к числу словообразующих. В этом случае, даже если считать эти суффиксы смягчающими, присутствие [’o] в формах типа *лёточик* оказывается закономерным. Конечно, при таком решении загадочным остается поведение этих морфем после /l/, где они как будто бы ведут себя как основообразующие смягчающие суффиксы. Впрочем, хорошо известно (ср. [Чурганова, 1973, с. 17] или [Иткин, 2007, §2.1.3]), что /l/ в позиции перед морфемным швом (или по крайней мере перед морфемным швом, за которым следует переднеязычный согласный) показывает тенденцию к смягчению (или неотвердению) во многих частях русской морфонологии. Несомненно, это связано с тем, что /l/ – единственный согласный,

⁸ Ср. также *празднество* при *праздновать*.

сохраняющий противопоставление по твердости/мягкости перед переднеязычными (ср. *волчий, полный*, но *кольчуга, начальный*). Мы не можем здесь предложить общего решения этой важной проблемы, но, вероятно, каково бы оно ни было, оно позволит объяснить и необычное поведение /л/ в этом контексте.

Наконец, необходимо особо обсудить крайне продуктивный адъективирующий суффикс *-(е)н*. По указанию И.Б. Иткина, в большом количестве случаев он ведет себя аналогично *-чик/-щик*, требуя ступени [’о] несмотря на свое смягчающее поведение: *озёрный* (при *приозерье*), *колёсный* (при *колесник*), но *котельная* (смягчение см. в кратких формах: *зlobен, славен* и т.п.). Это позволяет нам отнести его к числу словообразующих (с поправкой на /л/). Те же случаи, когда этот суффикс все же требует ступени /e/ в соответствии со своим смягчающим статусом (*учебный* при *учёба, поперечный* при *поперёк*), можно проанализировать аналогично случаям типа *вареник*, с присоединением суффиксов непосредственно к корню, а не к производящей основе. Тому же анализу поддаются и по крайней мере некоторые из тех случаев, которые И.Б. Иткин считает примерами «индифферентного» поведения этого суффикса: ср. *подземный*, где в деривации участвует корень, а не целое слово (**(под)зем*), ведет себя не так, как *чернозёмный*, где закономерно сохраняется задний гласный производящего слова *чернозём*. Таким образом, суффикс *-(е)н* вовсе не является «аномальным», как полагает И.Б. Иткин, но вполне обычным смягчающим словообразующим.

Конечно, из описанных здесь правил существуют и многочисленные исключения, в том числе в непроеизводных словах, где их нельзя отнести на счет морфологических различий: И.Б. Иткин указывает, например, на формы *блеск* при *блётка, черт* (род. п. мн. ч. от *черта*) при *чёрточка, крест* при *перекрёсток, твёрже* (ср. *дешевле*), *пекарь* при *пёк, одёж(к)а* при *одел* и многие другие [Иткин, 2007, с. 242]. Существование таких исключений полностью совместимо с гипотезой о том, что чередование [e] ~ [’о] относится к числу основообразующих правил: наличие исключений, в том числе в непроеизводных формах, – один из аспектов хорошо известного «лексического синдрома» (см., например, [Kaisse, McMahon, 2011; Bermúdez-Otero, 2018]). Несмотря на то что согласия по поводу онтологии этого «синдрома» – набора свойств, которые часто характерны для лексических, и особенно основообразующих, правил, – пока не достигнуто, многие другие характеристики чередования [e] ~ [’о] также указывают на его принадлежность к этой группе. Особенно интересно здесь то, что в диахронии чередование [e] ~ [’о] (а точнее – присутствие [o] в контекстах, где оно исторически неоправданно; ср. комментарий И.Б. Иткина, что с исторической

точки зрения в русском языке «слишком много [ʹo]» [Иткин, 2007, с. 240]) распространяется путем лексической диффузии [Kiparsky, 1995], т.е. не ведет себя как регулярное звуковое изменение, не знающее исключений, но охватывает лексические единицы «по одной»: это еще одно свойство лексических правил.

4. Чередование [e] ~ [ʹo] и алломорфия основ

Предложенный в предыдущем разделе анализ чередования [e] ~ [ʹo] как основообразующего, циклического правила был сосредоточен на поиске контекстов, в которых правило применяется, но не решил нескольких других важных вопросов. Каков механизм этого чередования? Какова связь между признаковой структурой участвующих в нем сегментов и вызывающих его контекстов? Как соотносится циклический анализ в рамках предложенного здесь подхода и анализ с помощью НС-структур, предложенный еще Т. Лайтнером? Наконец, как в рамках предложенного подхода решить вопрос о «морфонеме /ʼ/», т.е. морфемах, не подверженных чередованию?

Представляется, что перспективный ответ на многие из этих вопросов дает теория лексических правил, предложенная Р. Бермудесом-Отеро (ср., например, [Bermúdez-Otero, 2012]), согласно которой основообразующие фонологические правила представляют собой обобщения, связывающие лексические единицы, уже хранящиеся в словаре. Он называет их «алломорфами основ» и понимает под ними словарные единицы, включающие фонологическую, морфосинтаксическую и семантическую информацию, выбор между которыми осуществляется, в частности, в рамках фонологического компонента. В применении к русскому чередованию [e] ~ [ʹo] такой анализ выглядел бы примерно следующим образом.

Основы, показывающие чередование, имеют в словаре два алломорфа: один с /e/ и один с /o/. Выбор между ними осуществляет фонологический механизм (здесь не так важно, какой именно), который обеспечивает, чтобы плавающий признак мягкости в составе последующей морфемы (который отвечает также за смягчение предшествующего согласного) также отражался в гласном производящей основы, и, таким образом, вариант с /e/ выбирается в точности тогда, когда за основой следует смягчающий суффикс. Поскольку мы установили, что /e/ отличается от /o/ ровно наличием этого признака, такой анализ устанавливает эксплицитную связь между контекстом чередования и его природой.

Основы с «морфонемой /ʼ/», в свою очередь, отличаются от чередующихся основ тем, что у них просто-напросто отсутствуют алломорфы

с /o/. Следовательно, вариант с /e/ выбирается всегда, даже перед несмягчающими суффиксами. Этот эффект обеспечивается тем, что описанный выше механизм – это именно механизм выбора уже имеющих словарных единиц, а не правило подстановки типа /e/ → /o/, меняющее любой экземпляр морфемы /e/ на /o/. В системе, где все правила являются правилами подстановки, постулирование особой морфемы – единственный способ исключить единицы типа *белый* из сферы действия правила /e/ → /o/, в то время как подход, основанный на алломорфии, позволяет этого избежать. Ясно, что такой же подход применим и к случаям нечередующегося /'o/, типа *нёс* (ср. *нёсий*) или глагольного тематического суффикса (*несёте*).

5. Заключение и перспективы

В настоящей работе предложен подход к русской морфонологии, опирающийся на результаты, достигнутые в рамках лексической фонологии, и показано, что многие аспекты поведения русских чередований поддаются анализу, который, во-первых, мотивирует циклическое применение правил с помощью морфосинтаксических и семантических критериев, а во-вторых – связывает фонологический облик морфонологических чередований с признаковой структурой участвующих в них сегментов.

Первый аспект предложенного анализа призван избежать порочного круга, создаваемого наивным НС-анализом наподобие предложенного Т. Лайтнером. В рамках стратификационных подходов к фонологии циклические домены задаются вполне определенными морфосинтаксическими соображениями: например, аффиксация непосредственно к корню всегда создает основообразующий домен, словообразующие домены не являются циклическими, и так далее. Само по себе присоединение аффикса вовсе необязательно приводит к созданию циклического домена. Здесь мы, конечно, не можем предложить полной теории русской стратификации, но, тем не менее, необходимо подчеркнуть, что диагностика циклических доменов в рамках стратификационной модели опирается не только на морфонологическое поведение, но и на морфосинтаксические и семантические критерии, что по крайней мере делает такой подход более фальсифицируемым.

Второй важный аспект теории – опора на признаковую структуру. Если в (пост)структуралистских моделях морфемы представляют собой скорее абстрактные единицы *sui generis*, то в порождающей фонологии они описываются как имеющие внутреннюю признаковую структуру и признается, что грамматические операции производятся

не столько над сегментами (морфонемами или фонемами), сколько над признаками. Отсюда вытекает, что полный анализ фонологии и морфологии данного языка должен быть непротиворечив в том, что касается признаковой структуры; так, в случае чередования [e] ~ [ʰo] мы попытались показать, что природа чередования (различие между двумя гласными среднего подъема) и механизм его запуска (присутствие того же признака, который отвечает за палатализацию) хорошо вписываются в более общую картину русской морфонологии. Здесь необходимо особенно подчеркнуть, что речь не идет о какой бы то ни было априорной мерке «фонетической естественности»: признаковая структура может быть восстановлена только из сведений о фонологическом и морфонологическом поведении отдельных морфем, без необходимой связи с их фонетической реализацией.

Конечно, многие вопросы, связанные со стратификацией, требуют дополнительной разработки. Выше мы уже обсуждали проблему поведения /л/ перед морфемным швом. Интересным представляется вопрос о поведении диминутивных суффиксов вроде *-ик* и *-чик*, которые не требуют ступени [ʰo], несмотря на свой смягчающий статус (что указывает на их принадлежность к словообразующим), но при этом могут вызывать переходное смягчение, которое обычно ассоциировано с основообразующими морфемами: ср. *перебежчик* (но NB ступень [e]) или новообразование *блужик* от *блог* (не **блогик*). Впрочем, возможно, переходное смягчение здесь обусловлено не столько смягчающей морфемой, сколько тем, что русский язык скорее отвергает (хотя и не абсолютно) последовательности велярных согласных: ср. хорошо известную замену несмягчающего суффикса *-к* на смягчающий после велярных: *ручка* ‘подобный руке объект’ при *водка*⁹. Уточнения требует и вопрос о механизме влияния смягчающей морфемы на гласный, от которого ее отделяет один или даже несколько согласных: в частности, «прозрачными» для целей чередования оказываются не только указанные И.Б. Иткиным суффиксы, состоящие только из согласных (*честь* из [чʲбг+т+ʰ]), но и сочетания согласных, по крайней мере в тех случаях, где контраст по мягкости отсутствует: ср. *сестринский* (при *сёстры*). Впрочем, вопрос о фонологической природе мягкости в таких кластерах является достаточно общим для русской фонологии. Тем не менее, несмотря на существование нерешенных вопросов, нам представляется, что стратификационный подход к русской морфонологии можно признать вполне перспективным.

⁹ Ср. также недавние работы П. Юргеца, где на материале словенского языка показано, что на чередование велярных и постальвеолярных согласных на морфемной границе может влиять наличие велярных или постальвеолярных в других частях слова [Jurgec, 2016; Jurgec, Schertz, 2019].

Библиографический список / References

Булыгина, 1977 – Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977. [Bulygina T.V. Problemy teorii morfologicheskikh modeley [Problems in the theory of morphological models]. Moscow, 1977.]

Ворт, 1972 – Ворт Д.С. Морфонология нулевой аффиксации в русском словообразовании // Вопросы языкознания. 1972. № 6. С. 76–84. [Worth D.S. The morphology of zero affixation in Russian word formation. *Voprosy jazykoznanija*. 1972. No. 6. Pp. 76–84. (In Russ.)]

Дарден, 1977 – Дарден Б.Д. О новом направлении в генеративной фонологии в США // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики 8. В.А. Звегинцев (ред.). М., 1977. С. 55–70. [Darden B.D. A new direction in generative phonology in the USA. *Problemy teoreticheskoy i eksperimentalnoy lingvistiki* 8. V.A. Zvegintsev (ed.). Moscow, 1977. Pp. 55–70. (In Russ.)]

Иткин, 1994 – Иткин И.Б. Еще раз о чередовании *e ~ 'o* в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 126–133. [Itkin I.B. Alternating *e ~ 'o* in modern Russian revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1994. Pp. 126–133. (In Russ.)]

Иткин, 2007 – Иткин И.Б. Русская морфонология. М., 2007. [Itkin I.B. *Russkaya morfonologiya* [Russian morphophonology]. Moscow, 2007.]

Князев, Пожарицкая, 2011 – Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. 2-е изд. М., 2011. [Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. *Sovremennuyu russkiy literaturny yazyk: fonetika, grafika, orfografiya, orfoepiya* [Modern Russian literary language: Phonetics, graphics, spelling, orthoepy]. 2nd ed. Moscow, 2011.]

Панов, 1979 – Панов М.В. Русская фонетика. М., 1979. 2-е изд. [Panov M.V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. 2nd ed. Moscow, 1979.]

Чурганова, 1973 – Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973. [Churganova V.G. *Ocherk russkoy morfonologii* [An essay on Russian morphophonology]. Moscow, 1973.]

Arad, 2003 – Arad M. Locality constraints on the interpretation of roots: The case of Hebrew denominal verbs. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. Pp. 737–778.

Baker, 2005 – Baker B. The domains of phonological processes. *Proceedings of the 2004 Conference of the Australian Linguistics Society*. I. Mushin (ed.). Sydney, 2005.

Bermúdez-Otero, 2006 – Bermúdez-Otero R. Morphological structure and phonological domains in Spanish denominal derivation. *Optimality-Theoretic Studies in Spanish Phonology*. F. Martínez-Gil, S. Colina (eds.). Amsterdam, 2006. Pp. 278–311.

Bermúdez-Otero, 2012 – Bermúdez-Otero R. The architecture of grammar and the division of labour in exponence. *The Phonology and Morphology of Exponence: The State of the Art*. J. Trommer (ed.). Oxford, 2012. Pp. 8–83.

Bermúdez-Otero, 2016 – Bermúdez-Otero R. We do not need structuralist morphemes, but we do need constituent structure. *Morphological Metatheory*. D. Siddiqi, H. Harley (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2016. Pp. 387–430.

Bermúdez-Otero, 2018 – Bermúdez-Otero R. Stratal phonology. *The Routledge Handbook of Phonological Theory*. S.J. Hannahs, A.R.K. Bosch (eds.). London, New York, 2018. Pp. 100–134.

Blumenfeld, 2003 – Blumenfeld L. Russian palatalization and Stratal OT: Morphology and [back]. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Amherst Meeting 2002*. W. Brown et al. (eds.). Ann Arbor, MI, 2003. Pp. 141–158.

Chomsky, Halle, 1968 – Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. New York, 1968.

Cubberley, 2002 – Cubberley P.V. Russian: A linguistic introduction. Cambridge, 2002.

Farina, 1991 – Farina D.M. Palatalization and jers in modern Russian phonology: An underspecification approach. PhD diss., University of Illinois at Urbana-Champaign. 1991.

Giegerich, 1999 – Giegerich H.J. Lexical strata in English: Morphological causes, phonological effects. Cambridge, 1999.

Gouskova, 2012 – Gouskova M. Unexceptional segments. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2012. Vol. 30. No. 1. Pp. 79–133.

Halle, 1959 – Halle M. The sound pattern of Russian: A linguistic and acoustical investigation. Gravenhage, 1959.

Halle, Nevins, 2008 – Halle M., Nevins A. Rule application in phonology. *Contemporary views on architecture and representations in phonology*. E. Raimy, C. Cairns (eds.). Cambridge, MA, 2009. Pp. 355–382.

Hamilton, 1976 – Hamilton W.S. Vowel power versus consonant power in Russian morphophonemics. *Russian Linguistics*. 1976. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–18.

Jurgec, 2016 – Jurgec P. Velar palatalization in Slovenian: Local and long-distance interactions in a derived environment effect. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2016. Vol. 1. No. 1.24. Pp. 1–28.

Jurgec, Schertz, 2019 – Jurgec P., Schertz J. Postalveolar co-occurrence restrictions in Slovenian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2019. DOI: 10.1007/s11049-019-09452-z.

Kaisse, McMahon, 2011 – Kaisse E.M., McMahon A. Lexical phonology and the lexical syndrome. *The Blackwell companion to phonology*. M. van Oostendorp et al. (eds.). Oxford, 2011.

Kayne, 1967 – Kayne R.S. Against a cyclic analysis of Russian segmental phonology. Ms., MIT. 1967.

Kiparsky, 1968 – Kiparsky P. How abstract is phonology? Bloomington, 1968.

Kiparsky, 1985 – Kiparsky P. Some consequences of Lexical Phonology. *Phonology Yearbook*. 1985. Vol. 2. Pp. 85–138.

Kiparsky, 1995 – Kiparsky P. The phonological basis of sound change. *The handbook of phonological theory*. J. Goldsmith (ed.). Oxford, 1995. Pp. 640–670.

Lightner, 1965 – Lightner T.M. Segmental phonology of Modern Standard Russian. PhD diss., MIT, 1965.

Lightner, 1969 – Lightner T.M. On the alternation *e~o* in Modern Russian. *Linguistics*. 1969. Vol. 7. Pp. 44–69.

Padgett, 2011 – Padgett J. Russian consonant-vowel interactions and derivational opacity. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18: The second Cornell meeting*, 2009. W. Brown et al. (eds.). Ann Arbor, MI, 2011. Pp. 352–381.

Pesetsky, 1979 – Pesetsky D. Russian morphology and lexical theory. Ms., MIT. 1979.

Plapp, 1996 – Plapp R.K. Russian /i/ and /i/ as underlying segments. *Journal of Slavic Linguistics*. 1996. Vol. 4. Pp. 76–108.

Rubach, 2000 – Rubach J. Backness switch in Russian. *Phonology*. 2000. Vol. 17. No. 1. Pp. 39–64.

Статья поступила в редакцию 10.11.2019, принята к публикации 15.12.2019
The article was received on 10.11.2019, accepted for publication 15.12.2019

Об авторе / About the author

Иосад Павел Владимирович – PhD (лингвистика); доцент кафедры лингвистики и английского языка факультета философии, психологии и наук о языке, Эдинбургский университет, Великобритания

Pavel V. Iosad – PhD in Linguistics; Senior Lecturer, Linguistics and English Language, School of Philosophy, Psychology and Language Sciences, University of Edinburgh, UK

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9200-6682>

E-mail: pavel.iosad@ed.ac.uk

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-56-69

M. Knyazev

Institute for Linguistic Studies RAS,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation

The effect of coordinate structure on the licensing of *čto*-clauses in noun complement constructions: An experimental study

Previously, *čto*-clause complements of nouns were found to be more acceptable in constructions with collocations as opposed to non-collocations, which was taken to support the hypothesis whereby *čto*-clauses are introduced by a silent preposition licensed by incorporation into a complex predicate (created in collocational constructions). The paper presents the results of an acceptability rating study testing the prediction of this account, namely, that embedding the noun in a coordinate structure should block the incorporation and hence licensing of *čto*-clauses. In addition, an alternative hypothesis is examined according to which *čto*-clauses are more acceptable in collocations due to their higher frequency.

Key words: Russian, experimental syntax, noun complement clauses, collocation, coordination, frequency

FOR CITATION: Knyazev M. The effect of coordinate structure on the licensing of *čto*-clauses in noun complement constructions: An experimental study. *Rhema*. 2020. № 1. Pp. 56–69. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-56-69

М.Ю. Князев

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
199053 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Экспериментальное исследование приемлемости придаточных с союзом *что* в функции сентенциального актанта существительного в конструкциях с сочинением

Предыдущие исследования показали, что придаточные со *что* при существительных более приемлемы в конструкциях с коллокациями, чем в конструкциях без коллокаций. Это может служить подтверждением ранее высказанной гипотезы о том, что такие придаточные вводятся нулевым предлогом, лицензируемым путем инкорпорации в сложный глагол в конструкциях с коллокациями. В настоящей работе приводятся результаты эксперимента на вынесение суждений о приемлемости, проверявшего предсказание данной гипотезы, согласно которому сочинительная конструкция будет блокировать инкорпорацию и тем самым приводить к неграмматичности придаточного. Также в эксперименте проверялась альтернативная гипотеза, согласно которой большая приемлемость придаточных при коллокации связана с большей частотностью последних.

Ключевые слова: русский язык, экспериментальный синтаксис, придаточные при существительных, коллокация, сочинение, частотность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Князев М.Ю. Экспериментальное исследование приемлемости придаточных с союзом *что* в функции сентенциального актанта существительного в конструкциях с сочинением // Рема. Rhema. 2020. № 1. С. 56–69. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-56-69

1. Introduction

Like their English counterparts, declarative sentential complements in Russian (*čto*-clauses) can appear not only in direct (nominative subject / accusative object), but also in oblique/PP positions, where they alternate with the (P +) *to* + *čto*-clause construction (*to,čto*-clauses), which consists of the demonstrative *to* ‘that’ case-marked by P or V and followed by a *čto*-clause, as shown in (1a).

- (1) Ona uverena (v tom), čto on pridet.
 she.NOM certain in it.LOC that he will come

Previous work aimed to uncover semantic/grammatical factors governing the choice between the two clause types [Knyazev, 2016] found that there is a strong preference to realize complements of nominalizations like ‘hope’, ‘conviction’, etc. and of relational nouns such as ‘likelihood’, etc. as *to,čto*-clauses (but not *čto*-clauses) unless the noun forms a ‘set collocation’ with the higher verb (in which case both clause types are possible), cf. collocation ‘express conviction’ in (2a) vs. non-collocation ‘strengthen (one’s) conviction’ in (2b).¹

(2) a. COLLOCATION

- Ona **vyrazila** **uverennost’** (v tom),
 she.NOM expressed conviction.ACC in it.LOC
 čto on pridet.
 that he will come

b. NON-COLLOCATION

- Èto **usילו** **uverennost’** ??(v tom),
 this strengthened conviction.ACC in it.LOC
 čto on pridet.
 that he will come

The contrast in (2), referred to as the ‘collocational restriction’ (on *čto*-clause complements of nouns), was later tested in an acceptability rating study [Knyazev, to appear a] using a 2 × 2 factorial design crossing factors CLAUSE TYPE and (NON-)COLLOCATION, following experimental work on island effects [Sprouse et al., 2016]. In that experiment, which contrasted 12 collocations and non-collocations of the same N, as in (2), a (super-additive) interaction was found showing that, although *čto*-clauses were associated with a decrease in acceptability relative to *to,čto*-clauses in both constructions, this decrease was 0.43 points greater in the non-collocational constructions.

¹ For further discussion of the contrast between *čto*- and *to,čto*-clauses see [Kobozeva, 2013].

These results were taken to support the grammatical account of the collocational restriction proposed in [Knyazev, 2016], according to which:

a) *to,čto*-clauses in oblique/PP positions are introduced by a silent preposition, which must be licensed by abstract incorporation into a higher verb;

b) the noun can reanalyze with the verb to form a complex verb only in collocational constructions.

Given the logic of experimental syntax studies such as [Sprouse et al., 2016], the decrease in acceptability of *čto*-clauses in non-collocational constructions can be explained by a (grammatical) violation of the licensing conditions associated with silent P.

Although the experimental results are consistent with the proposed grammatical account, they are not conclusive as the collocations and non-collocations (within a sentence set) in the experiment above differed widely along various dimensions including broad semantics and frequency. For example, one cannot exclude an alternative hypothesis according to which *čto*-clauses are simply stored in memory along with associated V-N combinations in an item-based fashion, whereas *to,čto*-clauses are fully productive and depend only on the semantics of the construction (henceforth, the “frequency hypothesis”). The frequency hypothesis would predict a contrast in acceptability for *čto*-clauses between collocational V-N combinations, which are more frequent, and non-collocational ones, which are less frequent, but no contrast for *to,čto*-clauses. This difference would result in a super-additive interaction.

This hypothesis was tested in [Knyazev, to appear b], which contrasted 12 pairs of semantically similar collocations with a higher vs. lower corpus frequency (e.g., *vyrazit' uverennost'* ‘express conviction’ vs. *vyskazat' uverennost'* ‘voice hope’) using a forced-choice task. Although the results showed no effect of frequency and hence no support for a frequency-based account, the difference in the design of this experiment from the design of the experiment in [Knyazev, to appear a], makes it hard to compare the two experiments directly. Moreover, in a follow-up analysis a marginal correlation was found between the proportion of *čto*-clause responses and the log frequency of V-N, suggesting that frequency might still play some role in acceptability.

In view of the limitations of the studies reported above, a more direct way of testing the predictions of the account in [Knyazev, 2016] is called for. In particular, the account predicts that if incorporation of silent P (by hypothesis, introducing a *čto*-clause) is blocked by some syntactic configuration such as embedding in a coordinate structure, a *čto*-clause

will become ungrammatical. In addition, a frequency-based account must be tested within the same design in order to be able to directly compare the two effects. This paper reports the results of an acceptability rating study which (in a single design) simultaneously tested the effects of embedding the noun in a coordinate structure and the effect of frequency of the V-N collocation on the acceptability of *čto*-clauses.

The paper is structured as follows. In section 2 the main competing hypotheses are introduced, and the design of the experiment is discussed. Section 3 discusses the materials and the procedure used in the experiment. Section 4 presents and discusses the results of the experiment. Section 5 concludes.

2. The hypotheses and design

2.1. The coordination hypothesis

According to [Knyazev, 2016], *čto*-clause complements are underlyingly nominal expressions and are subject to the Case Filter. The crucial assumption of the account is that in apparent ‘Caseless’ positions, e.g., those associated with oblique/PP selecting verbs, *čto*-clause are licensed by the silent preposition P_{HOLD} , which has the semantics of the relation of holding propositional content. It is further assumed that P_{HOLD} must incorporate into a verbal head in order to get licensed (the incorporation has the semantic effect of predicate conjunction). Assuming that in collocational V-Ns such as (2a), N itself can abstractly incorporate into V to create a complex predicate (cf. the analysis of *make the claim* in [Davies, Dubinsky, 2003]), P_{HOLD} associated with such V-Ns will be licensed by virtue of incorporation into this complex predicate, as schematized in (3a).² By contrast, in non-collocational V-N, as in (2b), no complex predicate will be created and thus P_{HOLD} and the *čto*-clause will fail to be licensed.

This account predicts that even in collocational V-N such as (2a) whenever incorporation of N to V is disrupted, a complex predicate will fail to be created, thus blocking licensing of the *čto*-clause. One such configuration is coordinate structure, generally taken to be an island for movement (including incorporation). The prediction then is that if the complement-taking N is conjoined with a noun phrase (xNP), the incorporation of this N (or, more precisely, the $P_{\text{HOLD}} + \text{N}$ complex) into V will be blocked, leading to ungrammaticality, as in (3b).

² According to standard assumptions, this process must proceed cyclically. First, P_{HOLD} incorporates into N and then the $[P_{\text{HOLD}} + \text{N}]$ complex incorporates into V.

- (3) a. $[_{V'} [[_{P}_{HOLD} + N] + V] [_{NP} [_{P}_{HOLD} + N] [_{PP} P_{HOLD} [_{xNP} \check{c}to \dots]]]]]]$ (= (2a))
- b. $*[_{V'} V [xNP \& [_{NP} [_{P}_{HOLD} + N] [_{PP} P_{HOLD} [_{xNP} \check{c}to \dots]]]]]]]$ (= (4))

To test this hypothesis, examples like (4), with coordination, were contrasted with examples like (2a) above, without coordination. Given the logic of the previous studies [Knyazev, to appear a], the prediction is that in examples like (2a), *čto*-clauses will lead to a greater decrease in acceptability (relative to *to, čto*-clauses) than in examples like (4), which is equivalent to a non-zero (positive) difference between the differences between *čto* and *to, čto* in the two conditions, so-called “difference-in-differences”, or DD, which can be viewed as the measure of the “coordination effect”, as shown in (5), see [Sprouse et al., 2016]. In statistical terms, this hypothesis predicts a (super-additive) interaction between the factors \pm COORDINATION and CLAUSE TYPE (*to, čto* vs. *čto*).

- (4) Ona vyrazila [[javnoe nedoumenie] i [uverennost'
she.NOM expressed obvious puzzlement and conviction.ACC
??(v tom), čto on pridet]].
in it.LOC that he will come
- (5) $COORD_{to, \check{c}to} - COORD_{\check{c}to} > NON-COORD_{to, \check{c}to} - NON-COORD_{\check{c}to} \Leftrightarrow$
 $DD = (COORD_{to, \check{c}to} - COORD_{\check{c}to}) - (NON-COORD_{to, \check{c}to} - NON-COORD_{\check{c}to}) > 0$

2.2. The frequency hypothesis

According to the frequency hypothesis, discussed in [Knyazev, to appear b], the contrast between examples with collocational V-N in (2a) and non-collocational V-N in (2b) follows from the higher token frequency of the former. In accordance with usage-based approaches, the hypothesis assumes that experience (operationalized as token frequency) plays an important role in the acquisition of and mature competence with particular constructions. Crucially, it is further assumed that the effect of token frequency is modulated by higher “regularity” of the construction (operationalized as a higher type frequency) so that more regular constructions are less affected by token frequency (as compared to construction with a lower type frequency) as they are less dependent on experience. This leads to what has been described as Regularity \times Frequency interactions [Christiansen, Chater, 2016]. Assuming that *čto*-clauses in oblique/PP positions are less regular than *to, čto*-clauses, they will be more strongly affected by the higher frequency of V-N (“frequency effect”), as shown in (6), accounting for the contrast between collocational and non-collocational V-N in (2a)–(2b).

$$(6) \text{ MOREFREQ}_{\check{c}to} - \text{LESSFREQ}_{\check{c}to} > \text{MOREFREQ}_{to,\check{c}to} - \text{LESSFREQ}_{to,\check{c}to} \Leftrightarrow \\ \text{DD} = (\text{LESSFREQ}_{to,\check{c}to} - \text{LESSFREQ}_{\check{c}to}) - (\text{MOREFREQ}_{to,\check{c}to} - \text{MOREFREQ}_{\check{c}to}) > 0$$

The frequency hypothesis in (6) further predicts that the same contrast will be obtained between collocational V-N with higher vs. lower token frequencies (in construction with *čto*-clauses). To test this hypothesis, collocations like (2a) were contrasted with semantically and structurally identical collocations with lower frequency, as shown in (7). In statistical terms, this hypothesis predicts a (super-additive) interaction between factors FREQUENCY and CLAUSE TYPE.

(7) Ona	vyskazala	uverennost'	(v	tom),
she.NOM	voiced	conviction.ACC	in	it.LOC
čto	on	pridet.		
that	he	will come		

Note that the contrast between (2a) and (7), should it occur, is not predicted by the grammatical account in (3), as both types of V-Ns are presumably derived by incorporation. Similarly, the contrast between (2a) and (4) is not predicted by the frequency hypothesis (at least without modification) as they involve the same surface strings “V + N + *čto*”. Thus, the results of the experiment will allow to decide which hypothesis is more consistent with the data.

3. Materials and procedure

The experimental items consisted of twelve sets of six lexically matched sentences given in Table 1. Each set included a pair of V-N collocations which were semantically and structurally similar but differed in frequency as well as one coordinated collocation based on the more frequent V-N, each with a *čto*- and a *to,čto*-clause. The pairs of collocations were selected based on a prior corpus study in such a way that the higher frequency V-Ns had a higher token frequency of *čto*-clauses, see Table 2.³ The coordinated collocations were constructed by (left-)conjoining the noun in the collocation by some semantically appropriate noun modified by an adjective. In order to exclude an analysis with coordination between N-heads, nouns that disallow a *čto*-clause in this construction were chosen as the first N. Additionally, the two Ns typically differed in gender and/or most adjectives were semantically incompatible with the second N. The actual sentences that participants rated were constructed by slightly modifying naturally occurring examples found on the Web.⁴

³ The corpus study was based on the texts written after 1950 in the Russian National Corpus (RNC), ruscorpora.ru. See [Knyazev, to appear b] for details.

⁴ Experimental sentences based on nine pairs of high vs. lower frequency V-Ns in Table 1 (sets 1–9) were directly taken from [Knyazev, to appear b].

The experimental sentences were divided into six lists in a Latin square design and interspersed with 24 fillers with different syntactic structures (8 grammatical, 8 ungrammatical and 8 of intermediate acceptability). Participants were instructed to rate the naturalness of experimental sentences on a 7-point scale (1 indicating a totally unnatural-sounding sentence). The experiment was hosted on Google Forms and advertised via social media. One hundred and seventy-five people participated in the experiment; their mean age was 28.05 (range: 16–62).

Table 1

Materials used in the experiment

	MOREFREQUENT/LESSFREQUENT	COORDINATED
1	<i>byla/ostavalas' nadežda</i> 'was / was left hope'	<i>byl oxotničij azart i nadežda</i> 'was wild excitement and hope'
2	<i>pojavilas' /zarodilas' nadežda</i> 'appeared / was born hope'	<i>pojavilas' finansovaja podderžka i nadežda</i> 'appeared financial support and hope'
3	<i>vyrazil/vyskazar nadeždu</i> 'expressed/voiced hope'	<i>vyrazil sderžannij optimizm i nadeždu</i> 'expressed restrained optimism and hope'
4	<i>daet/darit nadeždu</i> 'gives/presents hope'	<i>daet moral'noe udovletvorenje i nadeždu</i> 'gives moral satisfaction and hope'
5	<i>poterjal/poxoronil nadeždu</i> 'lost/buried hope'	<i>poterjala byloj entuziazm i nadeždu</i> 'lost former enthusiasm and hope'
6	<i>est'/soxranaetsja uverenost'</i> 'is/remains conviction'	<i>est' položitel'nyj nastroj i uverenost'</i> 'is positive attitude and conviction'
7	<i>pojavilas' /voznikla uverenost'</i> 'appeared/emerged conviction'	<i>pojavilos' duševnoe spokojstvie i uverenost'</i> 'appeared peace of mind and conviction'
8	<i>vyrazil/vyskazar uverenost'</i> 'expressed/voiced conviction'	<i>vyrazil javnoe nedoumenie i uverenost'</i> 'expressed obvious puzzlement and conviction'
9	<i>est'/imejutsja dokazatel'stva</i> 'are/exist proofs'	<i>est' ustanovlennye fakty i dokazatel'stva</i> 'are established facts and proofs'
10	<i>bylo/ostavalos' somnenie</i> 'was / was left doubt'	<i>byla smutnaja trevoga i somnenie</i> 'was vague anxiety and doubt'
11	<i>vozniklo/pojavilos' somnenie</i> 'appeared/emerged doubt'	<i>vozniklo nexorošee podozrenie i somnenie</i> 'emerged nasty suspicion and doubt'
12	<i>vyrazil/vyskazar somnenie</i> 'expressed/voiced doubt'	<i>vyrazil krajnij skepticizm i somnenie</i> 'expressed extreme skepticism and doubt'

Table 2

**Frequencies of *čto*- and a *to,čto*-clauses
with more and less frequent collocations (RNC)**

set	V-N _{MOREFREQ}		V-N _{LESSFREQ}		set	V-N _{MOREFREQ}		V-N _{LESSFREQ}	
	<i>čto</i>	<i>to, čto</i>	<i>čto</i>	<i>to, čto</i>		<i>čto</i>	<i>to, čto</i>	<i>čto</i>	<i>to, čto</i>
1	255	42	41	11	7	23	2	8	1
2	42	6	8	0	8	104	40	17	6
3	156	25	15	1	9	29	12	5	2
4	24	18	0	3	10	114	75	49	25
5	38	8	0	2	11	25	20	5	4
6	147	29	1	1	12	15	19	6	13

4. Results and discussion

4.1. Overall results

The ratings were z-score transformed in accordance with the usual practice in experimental syntax [Sprouse et al., 2016]. Grammatical fillers received the (transformed) rating of 0.61 (SD = 0.66), ungrammatical fillers the rating of -1.12 (SD = 0.51) and fillers of intermediate acceptability the rating of -0.4 (SD = 0.88). The (transformed) condition means are given in Table 3.

Table 3

Z-score means (SD) in the experiment

	<i>to, čto</i>	<i>čto</i>
COORD	0.62 (0.70)	0.17 (0.70)
NONCOORD/MOREFREQ	0.87 (0.46)	0.52 (0.63)
LESSFREQ	0.81 (0.52)	0.51 (0.62)

The ratings were entered into a linear mixed-effects model with clause type, construction type and their interaction as fixed effects. Construction type was treatment coded with more frequent/non-coordinated V-N as the baseline contrasted with less frequent and coordinated V-N. Following [Barr et al., 2013], a maximal random effect structure that allowed convergence was used.⁵

⁵ The model included random by-subject slopes for clause type and construction type, random item intercept and random by-item slopes for clause type and construction type and their interaction. *P*-values were obtained using Satterthwaite approximation from the lmerTest package for R.

The model revealed a main effect of clause type such that sentences with *čto*-clauses were rated lower than sentences with *to,čto*-clauses (Estimate = -0.35 , SE = 0.07 , $t = -5.10$, $p < 0.001$). The model also revealed a main effect of construction type such that sentences with coordination were rated lower than sentences with non-coordinated/more frequent collocations. (Estimate = -0.25 , SE = 0.06 , $t = -3.48$, $p < 0.004$). Interestingly, no interaction between clause type and construction type was observed as shown by the fact that the coefficients for both interaction terms in the model output were not significantly different from zero ($\check{C}TO * LESSFREQ$: Estimate = 0.06 , SE = 0.06 , $t = 0.89$, $p = 0.39$; $\check{C}TO * COORD$: Estimate = -0.11 , SE = 0.08 , $t = -0.38$, $p = 0.19$). These results are plotted in Fig. 1.

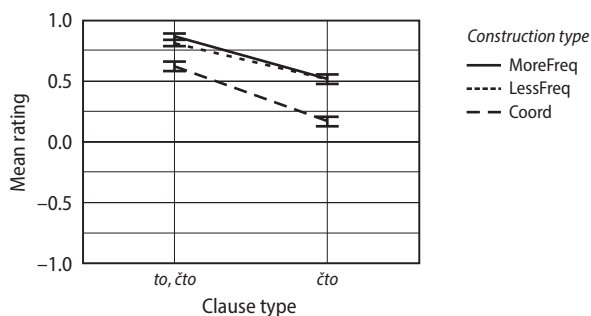

Fig. 1. Z-score means (SE) in the experiment

4.2. Results by items: Coordination

Although the interaction between coordination and clause type was not significant, we see a numerical trend in the predicted direction, i.e., *čto*-clauses were associated with a 0.11 points greater decrease in acceptability in the coordination condition. Thus, it was decided to inspect individual sets, as shown in Table 4.

Four out of 12 items (sets 1, 6, 8 and 12), shaded in Table 4, showed a positive DD_{COORD} , as defined in (5), with range 0.33–0.48, which is above the minimal threshold for island effects (= 0.25) in [Kush et al., 2018].⁶ In addition, set 7 showed a DD_{COORD} close to this threshold (0.20). One interesting feature that these sets share is that they are precisely those that showed the smallest effect of *čto*-clause (-0.02 – 0.25), shown in bold, operationalized as the difference between *to,čto*- and *čto*-clauses in the baseline condition ($\check{C}TO.EFFECT$).

⁶ Since there is no standardly accepted threshold for a grammatical (interaction) effect [Sprouse et al., 2016], the threshold suggested in [Kush et al., 2018] was used.

This observation was confirmed by a strong negative correlation between DD_{COORD} and the effect of $\check{c}to$ -clause ($r = -0.89$, $p < 0.001$), suggesting that a stronger decrease shown by $\check{c}to$ -clauses in the baseline condition is associated with a weaker effect of coordination. By contrast, there was no correlation between DD_{COORD} and the (independent) effect of coordination (COORD.EFFECT), operationalized as the difference between coordinated and non-coordinated collocations in the $to, \check{c}to$ condition ($r = 0.12$, $p = 0.69$).⁷

Table 4

Experimental effects by items

set	Čto. EFFECT	Čto. LESSFREQ	Čto. COORD	FREQ. EFFECT	COORD. EFFECT	DD _{FREQ}	DD _{COORD}
1	-0.02	0.01	0.33	0.10	0.19	0.03	0.35
2	0.41	0.23	0.36	0.34	0.09	-0.18	-0.05
3	0.52	-0.02	0.54	0.09	0.06	-0.54	0.02
4	0.50	0.41	0.48	0.01	0.07	-0.09	-0.02
5	0.92	0.74	0.39	0.03	0.15	-0.18	-0.53
6	0.08	0.48	0.41	-0.24	0.10	0.40	0.33
7	0.15	0.38	0.35	0.02	0.09	0.23	0.20
8	0.22	0.18	0.70	0.22	0.58	-0.04	0.48
9	0.35	0.14	0.38	0.11	0.35	-0.21	0.03
10	0.43	0.12	0.40	0.26	0.58	-0.31	-0.03
11	0.47	0.53	0.54	-0.07	0.63	0.06	0.07
12	0.25	0.45	0.66	-0.10	0.13	0.20	0.41

4.3. Results by items: Frequency

By-item DD-scores for the interaction between frequency and clause type (DD_{FREQ}), cf. (7), were inspected in a similar way. In this case we see little evidence for any interactions: only set 6 showed an effect greater than 0.25 (0.40); in addition, two others (sets 7 and 12) showed an effect of 0.20–0.23.

⁷ At first glance, the negative correlation between DD_{COORD} and the effect of $\check{c}to$ -clause is expected given that DD_{COORD} is calculated by subtracting the effect of $\check{c}to$ -clause (in the baseline condition) from the effect of $\check{c}to$ -clause in the coordinated condition, cf. (5). Note, however, that this is only the case if the latter effect is constant, which need not be the case. Note also that DD_{COORD} is also equivalent to the difference between the effect of coordination in the $\check{c}to$ -condition and the effect of coordination (in the $to, \check{c}to$ condition), i.e., COORD.EFFECT, as in (i). Yet, there was no correlation between DD_{COORD} and COORD.EFFECT.

There does not seem to be any clear property that sets these sets apart. Yet, we also see a marginally significant negative correlation between the effect of *čto*-clause and DD_{FREQ} ($r = -0.59$, $p = 0.05$), suggesting that the frequency effect is somewhat stronger for those sets that have a weaker effect of *čto*-clause in the baseline (more frequent) condition.

Since frequency was treated as a categorical variable, the difference in frequency between particular pairs of collocations in the experiment might have been too small to lead to a visible effect. Therefore, it was decided to test whether there is association between the log frequency of a collocation in construction with a *čto*-clause (see Table 2), and the effect of *čto*-clause for all 24 collocations (union of $\check{C}TO.MOREFREQ$ and $\check{C}TO.LESSFREQ$), ignoring the fact the collocations were matched in the experiment. This correlation was not significant ($r = -0.33$, $p = 0.11$). However, the (negative) correlation between the *proportion* of *čto*-clause and the effect of *čto*-clause did reach significance ($r = -0.44$, $p = 0.03$), suggesting that collocations with a higher proportion of *čto*-clauses tend to be less affected by the decrease in acceptability associated with *čto*-clauses.

4.4. Discussion

Overall, the experiment did not provide evidence for the effect of coordination (operationalized as a super-additive interaction between coordination and clause type). While there were independent lowering effects of both *čto*-clause and coordination, there was no decrease in acceptability of *čto*-clauses *with* coordination above and beyond those effects (i.e., we see a linear additive effect). Thus, the results fail to provide direct support for the grammatical account in (3). Nonetheless, 4 to 5 out of 12 items were associated with a stronger decrease in acceptability of *čto*-clauses in the coordination condition (0.33–0.48), as compared to the baseline. In addition, *all* items showed a stable lowering effect of *čto*-clause in the coordination condition (0.33–0.70), see column $\check{C}TO.COORD$ in Table 4. Given the operationalization of the coordination effect in (5), it is possible that this effect was “artificially” reduced by an independent effect of *čto*-clause. This interpretation is supported by the fact that the coordination effect is seen precisely in those V-Ns that do not show an effect of *čto*-clause, suggesting that it is somehow “absorbed” by the effect of *čto*-clause, see [Hofmeister et al., 2014] for some discussion. This raises questions about how the coordination effect should be operationalized. Perhaps it should be defined factorially (see [Sprouse et al., 2016]) only when other effects are not simply controlled for but *cancelled* (i.e., when there is no independent effect of *čto*-clause). Or perhaps it should be defined in *relative* rather than factorial terms (i.e., as the effect of *čto*-clause in the coordinated condition). These questions are left for future work.

As for the frequency hypothesis, the results provide little evidence for it. Apart from the lack of interaction between frequency and clause type, only 1 to 3 items out of 12 (with no clear pattern) showed any effect. Moreover, the effect of *čto*-clause was not consistently observed in the less frequent condition (see column ČTO.LESSFREQ in Table 4). While this might be due to a particular choice of materials so that a higher contrast in frequency might lead to a stronger effect, on the whole, frequency remains an unlikely source of the previously reported super-additive interaction, in accord with [Knyazev, to appear b].

5. Conclusion

I have examined two potential explanations for the so-called collocational restriction, according to which *čto*-clause complements of nouns are associated with a higher decrease in acceptability (relative to *to,čto*-clauses) if the noun belongs to a V-N collocation [Knyazev, to appear a]. Namely, (a) the grammatical account, whereby *čto*-clauses are introduced by a null preposition licensed by incorporation into a complex verbal head created in collocational constructions; and (b) the frequency account, according to which collocations have a higher frequency, affecting the acceptability of *čto*-clauses (but not *to,čto*-clauses). The study focused on the specific prediction of the grammatical account, according to which coordination should block incorporation of the null preposition and thus “unlicense” *čto*-clauses. These two hypotheses were tested in an acceptability study with a factorial design crossing factors construction type (more frequent/ non-coordinated vs. less frequent vs. coordinated collocations) and clause type (*to,čto*- vs. *čto*-clauses), where both hypotheses were operationalized as a super-additive interaction as in [Sprouse et al., 2016]. While the results did not provide direct support for either account, there is indirect evidence that the coordination effect was obscured by an independent effect of *čto*-clause, suggesting that coordination effect might be restricted to those collocations that are equally acceptable with *čto*- and *to,čto*-clauses.

References

- Barr et al., 2013 – Barr D.J., Levy R., Scheepers C., Tily H.J. Random effects structure for confirmatory hypothesis testing: Keep it maximal. *Journal of Memory and Language*. 2013. Vol. 68. No. 3. Pp. 255–278.
- Christiansen, Chater, 2016 – Christiansen M.H., Chater N. *Creating Language*. Cambridge, MA, 2016.
- Davies, Dubinsky, 2003 – Davies W., Dubinsky S. On extraction from NPs. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. No 1. Pp. 1–37.

Hofmeister et al., 2014 – Hofmeister P., Staum Casasanto L., Sag I.A. Processing effects in linguistic judgment data: (super-)additivity and reading span scores. *Language and Cognition*. 2014. Vol. 6. No. 1. Pp. 111–145.

Knyazev, 2016 – Knyazev M. Licensing clausal complements: The case of *čto*-clauses. PhD diss., Utrecht University. 2016.

Knyazev, to appear a – Knyazev M. An experimental study of the distributional restriction on Russian *čto*-clause complements of nouns. *Proceedings of FASL 26*. To appear.

Knyazev, to appear b – Knyazev M. Frequency as a (non)-predictor of acceptability: Russian V-N collocations with *čto*-clause complements. *Proceedings of FASL 27*. To appear.

Kush et al., 2018 – Kush D., Lohndal T., Sprouse J. Investigating variation in island effects: A case study of Norwegian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2018. Vol. 36. No. 3. Pp. 746–779.

Kobozeva, 2013 – Кобозева И.М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что» // *Du mot au texte. Études slavo-romanes* / Под ред. О. Инковой. Bern, 2013. С. 131–150. [Kobozeva I.M. Terms of use to before the subjunctive with the conjunction *čto*. *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. О. Inkova (ed.). Bern, 2013. Pp. 131–150. (In Russ.)]

Sprouse et al., 2016 – Sprouse J., Caponigro I., Greco C., Cecchetto C. Experimental syntax and the variation of island effects in English and Italian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. No. 1. Pp. 307–344.

Статья поступила в редакцию 10.11.2019, принята к публикации 15.12.2019

The article was received on 10.11.2019, accepted for publication 15.12.2019

Об авторе / About the author

Князев Михаил Юрьевич – PhD (лингвистика); научный сотрудник Отдела теории грамматики, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Mikhail Yu. Knyazev – PhD in Linguistics; Researcher at the Department of Grammar Theory, Institute for Linguistic Studies RAS, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4652-4144>

E-mail: misha.knyazev@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-70-89

A.B. Letuchiy

National Research University «Higher School of Economics»
Moscow, 105066, Russian Federation

Russian constructions with numerals and quantifiers: Their non-standard use in the subject and object position

In the article, I describe cases of special behavior of Russian phrases with quantifiers like *neskol'ko* 'some', *mnogo* 'many, much' and small numerals like *dva* 'two'. I show that they can occur in the subject position in contexts that usually do not contain a canonical DP/NP subject (constructions with the verb *xvatat'* 'be enough', negation contexts with the verb *byt'* 'be' and its habitual / iterative correlate *byvat'*), and for *neskol'ko*-like quantifiers, the direct object position with intransitive predicates like *na-...-sja* circumfixed verbs is also available. The reason of non-canonical subject behavior is the possibility to be subjects without controlling plural verbal agreement, while the non-canonical direct object behavior is possible because *neskol'ko*-like quantifiers lack the category of case.

Key words: quantifiers, numerals, case-marking, direct object, subject, genitive of negation, agreement

Acknowledgments. This study was supported by grant #17-29-09154 from the Russian Foundation for Fundamental Research.

FOR CITATION: Letuchiy A. Russian constructions with numerals and quantifiers: Their non-standard use in the subject and object position. *Rhema*. 2020. No. 1. Pp. 70–89. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-70-89

А.Б. Летучий

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Русские конструкции с числительными и квантификаторами: нестандартное использование в позиции субъекта и объекта

В статье описываются случаи, когда в русском языке особым образом ведут себя группы с квантификаторами типа *много*, *несколько* и малыми числительными типа *два*. Как мы показываем, эти единицы могут появляться в позиции субъекта в конструкциях, которые не могут содержать NP или DP в номинативе (при глаголе *хватать* и в конструкциях с генитивом отрицания при глаголах *быть* и *бывать*). Для квантификаторов типа *несколько* также доступна позиция (прямого) дополнения при глаголах с циркумфиксом *на-...-ся*, в норме являющихся непереходными. Мы показываем, что причина нестандартного появления в позиции субъекта заключается в способности данных типов групп не контролировать глагольное согласование, тогда как нестандартное прямообъектное поведение квантификаторов типа *несколько* может быть связано с отсутствием у них категории падежа.

Ключевые слова: квантификаторы, числительные, падеж, прямой объект, субъект, генитив отрицания, согласование

Благодарности. В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках работ по гранту РФФИ № 17-29-09154 «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Летучий А.Б. Русские конструкции с числительными и квантификаторами: нестандартное использование в позиции субъекта и объекта // Рема. Rhema. 2020. № 1. С. 70–89. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-70-89

1. Introduction

In modern syntax, multiple factors of argument marking have shown to be relevant. What is, however, understudied, is the role of morphological and mixed (morphological and syntactic) parameters. Normally, the grammatical and lexical class of the argument does not get attention it deserves. Research where the class of object is considered is normally semantic rather than syntactic: mostly the taxonomy of verbs, metaphoric extensions and relations between constructions with different argument types is described. However, as I show, the morphological class and part of speech are highly relevant in some cases. I will describe three of them: the verb *xvatat* 'be sufficient'; contexts of the genitive of negation; verbs with the circumfix *na-...-sja*.

All of these contexts have one feature in common: they prohibit a nominative- or accusative-marked argument (i.e., a subject or direct object, canonically marked with a structural case) or at least are possible without it. In the article, I argue that under some conditions, the structural case is possible. The question is why the use of nominative/accusative is so selective and what should be proposed to describe these quantifier constructions: the description of the nominative/accusative argument or, by contrast, the description of the genitive group that is unmarked for the constructions under analysis.

In what follows, I will consider two groups of units with semantics of quantification:

- 1) adverbial-like quantifiers *neskol'ko* 'some, several', *mnogo* 'much, many', *skol'ko* 'how many, how much', *stol'ko* 'so many, so much';
- 2) small numerals *dva* '2', *three* '3', and so on.

While numerals have a case paradigm, the morphological status of adverbials like *neskol'ko* is problematic. The adverbial like forms like *neskol'ko* are normally used only in nominative and accusative contexts, while in other cases, adjective forms like *neskol'kix* (some-PL.GEN/PL.LOC) are used. In principle, forms like *neskol'ko* and like *neskol'kix* could be regarded as members of the same paradigm – this would be plausible, given that quantifiers do not have a nominative case-marked adjective form like the hypothetical *neskol'kij* or *neskol'kie*. However, this joint paradigm would be very unnatural from the formal point of view: while indirect case forms *neskol'k-ix*, *neskol'k-im* and *neskol'k-imi* contain plural adjective suffixes of GEN/LOC, DAT and INS, respectively, the form *neskol'ko* does not contain a plural suffix. Even if we regard the final *-o* as a separate morpheme, this morpheme apparently does not belong to the plural paradigm and to any slot of the adjective paradigm. Thus, it seems more reliable to regard word forms *neskol'ko*, *skol'ko*, *stol'ko* and *mnogo* as separate words and classify them as adverbial-like quantifiers.

2. Non-standard behavior of quantifiers and numerals: Three contexts

2.1. Constructions with the verb *xvatat'*

The verb *xvatat'* 'be sufficient' has attracted linguists' attention (see [Rakhilina, Kor Chahine, 2009; Kholodilova, 2012]) mainly for its inability to be used with a nominative subject and its polysemy related to quantification. For instance, in (1) its genitive argument denotes to the participant that lacks, while in (2), the genitive NP points to the general mass that presents in the situation but is insufficient:

(1) *Ne xvata-et tol'ko Pet-i.*
NEG be.enough-PRS.3SG only Petja-SG.GEN
'Only Petja is missing.'

(2) *Mjas-a ne xvata-et.*
meat-SG.GEN NEG be.enough-PRS.3SG
'The meat (that we have) is insufficient.'

The quantification semantics and the lack of nominative arguments are tightly related to each other. Genitive is known for its function to denote a quantified group. Cf. examples of the partitive use of genitive with 'normal' transitive verbs:

(3) *Nado vypit' vodk-i.*
necessary drink-INF vodka-SG.GEN
'We should drink (some) vodka.'

It turns out, however, that the inability of *xvatat'* to take nominative is not total. Some numerals in the subject position of this verb can be marked with nominative, and not only with genitive:

(4) *Dve minut-y xvat-it?*
two.NOM/ACC minute-SG.GEN enough-PRS.3SG
'Are two minutes sufficient?'

The main questions are (1) why quantifier phrases are not marked with genitive with this verb and (2) whether the form *dve* in (4) is really nominative or rather accusative (the genitive form is distinct and looks as *dvux*). The minimal pair with the numeral *odin* is much worse:

(5) *??Odin čas-ø xvat-it?*
one.NOM/ACC hour-SG.NOM enough-PRS.3SG
'Is one hour sufficient?'

The native speaker survey also shows the difference in judgments between examples with 'two' and 'one'.

- (6) *Mne* *xvati-l-ø* *odin-ø* *čas-ø*
 I.DAT be.enough-PST-SG.M one.M.SG.NOM hour-SG.NOM/ACC
čtoby *oceni-t'* *situacij-u.* (ACC)
 to analyze-INF situation-SG.ACC
 'One hour was enough for me to analyze the situation.' –
 76 out of 228
- (7) *Mne* *xvati-l-o* *odin-ø* *čas-ø*
 I.DAT be.enough-PST-SG.N one.M.SG./ACC hour-SG.ACC
čtoby *oceni-t'* *situacij-u.* (NOM)
 to analyze-INF situation-SG.ACC
 'Two hours were enough for me to analyze the situation.' –
 83 out of 228¹
- (8) *Mne* *xvati-l-o* *dv-a* *čas-a*
 I.DAT be.enough-PST-SG.N TWO-M.NOM/ACC hour-SG.GEN
čtoby *oceni-t'* *situacij-u.* (NOM)
 to analyze-INF situation-SG.ACC
 'Two hours were enough for me to analyze the situation.' – 149 out
 of 228
- (9) *Mne* *xvati-l-o* *odn-ogo* *čas-a*
 I.DAT be.enough-PST-SG.M one-M.SG.GEN hour-SG.GEN
čtoby *oceni-t'* *situacij-u.* (NOM)
 to analyze-INF situation-SG.ACC
 'One hour was enough for me to analyze the situation.' – 220 out
 of 228
- (10) *Mne* *xvati-l-o* *dv-ux* *čas-ov*
 I.DAT be.enough-PST-SG.M two-PL hour-PL.GEN
čtoby *oceni-t'* *situacij-u.* (NOM)
 to analyze-INF situation-SG.ACC
 'Two hours were enough for me to analyze the situation.' – 212 out
 of 228

Of course, the variants with genitive, such as one represented in (10), are perfect for almost all informants for both 'one' and 'two'. The key difference is between nominative/accusative versions of the construction with numerals 'one' vs. 'two'. For *odin* 'one', both variants (nominative, with agreement, as in (6), and accusative, without agreement, as in (7)) have the total about 80, which means that the average mark is less than 1.5. For (8),

¹ Each sentence got from each native speaker a mark from 1 (totally unacceptable) to 4 (totally acceptable).

where *dva* is in nominative or accusative, 149 means the average more than 2.5. Fisher's test yields $F = 0.000228$, which means a statistically relevant difference between 'one' and 'two'.

The situation in the present tense is roughly the same. The total for constructions with *dva* is 130, which is significantly more than the total of 86 for *odin*. Since in Russian, verbs agree in number with the subject and can do it even if the subject is a numeral phrase, the plural variants were also evaluated. Interestingly, they have a much lower mark than their singular correlates, both in past (the total is 68) and present (the total is 72). This fact, however, is not highly illustrative since in many other contexts, plural agreement with quantifier phrases is less frequent even with verbs allowing nominative NP subjects.

Neskol'ko-like quantifiers are also possible in examples like (8) (*xvatilo neskol'ko časov* 'several hours were sufficient is acceptable'), though these variants were not checked with native speakers.

2.2. Constructions with genitive of negation

Under negation, Russian NPs marked with nominative and accusative can change their marking to genitive. Normally, this change is optional [Partee, Borschev, 2002a, 2002b; Rakhilina et al., 2008], and others show that the choice of the genitive or the standard DO/S case depends on multiple factors:

- 1) focus on the scene vs. the participant;
- 2) dynamic vs. static nature of the situation;
- 3) agentivity;
- 4) physical vs. metaphoric meaning, and so on.

However, in some existential and locative contexts, especially with the verb *byt'* 'be' or its iterative/habitual correlate *byvat'* 'exist, happen sometimes, habitually' the genitive marking becomes obligatory. In examples like (11) and (12), nominative is impossible or yields another reading:

(11) *U byk-a ne by-l-o rog-ov /*
 at bull-SG.GEN NEG be-PST-SG.N horn-PL.GEN
#ne by-l-i rog-a.
 NEG be-PST-PL horn-PL.NOM
 'The bull did not have horns.'

(12) *U svin-ej ne byva-et rog-ov /*
 at pig-PL.GEN NEG be.hab-PRS.3SG horn-PL.GEN
#ne byvaj-ut rog-a.
 NEG be.hab-PRS.3PL horn-PL.NOM
 'Pigs do not have horns / never have horns.'

The nominative *ne byli roga* is not ungrammatical but leads a strange reading like ‘the horns did not visit the bull, the horn were not at bull’s home’. Thus, the use of nominative makes (11) analogous to (13), with an agentive subject *Vanja*:

- (13) *U Pet-i doma ne by-l-ø tol’ko Vanja.*
 at Petja-SG.GEN home NEG be-PST-SG.M only Vanja-SG.NOM
 ‘Only Vanja has not visited Petja.’

However, for numeral phrases, it turns out to be possible to be marked with nominative in the same contexts.

- (14) *U nosorog-a ne byva-et*
 at rhinoceros-SG.GEN NEG be.hab-PRS.3SG
tri rog-a.
 three.NOM horn-SG.GEN
 ‘Rhinoceroses never have three horns.’²

The standard variant with genitive is sometimes even worse:

- (15) *U nosorog-a ne byva-et*
 at rhinoceros-SG.GEN NEG be.hab-PRS.3PL
tr-ex rog-ov.
 three.GEN horn-PL.GEN
 ‘Rhinoceroses never have three horns.’

Notably, here the plural agreement also makes the sentence worse, just as in constructions with *xvatat* ‘be enough’.

- (16) ^{??}*U nosorog-a ne byvaj-ut*
 at rhinoceros-SG.GEN NEG be.hab-PRS.3PL
tri rog-a.
 three.NOM horn-SG.GEN
 ‘Rhinoceroses never have three horns.’

2.3. Agreement as a factor of non-typical behavior of quantifiers

There are several possible answers on the question what the possibility of (8), (14) and similar examples results from:

- 1) the nominative and the accusative form coincide;
- 2) the nominative form do not control agreement.

² Quantifiers like *neskol’ko* or *mного* are more problematic to test here, but grammatically, constructions like *u volka ne byvaet neskol’ko / mnogo glav* ‘wolves never have several / many heads’ seem acceptable.

The first answer does not account for the data. For instance, the noun *vremja* also has the same form of nominative and accusative. However, in the literary speech, it can only be used in genitive with *xvatat'* and *dostatočno* (the nominative form *vremja* is highly colloquial and judged awkward by educated speakers in examples like (17)):

- (17) *Ne xvata-et vremen-i / ??vremj-a.*
 NEG be.enough-PRS.3SG time-SG.GEN time-SG.NOM
 'We are short of time.'

Thus, the explanation should be based on the agreement. *Xvatat'* is an intransitive predicate: thus, it should not take an accusative argument. At the same time, their inability to take a nominative argument remains unexplained. Of course, we can suppose that they are simply lexically impersonal: they can take no nominative NP. However, in this case the special behavior of quantifier phrases needs to be stipulated.

We can assume that the inability of *xvatat'* with nominative NPs is in fact inability to take agreement markers. Each NP in Russian must control either singular or plural number verbal agreement.

- (18) *stoja-l-∅ stol-∅ / stoj-a-l-i stol-y.*
 stand-PST-SG.M table-SG.NOM stand-PST-PL table-PL.NOM
 'the table / tables stood'

Thus, the use of the polysemous form *stol* requires either the accusative interpretation (which is impossible for intransitive verbs) or the nominative interpretation with agreement. The peculiar feature of quantifier constructions is that they can lack number and gender agreement:

- (19) *Priexa-l-o / priexa-l-i desjat' turist-ov.*
 arrive-PST-SG.N come-PST-PL ten tourist-PL.GEN
 'Ten tourists came.'

Thus, we propose that this ability to be in nominative without controlling agreement is the key feature in examples like (8). The same is true for GoN contexts. The key factor in the possibility of (14) is that *tri roga* can be used without controlling the plural agreement. It is especially important because the plural agreement construction is designed here for the agentive reading of *byt'* ('visit some place'), often in the 'perfect' sense:

- (20) *My ne by-l-i vo Florenci-i.*
 we.NOM NEG be-PST-SG.M in Florence-SG.LOC
 'We have (never) been to Florence.'

At the same time, in some readings of *byt'*, even with quantifiers, the use of the genitive is obligatory. Here belongs the locative *byt'*:

(21) *V* *auditori-i* *Van-i* *ne* *by-l-o*.
 in lecture.room-SG.LOC Vanja-SG.GEN NEG be-PST-SG.N
 ‘There was not Vanja in the lecture room / Vanja was not
 in the lecture room.’

(22) *V* *auditori-i* *ne* *by-l-o* *tr-ex* /
 in lecture.room-SG.LOC NEG be-PST-SG.N three-GEN
neskol'k-ix *čelovek-ø*.
 several-PL.GEN people-PL.GEN

(23) ^{??}*V* *auditori-i* *ne* *by-l-o*
 in lecture.room-SG.LOC NEG be-PST-SG.N
tr-i *čelovek-a* /
 three-NOM person-SG.GEN
neskol'ko *čelovek-ø*.
 several people-PL.GEN
 ‘Three / several people were not in the lecture room.’

2.4. Verbs with the circumfix *na-...-sja*

The third context of unusual behavior of quantifiers is represented by circumfixed verbs with *na-...-sja*. The circumfix *na-...-sja* belongs to the rich system of Russian circumfixes. Most of them include a verbal prefix and the reflexive suffix *-sja*:

u-...-sja – make something to its extreme point;

raz-...-sja – intensively begin to do something; move intensively from each other (of multiple subjects);

s-...-sja – move intensively to each other (of multiple subjects).

The degree of integration of the parts of circumfixes is discussed by [Tatevosov, 2009], but we do not touch upon this matter here.

Verbs with circumfixes are usually intransitive. The class of exceptions is rather small. For instance, it includes the verb *doždat'sja* which is compatible with accusative objects:

(24) *Devočka* *nakonec* *do-žda-l-a-s'* *mam-u*.
 girl-SG.NOM finally do-wait-PST-SG.F-REFL mother-SG.ACC
 ‘The girl waited his mother for a long time, and finally she came.’

Normally, the DO of the base verb is marked with genitive or instrumental.

- (25) *Serež-a* *na-e-l-ø-sja*
 Serezha-SG.NOM *na-eat-PST-SG.M-REFL*
grečnev-oj *kaš-i* /
 buckwheat-F.SG.GEN kasha-SG.GEN
grečnev-oj *kaš-ej.*
 buckwheat-F.SG.INS kasha-SG.INS
 ‘Serezha fed himself with buckwheat.’³

Kagan and Pereltsvaig (2011) regard genitive argument of *na-...-sja* verbs as bare nominal due to their non-specificity and general tendency not to take DP-level modifiers like *ětot* ‘this’.

Surprisingly, it turns out that quantifier constructions with words like *mnogo*, *neskol’ko*, *skol’ko*, *stol’ko* are compatible with some circumfixed verbs. This fact is unexpected given that *na-...-sja* verbs are usually intransitive (they do not take accusative NPs/DPs), and, as we have said in the Introduction, adverbial-like forms like *mnogo* usually occur in nominative and accusative contexts.

- (26) *Ja* *nasmotre-l-ø-sja* *mnogo* *ljubitel’sk-ix*
 I.NOM *na-watch-PST-SG.M-REFL* many amateur-PL.GEN
i *professional’n-yx* *fil’m-ov*
 and professional-PL.GEN film-PL.GEN
 ‘I have watched so many amateur and professional films...’

- (27) *Na-sluš-a-eš-sja* *stol’ko* *gor’k-ix* *istorij-ø...*
na-listen-FUT-2SG-REFL so.many bitter-PL.GEN story-PL.GEN
 ‘You will hear so many sad stories that you won’t find in any book...’

To estimate the probability of *neskol’ko*-like quantifiers, an experiment has been organized. As with the verb *xvatat’*, here native speakers also had to evaluate several examples from 1 (unacceptable, absolutely impossible) to 4 (acceptable, no mistakes). The medium marks were reserved for bad, but not unacceptable (2) and stylistically imperfect, but in general acceptable (3) Russian sentences. The experiment shows that native speakers often tolerate the use of *neskol’ko*-like quantifiers in these contexts. Some examples almost always get the maximum score:

³ The instrumental vs. genitive variant are not fully synonymous. It seems that instrumental is used when the final result is emphasized (‘the subject is not hungry’), while genitive can simply mark the fact that the subject has eaten a large quantity of some food. However, this difference is irrelevant for the present study.

(28) *Ja ... na-smotre-l-ø-sja stol'ko užastik-ov*
 I.NOM ... NA-look-PST-SG.M-REFL so.much horror.film-PL.GEN
čto teper' bud-u xodi-t' tol'ko na romantičesk-ie
 that now be-FUT.1SG go-INF only to romantic-PL.ACC
komedi-i.

comedy-PL.ACC

‘I have watched so many horror films during this month that now I will only watch romantic comedies.’ – 83 out of 92.

(29) *Skol'ko že antisemitsk-ix šutoček-ø*
 how.many PART anti-Semitic-PL.GEN joke-PL.GEN
ja na-sluš-a-l-ø-sja!

I.NOM na-listen-PST-SG.M-REFL

‘I heard there so many anti-Semitic jokes!’ – 78 out of 92.

Others are often evaluated for 3 and 4, but are far from getting the maximum score.

(30) *Skol'ko že ja tam na-smotre-l-ø-sja*
 how.many PART I.NOM there na-look-PST-SG.M-REFL
vsjak-ogo der'm-a!
 various-N.SG.GEN shit-SG.GEN

‘What a bunch of shit have I seen there!’ – 70 out of 92.

(31) *Tam možno mnogo vs-ego na-sluš-a-t'-sja!*
 there possible much all-N.SG.GEN na-listen-INF-REFL
 ‘There you can hear lots of different things!’ – 66 out of 92.

Interestingly, the standard way of marking (with the genitive form of adjectives like *mnogix*) is judged worse than those with *neskol'ko*-like quantifiers.

(32) *Ja tam na-smotre-l-ø-sja mnog-ix frik-ov,*
 I.NOM there na-look-PST-SG.M-REFL many-PL.GEN freak-PL.GEN
hippi i drug-ix strann-yx ličnost-ej.

hippy.PL.GEN and other-PL.GEN strange-PL.GEN person-PL.GEN

‘I have seen there lots of freaks, hippies and other strange persons’ – 62 out of 92.

A possible analysis of *neskol'ko*-like units is that they are not in the direct object position, but rather in an adjunct position. Note that in other contexts, this type of use is possible for *mного* and *neskol'ko*:

(33) *On mnogo gulja-l-ø v et-i dn-i.*
 he.NOM much walk-PST-SG.M in this-PL.ACC day-PL.ACC
 ‘Those days, he walked a lot.’

In (33), *mnogo* is not an argument – it occupies the position of intensity adjunct. The same phenomenon is illustrated by *neskol'ko stranno* ‘a bit strange’ where *neskol'ko* is a degree modifier of the adverbial *stranno*. It is theoretically possible that in (26)–(31), the structure looks as in (34):

(34) *navidalsja* [AdvP *mnogo*] [NP *fil'mov*]

However, this analysis faces some problems. For instance, if *neskol'ko*-like quantifiers were adverbials, they would be expected to be compatible with many other circumfixed verbs. This is not the case: verbs like *naest'sja* or *napi't'sja* cannot be used with *mnogo*, *neskol'ko*, though the same modifiers are acceptable for base verbs:

(35) *On mnogo pi-l-ø.*
 he.NOM much drink.UP-PST-SG.M
 ‘He drank much.’

(36) *On vypi-l-ø mnogo vod-y.*
 he.NOM drink.UP-PST-SG.M much water-SG.GEN
 ‘He drank much water.’

(37) **On napi-l-ø-sja mnogo vod-y.*
 he.NOM drink.up-PST-SG.M much water-SG.GEN
 Intended: ‘He has drunk his ... with a big quantity of water.’

Another, perhaps a stronger evidence would be if *neskol'ko*-like quantifiers with circumfixed verb could be coordinated with regular genitive arguments. In fact, structures like (38) are marginal, though not totally unacceptable:

(38) *On na-sluš-a-l-ø-sja istorij-ø*
 he.NOM nalisten-PST-SG.M-REFL story-PL.GEN
i očen' mnogo skazok-ø.
 and very many fairy.tale-PL.GEN
 ‘He has heard (many) stories and lots of fairy tales.’

The explanation of this case is different from that in the previous two contexts. With circumfixed verbs, quantifier phrases occupy the DO position, while the GoN and *xvatat'* show quantifiers in the subject position. Thus, the agreement-based analysis is unavailable. Another difference is that nominative-/accusative-marked small nominal are incompatible with circumfixed verbs. It seems that constructions like (26)–(31) are acceptable due to two factors.

1. The semantic factor. The *na-...-sja* construction means that the quantity of the object X was enough for the situation/participant Y. The name of X is in genitive, which is predictable provided that genitive often has a partitive meaning: the precise quantity of X is irrelevant, X-GEN is the name

of the class from which a sufficient quantity was taken. However, when *neskol'ko*-type quantifiers is used, the quantifier does not denote a class – it points to the precise quantity of objects which is not marked explicitly in examples like (25). This is why it is marked with accusative, and not with partitive genitive.

2. The syntactic factor. The reflexive morpheme usually detransitivizes the verb. However, the main component of this intransitivity is the inability to take accusative-marked objects. Since *neskol'ko*-like units are unmarked for case, they do not conflict with the syntactic characteristics of the verb.

The relevance of the second factor is confirmed by the fact that *na-...-sja* verbs are incompatible with numerals. It is widely known that contrary to *neskol'ko*-like units, numerals are marked for case, though verbal agreement with them is optional.

	Agreement control	Case marking
NPs	+	+
Quantifiers	+ or –	–
Numerals	+ or –	+

Thus, while for the two previous cases, the absence of agreement is crucial, for circumfixed verbs, the main feature is absence of case-marking.

2.5. The quantifier data and the NP/DP problem

The fact that quantifiers behave in a special way in the contexts under analysis reminds us of the NP/DP problem. As early as in 1987, Abney proposed for determiners an analysis based on a special projection DP. Bošković (2008), Lyutikova and Pereltsvaig (2015), Lyutikova (2017) show that some facts of Russian and other languages without articles allows an analysis in the DP terms.

Lyutikova claims that some behavioral features characterize DPs as opposed to non-DPs:

1) in constructions with quantifiers, only QPs, but not DPs can denote pluralities with no agreement on the verb:

- (39) *Priexa-l-o* *tri* *parnj-a*.
 come-PST-SG.N three.NOM guy-SG.NOM
 ‘Three guys came.’

2) in constructions with NPs (Lyutikova’s argument is based on collocations like *imet’ pravo* ‘have right’), extraction of an argument of the complement

clause of noun is possible, while in constructions with DPs, it is prohibited by the complex NP constraint;

3) in constructions with NPs, floating quantifiers in the embedded infinitival clause can be marked with nominative, while for DPs, dative marking of the floating quantifier in the embedded clause is characteristic.

It is tempting to say that *xvatat'* is a special verb that allows nominative marking only for QPs, DPs being marked with genitive. The problem of this construction is that no NP diagnostics is possible there. The very situation when case-marking of various types of constituents differs is rather peculiar. The same problems characterize the other two contexts addressed above. Thus, the special behavior of quantifiers and numerals can be related to restrictions on the volume of constituent, but this claim cannot be extended to NPs like those discussed by Lyutikova (2017).

3. Morphology and syntax: Further perspectives

The morphological characteristics prove their relevance for syntax even outside the domain of transitivity and argument marking. I will mention (i) behavior of predicatives; (ii) zero copula constructions and (iii) complement clauses.

3.1. Predicatives

Predicatives are adverbial-like units that occupy the predicate position.

- (40) *Stranno, čto Petja ne prixa-l-ø.*
 strange COMP Petja-SG.NOM NEG come-PST-SG.M
 'It is strange that Petja did not come.'

Alongside the predicate proper, various subtypes of secondary predicate contexts are available for these units:

- (41) *Kaza-l-o-s' stranno, čto Petja-a*
 seem-PST-SG.N-REFL strange COMP Petja-SG.NOM
ne prixa-l-ø.
 NEG come-PST-SG.M
 'It seemed strange that Petja did not come.'

The class of predicatives is semantically heterogenous, but mainly they express semantics of evaluation, emotion, perception, and physical feelings. In his work, Zimmerling (2018) made an extensive list of predicatives in Russian. Say (2013) and Letuchiy (2014) showed that predicative are not uniform syntactically, as well as semantically: for instance, only some of them can be claimed to have a subject, others are rather impersonal. Evaluation predicatives have a special property: they can remain in the present tense

form (= without an explicit tense marker) for tense in some contexts referring to past (42) or denoting an unreal situation normally requiring the use of subjunctive (43):

- (42) *Neponjatno kak djadj-a Julius*
 unclear how uncle-SG.NOM Julius-SG.NOM
sobira-l-ø-sja eto sdela-t'.
 be.going-PST-SG.M-REFL this-SG.ACC do-INF
 'It was / is unclear how Uncle Julius was going to do it.'

- (43) *Stranno jesli by on ne nervniča-l-ø.*
 strange if IRR he.NOM NEG worry-PST-SG.M
 'It would be strange if he did not worry.'

This property is tightly linked to the morphological specificity of predicatives. Although predicatives are compatible with zero copula that functions as tense marker here, its status is autonomous – thus, tense is marked outside the predicative. By contrast, in verb forms, tense is marked with intra-word affixes. Thus, when predicatives are used in present tense in examples like (42) or (43), no tense marker is used in the matrix clause and no grammatical conflict emerges between the predicative and the embedded predicate (e.g., *sobiralsja* 'was going to' in (42)).⁴

3.2. Complement clauses

Some aspects of behavior of complement clauses also result from their morphological properties, mainly from the absence of the category of case. Here belong, for instance, the impossibility of the standard nominalization type of transitive verbs and, by contrast, possibility of a copula construction that is impossible for NPs.

The standard nominalization techniques used with transitive verbs in Russian includes change of the case of the verb subject (A) to instrumental and the case of the object (P) to genitive.

- (44) *ubijstv-o byk-a mjasnik-om*
 killing-SG.NOM bull-SG.GEN butcher-SG.INS
 'killing the bull by the butcher'

⁴ Note that the situation allows an alternative, syntactico-semantic, treatment. We can suppose that predicatives is static by their meaning. They need a copula to link the situation to precise temporal and modal conditions, but can also be interpreted without these conditions. However, this analysis does not explain why constructions like (41) and (42) are impossible with matrix predicates like *razdražat* 'which are well compatible with names of generic and repeated events.

However, the same mechanism cannot be used with complement clauses, or is dubious in most cases. For instance, it is natural to regard the verb *znat'* as transitive, even with a complement clause, but if this clause is retained under nominalization, the base subject is not marked with instrumental.

- (44) *znani-e* *ljud-ej* / ??*ljud'-mi*
 knowledge-SG.NOM people-PL.GEN people-PL.INS
kak *razviva-et-sja* *stran-a*
 how develop-PRS.3SG-REFL country-SG.NOM
 'people's knowledge how the country develops'

Since Russian lacks a Germanic-like prepositional genitive, mainly the standard postpositional genitive form is used if the base object is clausal, as in (44). The reason of unacceptability of the instrumental form is that the complement clause does not have the category of case. Instrumental is used when there is another case (more privileged, in some aspects) in the construction. Thus, what is crucial, are morphological properties of the complement clause, and not their syntactic position (the impossibility of instrumental in (44) does not tell us directly if the CC is or is not a direct object in the base construction).

In the second case, the CC is, by contrast, 'more liberal' to the makeup of a construction than NPs. In modern Russian, in construction with an explicit copula, one of the arguments is most often marked with instrumental, and the other one with nominative. This is also the case with constructions including abstract predicate nouns like *dolg* 'duty', *objazannost'* 'obligation', *zadaca* 'task', and so on: the abstract nominal occupies the predicate position and is marked with instrumental, while the content of the task or duty takes nominative.⁵ The variant with two nominatives is either fully excluded or obviously worse than one with instrumental.

- (45) *Ego* *zadac-ej* *by-l-ø* / **zadac-a* *by-l-a*
 his task-SG.INS be-PST-SG.M task-SG.NOM be-PST-SG.F
sbor-ø *informac-ii*.
 collection-SG.NOM information-SG.GEN
 'His task was data collection.'

By contrast, if the content of the abstract noun is a complement clause, the abstract noun can be marked either nominative or instrumental.

⁵ The choice of the subject marked with nominative is a special issue: Paduceva and Uspenskij (1979/2002) claim that case-marking reflects syntactic relations in the copula construction; however, it turns out that semantics is also a relevant factor: for instance, nouns denoting a role of the object in the situation (as *dolg* 'duty') usually occupy the predicate position, while nouns with the meaning independent from the situation (e.g., *sbor informacii* 'data collection') is normally assigned the nominative case and the subject status.

(46) <i>Ego</i>	<i>zadač-ej</i>	<i>by-l-o</i>	/	<i>zadač-a</i>	<i>by-l-a</i>
his	task-SG.INS	be-PST-SG.N		task-SG.NOM	be-PST-SG.F
<i>sobira-t'</i>	<i>informacij-u.</i>				
collect-INF	information-SG.ACC				
'His task was was data collection.'					

It is hardly possible that *zadača is in* different syntactic position in (45) vs. (46). More probably, morphological properties of the CC influence the noun marking. The construction where two arguments of the verb (including the copular verb *byt'* 'be') bear the same case-marking is avoided in modern Russian. By contrast, not case-marked arguments do not create the situation of case-doubling and allow nominative marking. Note that the syntactic position of the complement clause in (46) is opaque: by analogy with (45), we could suppose that the CC occupies the subject position – however, due to the absence of case, this point of view will remain questionable until some behavioral syntactic tests are applied.

3.3. Zero copula constructions

As Testeleets (2008) shows, Russian zero copula constructions are not reducible to a single phenomenon. Testeleets divides them into two types: (i) binominative and constructions with short adjectives and (ii) other constructions where one of the parts (the 'predicate') is unmarked for case. The former are shown to behave as regular VP constructions, while the latter manifest many differences from VPs and are likely to be analogous to constructions like *For Mary to leave (would be stupid)* which do not have a finite predicate.

Letuchiy (2015) proceeds along the same line but uses other syntactic tests. They show copular constructions not to be reducible even to two Testeleets' types. Also, the peculiar behavior of copula constructions is shown to derive from the absence of an explicit predicates:

- i) Zero copula constructions show more freedom of tense-marking, since they do not contain an explicit verb that might conflict in its tense marking with the verb of the other clause;
- ii) Zero copula constructions are incompatible with some particles, and with the standard negation strategy, which is also because of the absence of an explicit verb. Some particles require a verbal form to be their 'morphological anchor'. Of course, a zero cannot be an anchor of a particle.

This means that what seems to be syntactic features of zero copula constructions is in fact morphologically motivated. It is not crucial for criteria (i) and (ii) if zero copula constructions do or do not manifest properties of verbal phrases. What is important, is that morphologically (and

phonologically), the head of the construction is empty. Of course, not all properties of zero copulas behave like this: for instance, the ability of zero copulas to host adverbials is linked to its (syntactic) verbal nature, ignoring its (morphological) emptiness.

4. Conclusions

The main conclusion the data allowed to reach is that quantifier phrase behaves as a special type of phrase in some cases. This special behavior results from several properties related to each other.

1. Phrases with *neskol'ko*-like quantifiers and small numerals not only have the same for in nominative and accusative, but also allow the predicate to lack plural agreement which is impossible for plural NPs. This is why quantifiers and numerals are possible as subjects in some contexts that prohibit NP or DP nominative subjects.

2. *Neskol'ko*-like quantifiers lack case-marking. This is why quantifiers (but not numerals!) are possible with *na-...-sja* verbs that prohibit case-marked accusative D_{os}.

3. Quantifier phrases are explicit markers of quantification. On usual NPs that lack an explicit quantifier, some constructions like *na-...-sja* or genitive of negation impose a quantificational interpretation. This results in genitive marking of the NP, the implicit quantifier (if it is postulated at all) being marked with nominative or accusative.

4. The constructions with quantifiers instantiate the tight relation between syntax and morphology. The way of marking accessible for an argument crucially depends on its morphological properties, including the grammatical categories, and not only on its syntactic position.

It turns out that something we regard as strict grammatical rules of argument expression is in fact valid for case-marked NPs and non-valid for quantifier phrases. These facts allow two analyses. In first, we suppose that morphology is relevant for syntax, and quantifier direct objects are possible even in contexts where nominal objects are impossible. In the second line of analysis, we suppose that quantifier 'direct objects' are not really direct objects / subjects – thus, their ability to occur in non-transitive (or non-subject) contexts results not from morphology, but from their non-canonical syntactic position.

We suppose the first type of analysis more adequate for the cases above. What seems us to be a syntactic property like 'impersonality' or 'intransitivity', are often morphological (or syntactico-morphological) restrictions on number agreement or accusative case marking. The reasons of emergence of restrictions like these are to be addressed in more detail.

References

Abney, 1987 – Abney S. The English noun phrase and its sentential aspect. PhD diss. MIT. 1987.

Borschev, Partee, 2002a – Borschev V., Partee B.H. The Russian genitive of negation in existential sentences: The role of Theme-Rheme structure reconsidered. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)*. E. Hajičová et al. (eds.). Amsterdam, 2002. Pp. 185–250.

Borschev, Partee, 2002b – Borschev V., Partee B.H. The Russian genitive of negation: Theme/rheme structure or perspective structure? *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. Vol. 10. Pp. 101–114.

Bošković, 2008 – Bošković Ž. What will you have, DP or NP? *Proceedings of NELS 37*. E. Elfner, M. Walkow (eds.). Amherst, MA, 2008. Pp. 101–114.

Davies, Dubinsky, 2009 – Davies W.D., Dubinsky S. On the existence (and distribution) of sentential subjects. Hypothesis A / Hypothesis B. *Linguistic Explorations in Honor of David M. Perlmutter*. D.B. Gerdts et al. (eds.). Cambridge, MA, 2009. Pp. 111–128.

Delahunty, 1983 – Delahunty G.P. But sentential subjects do exist. *Linguistic Analysis*. 1983. Vol. 12. Pp. 379–398.

Kagan, Pereltsvaig, 2011 – Kagan O., Pereltsvaig A. Syntax and semantics of bare NPs: Objects of intensive reflexive verbs in Russian. *Empirical Issues in Syntax and Semantics 8*. O. Bonami, P. Cabredo Hofherr (eds.). 2011. Pp. 221–237. <http://www.cssp.cnrs.fr/eiss8/kagan-pereltsvaig-eiss8.pdf>

Kholodilova, 2012 – Холодилова М.А. Русские количественные числительные: к вопросу о частеречной классификации. Материалы к докладу. 2012. URL: <https://iling-spb.academia.edu/MariaKholodilova/Talks> (дата обращения: 18.10.2019). [Kholodilova M.A. Russian cardinal numbers: The problem of part of speech. Handout for a talk. URL: <https://iling-spb.academia.edu/MariaKholodilova/Talks> (In Russ.)]

Letuchiy, 2014 – Летучий А.Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 62–84. [Letuchiy A.B. Syntactic properties of clausal complements of predicatives. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 2014. No. 1. Pp. 62–84. (In Russ.)]

Letuchiy, 2015 – Letuchiy A.B. Russian zero copulas and lexical verbs: Similar or different. *Lingue e Linguaggio*. 2015. Vol. 2. Pp. 233–250.

Lyutikova, Pereltsvaig, 2015 – Лютикова Е.А., Перельцвайг А.М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 216–244. [Lyutikova E.A., Pereltsvaig A.M. Structure of noun phrase in language without an article: Universals and variance. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 3. Pp. 216–244. (In Russ.)]

Lyutikova, 2017 – Лютикова Е.А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М., 2017. [Lyutikova E.A. *Struktura imennoj gruppy v bezartiklevom jazyke* [Structure of noun phrase in a language without an article]. Moscow, 2017.]

Paducheva, Uspenskij, 1979/2002 – Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое? // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38. С. 349–360 (Перезд.: Успенский В.А. Труды по нематики. М., 2002). [Paducheva E.V., Uspenskij V.A. Subject or predicate? *Izvestija AN SSSR. Series of literature and language*. 1979. Vol. 38. Pp. 349–360. (In Russ.)]

Rakhilina, Kor Chahine, 2009 – Рахилина Е.В., Кор Шаин И. Чего не хватает глаголу хватать? Логический анализ языка: Ассерция и негация / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2009. С. 203–213. [Rakhilina E.V., Kor Chahine I. What does the verb *xvatat'* lack? *Logičeskij analiz jazyka: Assercija i negacija*. N.D. Arutjunova (ed.). Moscow, 2009. Pp. 203–213. (In Russ.)]

Rakhilina, Kor Chahine 2009 – Рахилина Е.В. Кор Шаин И. Чего не хватает глаголу хватать? Логический анализ языка: Ассерция и негация / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2009. С. 203–213. [Rakhilina E.V., Kor Chahine I. What does the verb *xvatat'* lack? *Logičeskij analiz jazyka: Assercija i negacija*. N.D. Arutjunova (ed.). Moscow, 2009. Pp. 203–213. (In Russ.)]

Say, 2013 – Say S.S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives”. *Current Studies in Slavic Linguistics [Studies in Language Companion Series, 146]*. I. Kor Chahine (ed.). Amsterdam, 2013. Pp. 225–245.

Tatevosov, 2009 – Tatevosov S.G. Building intensive resultative. Unpublished abstract.

Testelets, 2008 – Тестелец Я.Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой / Под ред. Р.И. Розиной, Г.И. Кустовой. М., 2008. С. 773–789. [Testelets Ya.G. Structure of sentences with a zero copula in Russian. *Dinamičeskie modeli: Slovo. Predloženie. Tekst. Sbornik statej v čest' E.V. Padučevoj*. R.I. Rozina, G.I. Kustova (eds.). Moscow, 2008. Pp. 773–789. (In Russ.)]

Zimmerling, 2003 – Циммерлинг А.В. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 54–59. [Zimmerling A.V. Predicatives and qualitative adverbs: Word classes and derivation directions. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy*. Moscow, 2003. Pp. 54–59. (In Russ.)]

Zimmerling, 2011 – Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению, от значения к форме. Сборник статей в честь 80-летия А.В. Бондарко. М., 2011. С. 568–590. [Zimmerling A.V. Non-canonical subjects in Russian. *Ot formy k značeniju, ot značenija k forme. Sbornik statej v čest' 80-letija A.V. Bondarko*. Moscow, 2011. Pp. 568–590. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 10.11.2019, принята к публикации 15.12.2019

The article was received on 10.11.2019, accepted for publication 15.12.2019

Об авторе / About the author

Летучий Александр Борисович – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Letuchiy Alexander B. – PhD in Linguistics; Leading Researcher at the Linguistic Convergence Laboratory, assistant professor at the School of Linguistics, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4151-2550>

E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-90-105

O. Mueller-Reichau

Universität Leipzig,
Leipzig, 04109, Germany

Default aspect based on state change

The paper shows that a single aspect operator successfully generates the interpretations of Russian perfective and imperfective forms, if the following requirements are met. First, the default aspect operator has to be based on the notion of state change. Secondly, the output of the operator is filtered by semantic and morphological blocking constraints.

Key words: verbal aspect, default operator, event realization, state change, contextual interpretation

FOR CITATION: Mueller-Reichau O. Default aspect based on state change. *Rhema*. 2020. No. 1. Pp. 90–105. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-90-105

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-90-105

О. Мюллер-Рейхау

Лейпцигский университет,
04109 г. Лейпциг, Германия

Дефолтный аспект, основанный на смене ситуации

В данной статье мы показываем, как интерпретации видовых форм русского глагола успешно порождаются с помощью только одного аспектуального оператора. Для этого требуется, чтобы оператор дефолтного аспекта был основан на понятии смены ситуации, а выпуск оператора ограничивался двумя прагматическими фильтрами: семантической и морфологической блокировкой.

© Mueller-Reichau O., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: вид глагола, оператор дефолтного аспекта, смена ситуации, частные значения видов глагола

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мюллер-Рейхау О. Дефолтный аспект, основанный на смене ситуации // Рема. Rhema. 2020. № 1. С. 90–105. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-90-105

1. Introduction

The term “default aspect” [Bohnmeyer, Swift, 2004] refers to approaches that seek to derive the interpretations that (im)perfective forms display in a language by means of a single zero operator that applies obligatorily at a certain point in the verbal derivation.¹ Later in the derivation, and outside of the scope of this paper, overt morphology may introduce additional operators to override the default output. Bohnmeyer and Swift (2004) make their default aspectual operator sensitive to the feature of telicity. I will reject this theoretical decision, arguing that replacing telicity by state change produces correct results for Russian.

The following assumptions will be taken for granted:² Besides Davidsonian eventualities, natural language ontology includes eventuality kinds [Gehrke, 2019]. Eventuality kinds are basically frames [Irmer, Mueller-Reichau, 2018], which can be of 1-state or 2-state content [Klein, 1994], whereby a predicate of 2-state content describes a Complex frame in which two frames are related via ‘precedes’ [Ruppenhofer et al., 2016, p. 83ff]. The two subframes correspond to Klein’s source state and target state, see my definition of ‘precedes’ in (1).³

- (1) a. Let F_1 and F_2 be two subframes of a complex frame F .
If $\text{PRECEDES}(F_1, F_2)$, then $\text{SS}(F, F_1) \wedge \text{TS}(F, F_2)$.
- b. Let F, F_1, F_2 be frames and e, e_1, e_2 Davidsonian eventualities.
If $e \text{ INST } F \wedge e_1 \text{ INST } F_1 \wedge e_2 \text{ INST } F_2 \wedge \text{SS}(F, F_1) \wedge \text{TS}(F, F_2)$,
then $\tau(e_1) < \tau(e_2) \wedge e_1 \text{ DCC } e_2$

¹ Apart from Bohnmeyer and Swift (2004), I am aware of only one further work that approaches Russian aspect from a default aspect perspective, i.e. Ramchand (2008). Filip (2008) likewise assumes only one zero operator, but in her theory imperfective meanings result from the non-application of that operator.

² Limitations of space prevent me from introducing these assumptions more carefully.

³ J. Ruppenhofer et al. write about precedes that “[t]his relation occurs only between two Component frames of a single Complex frame [...]. It specifies the sequence of states and events that are definitional for a certain state-of-affairs.” [Ruppenhofer et al., 2016, p. 84].

Russian verb formation proceeds in at least two derivational stages, a lexical stage followed by a second syntactic (superlexical) stage.⁴ Verbal roots denote properties of eventuality kinds (2a).⁵ So-called internal prefixes apply at the first stage to modify the eventuality kind supplied by the root, turning it into a Complex frame of 2-state content⁶ – reminiscent of [Krongauz, 1998, p. 243f.] “script hypothesis” (2b). Secondary imperfective suffixes (“YVA”) likewise attach low within the lexical stage.⁷ Their impact consists in “recategorizing” [Lehmann, 1997] the stem as belonging to the class of 1-state-predicates. In the formalism used here, this is achieved by marking the discourse marker F_2 as truth-conditionally irrelevant, i.e. by deleting it from the DRS-universe (2c).

- (2) a. $[[pis-]] = \lambda F [\mid \text{WRITE}(F)]$
- b. $[[podpis-]] = \lambda F [F_1, F_2, X, Y, Z \mid \text{SIGN}(F), \text{WRITE}(F_1), \text{WRITTEN}(F_2), \text{SS}(F, F_1), \text{TS}(F, F_2), \text{AUTHOR}(F, X), \text{NAME}(F, Y), \text{FORM}(F, Z)]$
- c. $[[podpisyva-]] = \lambda F [F_1, X, Y, Z \mid \text{SIGN}(F), \text{WRITE}(F_1), \text{WRITTEN}(F_2), \text{SS}(F, F_1), \text{TS}(F, F_2), \text{AUTHOR}(F, X), \text{NAME}(F, Y), \text{FORM}(F, Z)]$

Against this theoretical background, I propose that the product of verb formation at the lexical stage is obligatorily subject to a zero operator DASP, very much in the sense of [Bohnmeyer, Swift, 2004].

2. Default aspect according to Bohnmeyer and Swift (2004)

On Bohnmeyer and Swift’s (2004) account, zero coded predicates, i.e. predicates free of morphemes carrying aspectual meaning *sensu stricto*, trigger the application of a default aspectual operator, called DASP (3a), whose interpretation is subject to the principle of Event realization [Bohnmeyer, Swift, 2004, p. 286] (3b).

⁴ The first stage is reminiscent of what Lehmann (1997, i.a.) or Mende et al. (2011) call the domain of alpha-verbs, or what Ramchand (2004, 2008) calls first-phase syntax.

⁵ For purposes of formalization, I use compositional Discourse Representation Theory (DRT) enriched with a typed λ -calculus [Grønn, 2004, p. 48]. Frames and Subframes are represented as discourse markers F or F_n , respectively. Relations among (sub)frames, such as “SS” or “TS”, correspond to conditions imposed on these discourse markers. Frame elements are likewise represented as discourse markers in the DRS-universe, their symbols being capital X, Y, \dots . Properties of Frame elements correspond to semantic restrictions put on these discourse markers, stated in the condition set.

⁶ Only in rare cases, a non-prefixed stem has a 2-state-content, e.g. *bros-*.

⁷ I am grateful to Gillian Ramchand for making that clear to me.

- (3) a. $DASP \Rightarrow \lambda P \lambda t_{TOP} \exists e . REAL_E(P, t_{TOP}, e)$
 b. A predicate P is realized by event e at topic time t_{TOP}
 iff at least the run time of a subevent e' of e that also falls
 under the denotation of P is included in t_{TOP} .

The output of DASP will differ for telic and atelic predicates. Telic predicates do not have the subinterval property. Therefore, to meet (3b), e' must be identical to e. If e' was some proper part of e, and if P was telic, P cannot be true of e and of e'. It follows that, with a telic predicate, no part of e smaller than e itself can be included in t_{TOP} . Accordingly, telic predicates express the temporal relation $\tau(e) \leq_T t_{TOP}$. Unlike telic predicates, atelic predicates have the subinterval property. As a consequence, event realization allows t_{TOP} to include not only the whole event e, but also a subinterval of e. Bohnemeyer and Swift's (2004) argue that the first option (e' = e) is pragmatically blocked for atelic predicates because this interpretation is what the alternatives, telic predicates, are specialized for expressing. Taken together this means that atelic predicates are predicted to express $t_{TOP} <_T \tau(e)$. The conditions imposed on interpretation by DASP match the conditions that [Bohnemeyer, Swift, 2004, p. 280] associate with aspectual operators in general (4).

- (4) a. $PFV \Rightarrow \lambda P \lambda t_{TOP} \exists e . P(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{TOP}$
 b. $IPFV \Rightarrow \lambda P \lambda t_{TOP} \exists e . P(e) \wedge t_{TOP} <_T \tau(e)$

Wrt aspectual coding, the theory makes correct predictions: Simplex verbs are (im)perfective depending on the (a)telicity of their root (5a). Prefixed verbs are perfective due to the telicizing impact of prefixation (5b).⁸ YVA introduces IPF (4b) directly [Bohnemeyer, Swift, 2004, p. 274], deriving the imperfectives in (5c).

- (5) a. *brosit'*: telic → pf; *pisat'*: atelic → ipf; *znat'*: atelic → ipf; ...
 b. *vybrosit'*: telic → pf; *zapisat'*: telic → pf; *uznat'*: telic → pf; ...
 c. *vybrasyvat'*: ipf; *zapisyvat'*: ipf; *uznavat'*: ipf; ...

Wrt the interpretation of Russian forms, however, Bohnemeyer and Swift (2004) analysis faces a problem. The IPFV-relation $t_{TOP} <_T \tau(e)$ rules out the possibility of letting the topic time properly include the event time, contra to fact:

- (6) Ty kogda-nibud' vybrasyvala^{IPF} televizor iz okna nomera,
 kak Kit Ričards?
 'Have you ever thrown a TV out of the window of your hotel room,
 like Keith Richards?' (blognews.am/rus)

⁸ Verbs like *zaviset'* or *vygljadit'* behave exceptionally because they are prefixed but imperfective, but there is reason to view them as exceptions that actually support the rule (cf. [Zaliznjak, Šmelev, 1997, p. 68]).

(7) Ne nado! Ja uže perevoráčival^{IPF} blin.

‘No need. I already turned the pancake.’ (constructed)

(6) and (7) represent the general-factual interpretation of the Russian imperfective. The temporal relation is $\tau(e) <_T t_{TOP}$, but this relation is orthogonal to the condition that Bohnemeyer and Swift’s (2004) link to imperfectivity. To overcome this problem, I propose to base default aspect on state change instead of on telicity.

3. Default aspect based on state change

Taking a Kleinian state to be a subframe F_n of an eventuality kind F , I restate the principle of event realization as in (8b). If there are no subframes F_n (i.e. with 1-state predicates), the single eventuality kind F will count as final.⁹ DASP can be adopted in its original version (3a), merely equipped with eventuality frames and adjusted to the formalism of DRT (8a).

(8) a. $DASP \Rightarrow \lambda P \lambda t_{TOP} [e, F \mid e \text{ INST } F, REAL_E(P, t_{TOP}, e)]$

b. A predicate of eventuality frames $\lambda F.P(F)$ is realized by eventuality e at topic time t_{TOP} iff the run time of that part of e that instantiates the final eventuality kind of F overlaps t_{TOP} .

3.1. DASP applied to 1-state predicates

If DASP applies to a 1-state-predicate like (2a), the result will be (9).

(9) $\lambda t_{TOP} [e, F, X, Y \mid \text{WRITE}(F), e \text{ INST } F, \text{AUTHOR}(F, X), \text{TEXT}(F, Y), \tau(e) \circ t_{TOP}]$

Figures 1 to 4 indicate the four logical possibilities of how the temporal overlap relation (“o”) may manifest itself contextually.¹⁰

Fig. 1

Fig. 2

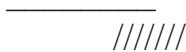

Fig. 3

Fig. 4

⁹ The predicate ‘instantiate’ in (8b) corresponds to Carlson’s (1980) realization relation. The renaming appears necessary to avoid confusion with the notion of “event realization”.

¹⁰ In Figures 1–16, solid horizontal lines will symbolize $\tau(e)$ for a declared eventuality token e ; ////////////// will be for the topic time; a vertical line will demarkate the moment when two eventuality tokens abut; a dotted line will indicate that the eventuality frame is uninstantiated.

I take two additional background assumptions to be operative. For one thing, I assume that, whenever // (the topic time interval) transgresses the edge of the solid line (the run time of the eventuality token), this will imply the existence of a neighboring eventuality token e' ($\neq e$), cf. [Šatunovskij, 2009, p. 33]. Furthermore I assume that particular interpretations that the application of DASP allows for in principle may be filtered out by “semantic blocking” [Dowty, 1980; Kiparsky, 2005; Deo, 2012]: given a context in which two forms may be used, the expressive device which imposes more constraints on interpretation will win the competition.¹¹

3.1.1. Ingressive reading (Figure 1)

Figure 1 draws the transfer from a time where the eventuality token e does not hold to a time where it holds. If the input was supplied by *pis-*, the interpretation would amount to the onset of a writing event. In Russian texts, now, the verb *pisat'* by itself will never be found to express ‘start writing’. Arguably, the reason for this gap is the availability of a syntactic construction specialized in expressing onsets of processes, i.e. the phase verb *načat'* ‘begin’ plus an imperfective infinitive complement (19). I thus claim that a bare 1-state verb (e.g. *pisat'*) is semantically blocked from expressing the meaning of Figure 1.¹²

- (10) Orlov načal pisat' pis'mo, a Greig zakuril svoju trubku i molča ždal, poka graf zakončit.
 ‘Orlov started writing a letter, and Greig lighted his pipe, waiting in silence until the count would have finished.’ (RNC¹³)

3.1.2. Progressive reading (Figure 2)

The interpretation of Figure 2 corresponds to the “progressive reading”. The topic time is properly included in the time of the eventuality token, giving rise to the internal viewpoint effect. Modifying (10), we get (11)

¹¹ “If a language has two (equally simple) types of syntactic structures A and B, such that A is ambiguous between meanings X and Y while B has only meaning X, speakers should reserve structure A for communicating meaning Y (since B would have been available for communicating X unambiguously and would have been chosen if X is what was intended)” [Dowty, 1980, p. 32].

¹² Besides the phase verb construction, there is another systematic means of expressing the start of a process in Russian: prefixation by means of ingressive *za-*. A case in point is the verb *zakuril* in (10). Like the periphrastic *načat' kurit'* ‘begin to smoke’, the verb *zakurit'* ‘start smoking’ is specialized in expressing the meaning depicted in Figure 1. In the specific case of *pisat'*, it happens that the meaning ‘start writing’ is obviated for the form *zapisat'* by that this form lexically expresses the sense ‘record’. I have nothing to say about when expressions like *zakurit'* are preferred over expressions like *načat' kurit'*, or vice versa.

¹³ Russian National Corpus (<http://ruscorpora.ru/>).

as illustration, which is about a situation throughout which Greig was waiting and the count was writing. Both *ždal* and *pisal* actualize the interpretation in Figure 2.

(11) Greig *ždal* molča, poka graf *pisal* pis'mo.

'Greig was waiting in silence while the count was writing a letter.'

3.1.3. Egressive reading (Figure 3)

In Figure 3, the topic time exceeds the right edge of the time of e. This reading will thus convey the message that the final stage of e has been left behind.

This case represents the mirror image of 3.1.1. And just like in that case, Russian provides grammatical means which serve the special function of expressing precisely the interpretation relevant to the issue. For one thing, Russian makes systematic use of the phase verb *končit'* 'finish' in combination with imperfective infinitives like, for instance, *pisat'*. Moreover, the completive prefix *do-* may productively be used to form perfective verbs like *dopisat'* ('finish writing'). Again I argue that these explicit means of expressing event termination semantically block the egressive reading from actualizing in the morphologically unmarked case, where there is no phase verb or *do-*prefix.

3.1.4. General-factual reading (Figure 4)

The predicate (9) also allows for the interpretation in Figure 4. In this case the topic time properly includes the whole time of the eventuality token. This implies two changes, the first leading from the non-existence of the eventuality token to its existence, the second from its existence to its non-existence.

Unlike the case discussed in 3.1.3, the interpretation in Figure 4 is attested for 1-state verbs. It is known as the "general-factual" meaning. (12) and (13) show well-known examples (cf. [Zaliznjak, Šmelev, 1997, p. 25]):

(12) Ja Vas ljubil.

'I once loved you.'

(13) Na ètoj stene visela kartina.

'There was a picture hanging on this wall.'

3.2. DASP applied to 2-state predicates

When the meaning of a 2-state predicate like *podpisat'* (2b) serves as the input of DASP, it will be mapped onto (14).

- (14) $\lambda t_{TOP} [e, e_1, e_2, F, F_1, F_2, X, Y, Z \mid \text{SIGN}(F), \text{WRITE}(F_1), \text{WRITTEN}(F_2), \text{SS}(F, F_1), \text{TS}(F, F_2), \text{AUTHOR}(F, X), \text{NAME}(F, Y), \text{FORM}(F, Z), e \text{ INST } F, e_1 \text{ INST } F_1, e_2 \text{ INST } F_2, \tau(e_2) \circ t_{TOP}]$

The eventuality kind F associated with *podpisat'* involves a Kleinian source state (F_1) and a Kleinian target state (F_2). Each frame is instantiated in that a corresponding eventuality token (e, e_1, e_2) is declared in the universe of the DRS. The following Figures represent all of the logically possible relations that the general relation $\tau(e_2) \circ t_{TOP}$ may boil down to given the aspectual meaning in (14).

Fig. 5

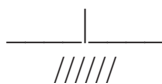

Fig. 6

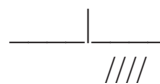

Fig. 7

Fig. 8

Fig. 9

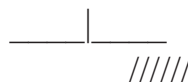

Fig. 10

3.2.1. Concrete-factual reading (Figure 5)

The “concrete factual” reading is described in [Švedova et al., 1980, p. 604] as expressing reference to a single situation presented as a concrete whole fact limited by a boundary (“konkretnyj celostnyj fakt, ograničennyj predelom”). This is just what is depicted in Figure 5: The “whole fact” corresponds to e_1 being fully embedded within the topic time; the “limitation by a boundary” to that the topic time ends within the time of e_2 , thus entailing a change from e_1 to e_2 . A classic example is (15).

- (15) Prišel, uvidel, pobedil.
‘Veni, vidi, vici.’

3.2.2. Culmination-in-focus (Figure 6)

The interpretation depicted in Figure 6 differs from the one in Figure 5 in that the begin of the e_1 lies outside of the topic time interval. This means that the coming into being of the Kleinian source state is outside of “the time interval for which an assertion is made” [Klein, 1994], i.e. outside of what the utterance is about. A verb interpreted in accordance with Figure 6 will thus exclusively be about the change from e_1 to e_2 . Such a reading is pragmatically

licensed as an answer to an (implicit or explicit) question that queries about whether e_2 has, or has not, been reached within t_{TOP} , presupposing e_1 .¹⁴

- (16) a. Nu, kak, nadumal?
 ‘And, have you come up with an idea?’
 b. Da, nadumal.
 ‘Yes, I have.’ (RNC)

3.2.3. Perfect reading (Figure 7)

Figure 7 shows the interpretation known as perfect reading (“perfektnoe značenie”). The meaning of the verb entails a change to e_2 , but the moment of change lies before and therefore outside of the topic time. Since t_{TOP} ends when the instantiated target state, e_2 , is still in force, the utterance is about the presence of the target state at topic time. Examples from [Švedova et al., 1980]:

- (17) Šči ostyli.
 ‘The shchi is cold now.’
 (18) On postarel, raspolnel i obrjuzg.
 ‘He is old, fat and bloated now.’

3.2.4. Pluperfect readings (Figures 8, 9 and 10)

The Figures 8 to 10 arguably imply a potential conflict. On the one hand, the entailment of a target state token will direct attention to the conditions of this state. This arguably follows from a general pre-linguistic bias towards goal-attainment [Dickey, 2006, p. 8]. On the other hand, the topic time does not end when the target state is instantiated as e_2 (as it does in Figures 5 to 7). Instead, the topic time exceeds e_2 , inviting the inference that what deserves attention is not the world at the target state time, but at a later time when the target state conditions are no longer valid. Thus, in Figures 8 to 10, two different times compete for prominence. This conflict can, however, be avoided to arise.

Often, the phase particle *uže* (‘already’) comes to the rescue. The semantics of *uže* is such that it contrasts two temporal phases: a phase at which the property (delivered by the predicate with which the particle combines) is asserted to hold, and a later phase at which the same property is presupposed to hold (cf. [Ippolito, 2007]). Applied to our case, the relevant property is the conditions of the target state. Presupposed and thus expected to hold

¹⁴ Note that in the Russian Academy Grammar this reading is treated as a special case of concrete-factual. The same holds for the perfect reading (cf. [Švedova et al., 1980, p. 605–606]).

at the end of the topic time, the target state conditions are asserted hold earlier than expected. The earlier time is usually explicated, as in (19) (*v 1960 godu*).

- (19) Postojanno pričisljaemyj k “sestidesjtnikam”, ja i sam sebja takovym sčital, poka vdrug ne vspomnil, čto v 1960 godu mne uže ispolnilos’ dvadcat’ vosem’.
 ‘Always being taken for a sixty, I myself also took me to be one, not remembering that in 1960 I had already reached the age of 28.’
 (RNC)

Figures 8 to 10 express pluperfect (past perfect) readings. (19) exemplifies Figure 8. The pluperfect version of the “culmination-in-focus” reading (Figure 9) may arguably be exemplified by (20), where the time of the unexpectedly early birth is supplied by the subordinate clause. (21), finally, shows a pluperfect construal of the perfect reading. The speaker informs that her being tired of playing tennis held earlier than was to be expected, already in 2012.

- (20) Kogda vrač prišel, ona uže rodila.
 ‘When the doctor arrived, she had already given birth.’ (babyblog.ru)
- (21) V 2012 godu ja uže ustala ot tennisa i rešila zakončit’.
 ‘In 2012 I was already tired of tennis and decided to quit.’ (sports.ru)

3.3. DASP applied to 2-state predicates marked by YVA

Recall from above that YVA marks the Kleinian target state of the input predicate as truth-conditionally irrelevant. Technically, this is achieved by the deletion of the discourse marker F_2 from the DRS-universe. Since F_2 is not declared, the part of e which instantiates the final Kleinian state is no longer e_2 , but e_1 . Given the way the principle of Event realization is defined in (8b), it is therefore e_1 which is required by DASP to overlap the topic time. From (2b), the meaning of the stem *podpisyva-* will thus differ only in that the universe of the DRS no longer contains F_2 (2c). DASP will map (2c) onto (22).

- (22) $\lambda t_{TOP} [e, e_1, F, F_1, X, Y, Z \mid \text{SIGN}(F), \text{WRITE}(F_1), \text{WRITTEN}(F_2),$
 $\text{SS}(F, F_1), \text{TS}(F, F_2), \text{AUTHOR}(F, X), \text{NAME}(F, Y), \text{FORM}(F, Z),$
 $e \text{ INST } F, e_1 \text{ INST } F_1, \tau(e_1) \circ t_{TOP}]$

Depending on context, the relation $\tau(e_1) \circ t_{TOP}$ may manifest itself in one of the following ways. In each case the topic time $///$ overlaps the final instantiated Kleinian state, which now is the source state.

Fig.11

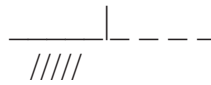

Fig. 12

Fig.13

Fig.14

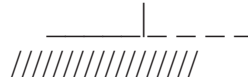

Fig. 15

Fig.16

3.3.1. Ingressive reading (Figure 11)

In Figure 11, we revisit the ingressive reading, this time based on a 2-state predicate. Again I argue that verbs like *podpisывat'*, *vybrasyvat'*, *otkryvat'* etc. do not show up in this reading, because its realization is semantically blocked by the availability of the respective phase verb construction, as in (23).¹⁵

- (23) Odin iz nich ostorožno postučal v tret'e kupe i načal otkryvat' dver'.
 'One of them carefully knocked at the cabin No. 3 and started to open the door.' (Vysockij)

3.3.2. Progressive reading (Figure 12)

Secondary imperfectives often actualize the progressive reading, represented by Figure 12. Note that the existence of e_2 (the instantiation of the Kleinian target state) is not entailed in (34), but merely implicated. This is a welcome result as it avoids the otherwise arising problem of the imperfectivity paradox ([Dowty, 1979], cf. [Ramchand, Minor, 2019]). See (24) for a relevant example.

- (24) [A]kter [...] perechodil^{IPF} ulicu, kogda na nego naechal avtomobil'.
 'The actor was crossing the street when he was hit by a car.'
 (dni.ru)

¹⁵ Another form that competes for the expression of the meaning given in Figure 11 results from attachment of ingressive *za-*. This case is illustrated in (i) from [Tatevosov, 2015, p. 471].

(i) ..., vydavilsja poslednij vozduch iz legkich, i mal'čiška zaotkryval rot, kak ryba.
 '... the last air was squeezed out and the little boy started opening his mouth like a fish'.

3.3.3. An impossible reading (Figure 13)

As for Figure 13, I claim that this case will never realize, and here is why: The topic time is the “time about which an assertion is made” [Klein, 1994]. According to Figure 13, the topic time will have to overlap the time of the Kleinian target state, which is, however, uninstantiated and therefore provides no time with which the topic time could overlap. To get the interpretation shown in Figure 13 run, therefore, there is no way round inferring the existence of e_2 . This reasoning may be stated as a general rule:

- (25) Overlap of the topic time with an uninstantiated eventuality will automatically trigger the instantiation of that eventuality.

Now see that by drawing the inference that e_2 exists we end up with the same interpretation as in Figure 6. Since Figure 6 is taken care of by the same verb without YVA, we arrive at a situation in which there are two candidate verbs for the same interpretation, *podpisat'* and *podpisivat'*, one being structurally more complex than the other. In such a situation the pragmatic mechanism of “morphological blocking” [Kiparsky, 2005; Deo, 2012] will filter out the more complex expression.¹⁶ Applied to our case, the impact of morphological blocking will prevent secondary imperfectives from expressing culmination-in-focus (Figure 6). Figure 13 turns out to be no option for secondary imperfectives.

3.3.4. Annulment-of-result (Figure 14)

In Figure 14, the time of the Kleinian target state is properly included in the topic time. Again, by (25), this requirement invites the inference that the Kleinian target state is instantiated as e_2 . Unlike Figure 13, however, Figure 14 wants the topic time to end at some time after e_2 .

Now the question arises: Isn't the interpretation shown in Figure 14 equal to Figure 9? If so, it should be ruled out by morphological blocking. The answer is: No. While Figure 9 involves a conflict, as described in 3.2.4, Figure 14 does not. The reason is that, in the case of Figure 14, but not of Figure 9, YVA explicitly marks the Kleinian target state as truth-conditionally irrelevant. Since it is explicitly signaled that “goal orientation” is not intended, the road is free for an assertion about an event which at some moment brings about a particular state that at some later moment ceases to exist. What Figure 14 designates is the annulment-of-result interpretation, where the topic time includes both the begin and the end of e_2 (cf. [Grønn, 2004]). Here is an example:

¹⁶ This blocking mechanism is often stated in terms of an economy constraint. In the wording of Le Bruyn (2007): “Avoid complexity: All other things being equal less complex expressions are preferred over more complex expressions”.

(26) Esli celyj den' nas ne bylo, a skaner pokazal, čto kto-to otkryval sejf.
Kto ěto byl?

'If we were out the whole day, and the scanner showed that someone opened the safe. Who could it be?' (tophotels.ru)

3.3.5. Another impossible reading (Figure 15)

For Figure 15 to make sense, the existence of e_2 must be inferred via (25). What we arrive at will completely match Figure 5. Since Figure 5 is taken care of by a 2-state predicate without YVA, Figure 15 is no interpretive option for a secondary imperfective, due to morphological blocking.

3.3.6. General-factual reading (Figure 16)

In Figure 16, t_{TOP} properly includes the time of e_1 (whose existence is entailed), and it properly includes the time of the Kleinian target state F_2 . By (25) the inference is drawn that F_2 is instantiated as e_2 . This gives us the interpretation that we missed under Bohnemeyer, Swift's (2004) theory, the one illustrated in (6) and (7).

The conflict described wrt Figure 8 is no issue wrt Figure 16. Since YVA explicitly marks the target state as truth-conditionally irrelevant, it is unequivocally signaled that goal-orientation, or target state relevance, is not intended. The sentence expresses that the topic time overarches the whole event time with the issue of the target state being irrelevant to what the speaker wants to convey [Švedova et al., 1980, p. 611; Grønn, 2004; Mueller-Reichau, 2018].

4. Summary

In this paper, I presented a theory that links verb forms to the spectrum of aspectual interpretations that they in fact actualize in Russian texts. Based on [Bohnemeyer, Swift, 2004], the analysis exploits just a single aspectual operator DASP to correctly distribute perfective and imperfective forms among contexts.

The scope of the paper was on the lexical stage of Russian verb formation, i.e. the domain of lexical/internal prefixes and so-called secondary imperfective suffixes ("YVA"). I gave a DRT-analysis of lexical prefixation deriving 2-state from 1-state predicates, and of YVA marking the target state of a 2-state predicate as "invisible" for DASP. On my account, both verbal prefixes and suffixes do not by themselves express perfective or imperfective meanings (semantic aspects), but "merely" manipulate the input of the aspect operator. To this end, the story told here is in line with Tatevosov (2018).

The aspect operator DASP is stated in the spirit of Klein (1994), as establishing a relation between topic time and eventuality time. DASP is stated such that the instantiation of the final state (the target state in 2-state predicates and the only state in 1-state predicates) has to overlap topic time. This gives us precisely what we observe: 2-state predicates without YVA yield perfective meanings, while 1-state predicates and 2-state predicates with YVA yield imperfective meanings. “Perfective meanings” are those where the utterance is about the conditions of the instantiated target state. In the canonical case the topic time ends when the target state is in force (cf. [Grønn, 2004]). A variation on the theme are those pluperfect readings where the part of the topic time which goes beyond the end of the target state is backgrounded. “Imperfective meanings” are all those meanings that are not about the conditions of the target state.

References

- Bohnenmeyer, Swift, 2004 – Bohnemeyer J., Swift M. Event realization and default aspect. *Linguistics & Philosophy*. 2004. Vol. 27. Pp. 263–296.
- Carlson, 1980 – Carlson G. Reference to kinds in English. New York, 1980.
- Chierchia, 1998 – Chierchia G. Reference to kinds across languages. *Natural Language Semantics*. 1998. Vol. 6. Pp. 339–405.
- Deo, 2012 – Deo A. Morphology. *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*. R. Binnick (ed.). Oxford, New York, 2012. Pp. 155–183.
- Dickey, 2006 – Dickey S. Aspectual pairs, goal orientation and po-delimitatives in Russian. *Glossos*. 2006. Vol. 7. Pp. 1–32.
- Dowty, 1979 – Dowty D. Word meaning and Montague Grammar. Dordrecht, 1979.
- Dowty, 1980 – Dowty D. Comments on the Paper by Bach and Partee. *Papers from the Parasession on Pronouns and Anaphora*. K.J. Kreiman, A.E. Oteda (eds.). Chicago, IL, 1980. Pp. 29–40.
- Filip, 2008 – Filip H. Events and maximalization: The case of telicity and perfectivity. *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. S. Rothstein (ed.). Amsterdam, 2008. Pp. 217–256.
- Gehrke, 2019 – Gehrke B. Event kinds. *Oxford Handbook of Event Structure*. R. Truswell (ed.). Oxford, 2019. Pp. 205–233.
- Grønn, 2004 – Grønn A. The Semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. Oslo, 2004.
- Ippolito, 2007 – Ippolito M. On the meaning of some focus-sensitive particles. *Natural Language Semantics*. 2007. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–34.
- Irmer, Mueller-Reichau, 2018 – Irmer M., Mueller-Reichau O. Script knowledge and the felicity of phase particles in German adjectival passives. *Journal of Semantics*. 2018. Vol. 35. No. 4. Pp. 585–637.

Kiparsky, 2005 – Kiparsky P. Blocking and periphrasis in inflectional paradigms. *Yearbook of morphology 2004*. G. Booij, van J. Marle (eds.). Dordrecht, 2005. Pp. 113–135.

Klein, 1994 – Klein W. *Time in Language*. London, New York, 1994.

Klein, 1995 – Klein W. A time-relational analysis of Russian aspect. *Language*. 1995. Vol. 71. Pp. 669–695.

Krongauz, 1998 – Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998. [Krongauz M.A. *Pristavki i glagoly v russkom jazyke: semantičeskaja grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: Semantic grammar]. Moscow, 1998.]

Lehmann, 1995 – Lehmann V. Re kategorisierung und interne Struktur von Kategorien (Die Beispiele Aspekt und Metapher). *Festschrift für Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag*. K. Harer, H. Schaller (eds.). München, 1995. Pp. 303–319.

Lehmann, 1997 – Леман В. Грамматическая деривация у вида и типы глагольных систем // Труды Аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / Отв. ред. М.Ю. Черткова. Т. 2. М., 1997. С. 54–68. [Lehmann V. Grammatical derivation in aspect and types of verb systems. *Trudy aspektologičeskogo seminaru filologičeskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova*. Vol. 2. M.Ju. Čertkova (ed.). Moscow, 1997. Pp. 54–68. (In Russ.)]

Mende et al., 2011 – Вид и акциональность русского глагола. Опыт словаря / Менде Ю., Борн-Раухенекер Е., Брюгеман Н. и др. München, Berlin, 2011. [Mende J., Born-Rauchenecker E., Brüggemann N. et al. *Vid i akcional'nost' russkogo glagola. Opyt slovarja* [Aspect and actionality of the Russian verb. Toward a dictionary]. München, Berlin, 2011.]

Mueller-Reichau, 2018 – Müller-Reichau O. *Das Rätsel allgemeinfaktischer Interpretationen im Aspektsystem des Russischen*. Wiesbaden, 2018.

Ramchand, 2004 – Ramchand G. Time and the event: The semantics of Russian prefixes. *Norlyd*. 2004. Vol. 32. Pp. 323–361.

Ramchand, 2008 – Ramchand G. Perfectivity as aspectual definiteness: Time and the event in Russian. *Lingua*. 2008. Vol. 118. Pp. 1690–1715.

Ramchand, Minor, 2019 – Ramchand G., Minor S. Stativity vs. Homogeneity: Similarities and Differences between the English Progressive and the Russian Imperfective. Paper presented at the 3rd workshop “Formal Approaches to Russian Linguistics”, MSU, April 5–6, 2019. URL: http://darwin.philol.msu.ru/library/seminars/farl/farl3_program_A5.php (date accessed: 09/05/2019).

Ruppenhofer et al., 2016 – Ruppenhofer J., Ellsworth M., Schwarzer-Petruck M. et al. *FrameNet II: Extended Theory and Practice* (Revised November 1, 2016). Technical report. ICSI: Berkeley, 2016. URL: <http://framenet.icsi.berkeley.edu/book/book.pdf>

Šatunovskij, 2009 – Шатуновский И.В. Проблемы русского вида. М., 2009. [Shatunovskij I.B. *Problemy russkogo vida* [Problems in Russian aspect]. Moscow, 2009.]

Švedova et al., 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980. [Russkaja grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Švedova (ed.). Vol. 1. Moscow, 1980.]

Tatevosov, 2015 – Tatevosov S. Severing imperfectivity from the verb. *Slavic Grammar from a Formal Perspective*. G. Zybatow et al. (eds.). Frankfurt, 2015. Pp. 465–494.

Tatevosov, 2018 – Tatevosov S. On the aspectual architecture of Russian. Ms. 2018.

Wiemer, Seržant, 2017 – Wiemer B., Seržant I. Diachrony and typology of Slavic aspect. What does morphology tell us? *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*. W. Bisang, A. Malchukov (eds.). Berlin, 2017. Pp. 239–307.

Zaliznjak, Šmelev, 1997 – Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. München, 1997. [Zaliznjak A.A., Šmelev A.D. Lektii po russkoj aspektologii [Lectures on Russian aspectology]. München, 1997.]

Статья поступила в редакцию 10.11.2019, принята к публикации 15.12.2019
The article was received on 10.11.2019, accepted for publication 15.12.2019

Об авторе / About the author

Olav Mueller-Reichau – Professor at the Institute of Slavonic Studies, Leipzig University, Germany

Мюллер-Рейхау Олав – профессор Института славянских исследований, Лейпцигский университет, Германия

E-mail: reichau@uni-leipzig.de

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-106-125

Ф.В. Байков

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028 г. Москва, Российская Федерация

Косвенный контроль в русском языке

Работа посвящена исследованию косвенного контроля в русском языке. В ней показано, что он является разновидностью обязательного контроля, но по ряду свойств отличается от прямообъектного и дативного контроля. В частности, плавающие определители в инфинитивной клаузе при косвенном контроле обязательно получают датив (копирование падежа от ИГ-контролера невозможно), а сама ИГ-контролер не может иметь узкую сферу действия, ограничивающуюся только инфинитивной клаузой.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, контроль, косвенный контроль

Благодарности. В данной работе использованы результаты проекта «Формальные подходы к информационной структуре: синтаксис, семантика, дискурс», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2019 г. Автор выражает признательность своему научному руководителю П.В. Рудневу за внимание и поддержку, а также за ценные рекомендации. Кроме того, автор благодарит С.А. Минора за плодотворную консультацию, в ходе которой тот высказал ряд важных замечаний. Наконец, автор признателен всем членам Научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), участвовавшим в обсуждении предварительной версии настоящей работы, особенно Н.А. Слюсарь, Н.В. Ивлиевой и А.В. Подобряеву, а также А.А. Козлову и А.Б. Летучему. Кроме того, автор благодарит анонимного рецензента, поделившегося важными наблюдениями.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Байков Ф.В. Косвенный контроль в русском языке // Rhema. Рема. 2020. № 1. С. 106–125. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-106-125

F. Baykov

National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, 109028, Russian Federation

Oblique control in Russian

This paper seeks to investigate some properties of oblique control in Russian. It is demonstrated that oblique control is a subtype of obligatory control, but has some peculiar properties of its own, distinguishing it from object control: Floating quantifiers in oblique control structures necessarily surface in dative case, and the controller DP cannot take narrow scope limited to the embedded clause only.

Key words: Russian syntax, control, oblique control

Acknowledgements. The results of the project “Formal approaches to information structure: syntax, semantics, discourse”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University) in 2019, are presented in this work. Support from the Basic Research Program of the HSE University is gratefully acknowledged. The author expresses his deepest gratitude to his scientific supervisor Pavel Rudnev for his unfailing support and valuable suggestions and recommendations made at different stages of the work. In addition, the author thanks Serge Minor for an extremely fruitful discussion, during which he made a number of important comments. Finally, the author is grateful to all the members of the Laboratory of Formal Models in Linguistics at HSE University who participated in the discussion of a preliminary version of this work, especially Natalia Slioussar, Natalia Ivlieva, Alexander Podobryaev, Alexey Kozlov and Alexander Letuchiy. In addition, the author thanks an anonymous reviewer who generously shared with me some important observations.

CITATION: Baykov F. Oblique control in Russian. *Rhema*. 2020. No. 1. Pp. 106–125. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-106-125

Явлениям контроля и подъема в русском языке посвящено немало работ [Тестелец, 2001; Minor, 2013; Герасимова, 2015; Летучий, 2017; Лютикова, Татевосов, 2018 и др.]. Однако как отечественные, так и зарубежные лингвисты обычно сосредотачивают свое внимание на субъектном, прямообъектном и дативном контроле: большинство описаний обязательного контроля в русском языке (ср., например, [Тестелец, 2001, с. 288–294; Падучева, 2018, разд. 4.1.2]) упоминают,

что контролировать невыраженное подлежащее инфинитивного оборота может матричное подлежащее (в случае субъектного контроля: (1a)), а также (при объектном контроле) именные группы, являющиеся прямым (1b) или косвенным (беспредложным дативным: (1c)) дополнением матричного предиката.

- (1) а. **Вася**_i согласился [PRO_i прийти пораньше].
 б. Мы убедили **Васю**_i, [PRO_i прийти пораньше].
 с. Мы сказали **Васе**_i, [PRO_i прийти пораньше].

В русском языке, однако, существует еще один тип предикатов контроля – глаголы, невыраженное подлежащее инфинитивного актанта которых контролирует предложное дополнение¹. Кратко упоминая такие случаи в английском языке, И. Ландау в своей монографии предлагает называть их косвенным контролем (*oblique control*) [Landau, 2015, p. 15]. Этим термином я и буду пользоваться в дальнейшем для обозначения ситуаций, в которых контролером невыраженного подлежащего при инфинитиве оказывается именная группа, являющаяся зависимым предлога.

Поскольку ранее косвенный контроль в русском языке не подвергался обстоятельному изучению, целью настоящей работы является выявление и описание особенностей, отличающих его от субъектного и объектного контроля. Материалом исследования послужили преимущественно тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а для обнаружения дополнительных примеров были использованы поисковые системы Яндекс и Google.

Предикатами косвенного контроля в русском языке являются глаголы (*no*)*требовать* и (*no*)*просить*, причем первый из них, как видно из представленных ниже примеров², допускает вариативность предлога (*у* или *от*)³.

- (2) Региональная прокуратура уже **потребовала**
 [PP от [DP **чиновников**_i]]
 [PRO_{i/*j} **вернуть** лицензию производителю]. (НКРЯ)

¹ Некоторые свойства таких глаголов описаны в работе [Baykov, Rudnev, 2019/ submitted].

² Жирным шрифтом в примерах (2)–(7) выделены наиболее существенные части корпусных примеров: матричные предикаты косвенного контроля, ИГ-контролеры и вводящие их предлоги, а также предикаты инфинитивных клаузы.

³ Поскольку все релевантные с точки зрения настоящего обсуждения синтаксические свойства у этих моделей управления одинаковы, в дальнейшем для иллюстрации различных положений анализа будут использоваться только примеры с предлогом *от*.

- (3) И однажды на экскурсии один из экскурсантов вытащил наган и **потребовал** [_{PP} у [_{DP} девушки-экскурсовода_i]] [_{PRO}_{i/*j} **выдать** ему сокровища]. (НКРЯ)

В примере (3) семантический субъект⁴ инфинитивной клаузы *выдать ему сокровища* соотносится с предложным дополнением матричной клаузы (*y*) *девушки-экскурсовода*, причем эта кореферентность является обязательной (любые иные прочтения исключены), что позволяет говорить о косвенном контроле при глаголе *потребовать*.

Глагол *попросить* может употребляться как в качестве предиката косвенного контроля, что иллюстрирует пример (4), так и в качестве предиката прямообъектного контроля, как в примере (5) (именно такие случаи упоминаются в большинстве описаний контроля в русском языке).

- (4) Сорин **попросил** [_{PP} у [_{DP} портье_i]] [_{PRO}_{i/*j} **принести** им две чашки кофе]... (НКРЯ) – косвенный контроль⁵

- (5) Но родители ее не ругали, они **попросили ее**_i [_{PRO}_{i/*j} **погладить** другие вещи]. (НКРЯ) – прямообъектный контроль

Кроме того, к предикатам косвенного контроля в русском языке можно отнести глаголы (*no*)*требоваться* и *получиться*⁶:

- (6) [_{PP} От [_{DP} вас_i]] **требуется** [_{PRO}_i **сформулировать** свои пожелания] – мы сделаем все остальное. (НКРЯ)

- (7) Наверяд ли [_{PP} у [_{DP} нас_i]] **получится** [_{PRO}_i **разобраться**, почему в России это именно так]. (НКРЯ)

⁴ Синтаксическая реальность невыраженного подлежащего инфинитивной клаузы при косвенном контроле будет доказана ниже, в разделе 1.

⁵ Примеры с косвенным контролем при глаголе (*no*)*просить*, хотя их грамматичность и вызывает сомнения у некоторых носителей русского языка и в целом они довольно редки, в НКРЯ все-таки встречаются, причем появляются довольно рано и обнаруживаются в произведениях литературы (т.е. их вряд ли можно считать инновациями или признаком нелитературного варианта языка).

⁶ Синтаксическая структура предложений с этими предикатами, однако, ясна не до конца: непонятно, являются ли инфинитивные обороты сентенциальными подлежащими или же компонентами матричного глагола, тогда как позицию подлежащего главной клаузы занимает предложная группа, содержащая ИГ-контролер.

Рецензент отмечает, что в русском языке существуют и другие предикаты косвенного контроля: *У него не выходит сосредоточиться*, *У родителей еще есть силы работать*, *У нас (не) хватило денег это организовать* и др. (все приведенные примеры принадлежат рецензенту). В статье, однако, будут систематически рассмотрены свойства только предикатов *попросить* и *потребовать*, а также *получиться* и *требоваться*. К рассмотрению других случаев косвенного контроля автор надеется обратиться в других работах.

Например, в предложении (6) семантический субъект инфинитивной клаузы *сформулировать свои пожелания* обязательно кореферентен именной группе (*от*) *вас*, что позволяет считать глагол *требоваться* предикатом косвенного контроля.

Целью настоящей работы является изучение косвенного контроля в русском языке, в первую очередь – выявление особенностей, отличающих его от более детально описанных подтипов контроля: прямообъектного и дативного.

В статье будет продемонстрировано, что косвенный контроль в русском языке, наряду с лучше изученными подтипами контроля, относится к явлениям обязательного контроля. Вместе с тем он обнаруживает и специфические свойства, отличающие его от прямообъектного и дативного контроля:

- при косвенном контроле плавающие определители, находящиеся в инфинитивной клаузе и относящиеся к ее невыраженному подлежащему, могут иметь только форму датива, тогда как копирование падежа от ИГ-контролера оказывается невозможным;
- ИГ-контролер при косвенном контроле обязательно имеет широкую сферу действия, включающую наряду с инфинитивной и матричную клаузу; это проявляется в том, что при косвенном контроле не могут быть контролерами дизъюнктивные или квантифицированные ИГ, а также отрицательные местоимения и неопределенные местоимения на *-нибудь*.

Кроме того, в настоящей работе показано, что анализ прямообъектного и дативного контроля, сформулированный в [Лютикова, Татевосов, 2018], может быть перенесен на материал косвенного контроля, поскольку все отличия последнего объясняются независимыми факторами.

Структура работы устроена следующим образом. Прежде чем мы приступим к исследованию свойств косвенного контроля, необходимо убедиться в том, что мы действительно имеем дело с явлениями обязательного контроля. Для этого, в свою очередь, надо продемонстрировать, что в рассматриваемых примерах типа (2)–(5) инфинитивная клауза при косвенном контроле, как и в случае лучше изученных типов контроля, имеет собственное подлежащее, выраженное нулевым местоимением PRO. Аргументы в пользу этой точки зрения приводятся в разделе 1. Следующий за ним раздел 2 содержит доказательство принадлежности косвенного контроля к явлениям обязательного контроля. Наконец, разделы 3 и 4 посвящены основной теме работы – специфическим свойствам косвенного контроля: в них рассматриваются падежные характеристики плавающих определителей и сфера действия ИГ-контролера соответственно. Заключение подводит итоги работы

и обобщает полученные результаты: при косвенном контроле невозможно получение плавающим определителем падежа путем копирования его от ИГ-контролера, а также запрещена узкая сфера действия ИГ-контролера (выраженной отрицательным или неопределенным местоимением, квантифицированной или дизъюнктивной ИГ).

1. Доказательство наличия нулевого подлежащего

Прежде чем говорить о контроле невыраженного подлежащего при инфинитиве одним из аргументов матричной клаузы, необходимо показать реальность существования самого нулевого инфинитивного субъекта. Свидетельством его наличия является, например, способность контролировать рефлексивные местоимения⁷. Способность связывать рефлексив является стандартным аргументом в пользу наличия нулевого подлежащего, ср. [Тестелец, 2001], т.к. рефлексивы в русском языке ориентированы на подлежащее минимальной клаузы, в которой находятся, и не могут связываться неподлежащими аргументами.

Неспособность косвенных дополнений связывать рефлексив демонстрирует приведенный ниже пример (8), в котором antecedентом местоимения *себя* может быть только подлежащее *Иван*, но не дативное дополнение *Лена*.

- (8) Иван_i показал Лене_j **себя**_{i/*j} на фотографии.
[Тестелец, 2001, с. 272, (6a)]

Примеры вроде (9) позволяют подтвердить, что инфинитивные клаузы объектного контроля в русском языке содержат невыраженное подлежащее, т.к. в противном случае контролером рефлексива оказался бы неподлежащий аргумент, расположенный к тому же в другой клаузе [Тестелец, 2001]:

- (9) Я_i разрешил детям_j [\emptyset , налить **самим себе**_i чаю].
[Тестелец, 2001, с. 273, (9a)]

Обратимся теперь к рассмотрению косвенного контроля. В предложении (10) рефлексив *себя* соотносится с предложным дополнением матричной клаузы, выраженным местоимением третьего лица (*от*) *него* (последнее, в свою очередь, отсылает к ИГ *отца* в деепричастном обороте).

⁷ В общем случае возможна и другая интерпретация этих примеров, при которой antecedентом рефлексива является матричное подлежащее. Эта интерпретация прагматически релевантна, например, в следующем примере:

- (i) Естественно, что КП_i в нынешней ситуации вправе потребовать от [своих партнеров по коалиции]_j [PRO_j оставить за собой_i кресло премьера]. (НКРЯ)

- (10) Наконец, заметив в следующей комнате отца, про₁ потребовали от него₂ [PRO₁ снять с себя₂ брюки и отдать им]. (НКРЯ)
- (11) Более того, несмотря на весьма опасное положение самого «Челюскина», заместитель главы правительства Я.Э. Рудзутак₁ 26 сентября 1934 года потребовал от Шмидта₂ [PRO₁ взять на себя₂ руководство спасением «пассажиров» с «Хабаровска» и «Анадыря»]. (НКРЯ)

Поскольку, как показано выше, рефлексивы в русском языке ориентированы на подлежащее, можно считать доказанным, что при косвенном контроле в инфинитивной клаузе имеется нулевое подлежащее (выраженное PRO и кореферентное предложному дополнению в матричной клаузе), которое и связывает рефлексив.

Мы показали наличие нулевого подлежащего в инфинитивных потенциальных актантах при глаголе *потребовать*. Похожими аргументами можно подтвердить существование подлежащего и в инфинитивных клаузах при других предикатах косвенного контроля. Таким образом, во всех рассматриваемых случаях косвенного контроля во вложенной клаузе имеется фонологически не выраженный аргумент (подлежащее – PRO), соотносимый с предложным дополнением матричной клаузы. Однако теперь нам нужно определить, какова природа этой соотнесенности: представляет ли она собой проявление обязательного или необязательного контроля.

2. Обязательность контроля

Однако обязательность контроля в предложениях вроде (2)–(4) установить не так просто из-за возможности опущения контролера (такие случаи обычно называются имплицитным контролем, ср. [Тестелец, 2001, с. 290]):

- (12) Султан потребовал [Ø]_i [PRO_i сдать город] – и взамен пообещал всем жизнь. (НКРЯ)

Случаи, когда ИГ-контролер не выражена, встречаются и при прямо-объектном контроле:

- (13) Вася попросил [Ø]_i [PRO_i отпустить его сегодня пораньше].

Однако в тех случаях, когда соответствующая именная или предложная группа выражается поверхностно, никакой иной контролер оказывается невозможен, т.е. контролером может быть только ИГ, являющаяся непосредственным зависимым предлога:

- (14) Сережа_i заявил, что Лена_j потребовала [от [брата [Васи_i]]_k]
[PRO_{*i/*j/k/*i} завершить проект в срок любой ценой].
- (15) Едва мы_i отъехали от вокзала, как шофер_j потребовал [у [Кости]_k]
[PRO_{*i/*j/k} предъявить документы]. (НКРЯ)

Как показывают приведенные выше примеры, даже в случае опущения именной или предложной группы, которая в нормальной ситуации контролировала бы нулевое подлежащее инфинитивной клаузы, референция этого подлежащего определяется референцией фонологически не выраженного аргумента матричного предиката (последняя, в свою очередь, целиком зависит от контекста).

Подтверждением того, что контроль PRO предложным дополнением при глаголе *потребовать* обязателен, являются результаты нескольких стандартных диагностик обязательности контроля.

Например, в случае эллипсиса глагольной группы возможно только прочтение с параллельной идентичностью (т.н. *sloppy reading*), а строгое прочтение (*strict reading*) невозможно⁸.

- (16) Начальник потребовал от Васи сдать отчет и от Лены тоже.
- ‘Начальник потребовал от Васи, чтобы Вася сдал отчет, и от Лены потребовал, чтобы Лена сдала отчет’
 - *‘Начальник потребовал от Васи, чтобы Вася сдал отчет, и от Лены потребовал, чтобы Вася сдал отчет’

Обязательным условием допустимости эллипсиса является идентичность элидируемого материала и его антецедента. Инфинитивный оборот в составе элидированной в (16) глагольной группы (в примере (17) она выделена зачеркиванием) может быть идентичен своему антецеденту – подчеркнутой инфинитивной клаузе – в двух принципиально различных случаях. С одной стороны, подлежащие обоих сентенциальных аргументов могут быть попросту кореферентны друг другу, а их общим референтом является некоторая топикальная ИГ. С другой стороны, оба инфинитивных подлежащих могут быть всего лишь переменной, которую связывает контролер в соответствующей матричной клаузе.

- (17) Начальник потребовал от Васи [PRO сдать отчет] и от Лены тоже потребовал [PRO сдать отчет].

⁸ Предполагается, что Вася и Лена работают над разными отчетами. Это не обязательно так: предложение (16) допускает и прочтение, при котором они готовят один и тот же – общий для них обоих – отчет. Нас, однако, в дальнейшем будет интересовать только прочтение, при котором каждый работник должен сдать свой собственный отчет, а другие возможные значения мы оставим за рамками обсуждения.

Как показывает приемлемость (16a) и невозможность прочтения (16b), реализуется второй из описанных выше вариантов: подлежащее элидированной инфинитивной клаузы может быть кореферентно только Лене, но не Васе, а значит, ИГ-контролер, являющаяся в случае косвенного контроля зависимым предлога, обязательно связывает PRO. Если бы контроль инфинитивного подлежащего был произвольным, наряду с прочтением (16a) было бы возможно и прочтение (16b).

Другим аргументом в пользу обязательности контроля при глаголе *потребовать* является обязательная интерпретация нулевого подлежащего при инфинитиве в качестве связанной переменной в том случае, если ИГ-контролер модифицирована частицей *только*. Иными словами, предложение (18) не может значить нечто вроде ‘Начальник больше ни от кого, кроме самого Васи, не потребовал, чтобы Вася сдал отчет’.

(18) Начальник только от Васи потребовал сдать отчет.

- a. ‘Вася – единственный такой *x*, что начальник потребовал от *x*, чтобы *x* сдал отчет’
- b. *‘Вася – единственный такой *x*, что начальник потребовал от *x*, чтобы Вася сдал отчет’

Таким образом, можно считать доказанным, что косвенный контроль в русском языке – по крайней мере, при матричных предикатах (*потребовать* и *(но)просить*⁹ – является одной из разновидностей обязательного контроля, наряду с субъектным (1a), прямообъектным (1b) и дативным (1c) контролем.

Продемонстрировав обязательность косвенного контроля, мы можем обратиться к изучению свойств, отличающих предложения с косвенным контролем от предложений с субъектным, прямообъектным и косвенно-объектным (= дативным) контролем. В следующем разделе будут рассмотрены падежные характеристики плавающих определителей, находящихся в инфинитивной клаузе и относящихся к ее невыраженному подлежащему.

⁹ Все диагностики обязательности контроля в тексте работы, как можно заметить, были представлены только для предложений с матричным предикатом *потребовать*; нетрудно проверить, однако, что для глагола *попросить* (имеется в виду его употребление в качестве предиката косвенного контроля: *попросить у кого-л. что-л. сделать*) они дают те же самые результаты. Идентичность (в аспектах, релевантных с точки зрения настоящего обсуждения) свойств предиката *потребовать* при различных предлогах, вводящих ИГ-контролер (*от* и *у*), уже была отмечена выше в сн. 3.

3. Плавающие определители при косвенном контроле

Поведение плавающих определителей (ПО) в инфинитивных оборотах в русском языке многократно описано в работах, посвященных контролю [Franks, Hornstein, 1992; Babby, 1998 и др.]. В целом ПО тяготеют к совпадению по падежу с контролером:

(19) **Вася** хотел увидеть все **сам**.

(20) Учитель попросил **ребят** выучить **каждого** по стихотворению.

(21) Петя порекомендовал **Васе** разобраться во всем **самому**.

Так, в примере (19) плавающий определитель *сам* в инфинитивной клаузе стоит в именительном падеже, как и ИГ-контролер *Вася*. В примерах (20) и (21) падеж ПО (аккузатив и датив соответственно) также совпадает с падежом ИГ-контролера. Можно считать, что в примерах (19)–(20), т.е. при субъектном и прямообъектном контроле, имеет место передача падежа ИГ-контролера плавающему определителю. В примере (21) датив ПО может как получаться копированием от контролера, так и представлять собой т.н. «второй (приинфинитивный) датив» (см. ниже).

Однако ПО могут получать датив даже в том случае, если контролером является прямое дополнение в аккумулятиве (такой датив иногда называют вторым дативом; напр., [Franks, Hornstein, 1992])¹⁰.

(22) Начальник попросил **заместителя** разобраться во всем **самому**.

В примере (22) плавающий определитель *самому*, находящийся в инфинитивной клаузе, стоит в дательном падеже, хотя ИГ-контролер *заместителя* имеет форму аккумулятива. Таким образом, во всех ранее описанных конфигурациях контроля «второй датив» является одним из возможных вариантов, т.е. факультативен, необязателен.

Однако в случае косвенного контроля «второй датив» оказывается обязательным: ПО в инфинитивной клаузе, модифицирующий ее невыраженное подлежащее, может принимать только форму дательного

¹⁰ Как отмечает рецензент, передача падежа от контролера плавающему определителю невозможна также в тех случаях, когда контролером является аккумулятивная субъектная ИГ (пример принадлежит рецензенту):

(i) Его жаба душит (*самого) за бензин заплатить.

падежа (23), а копирование падежа от antecedenta, получившего этот падеж от предлога, делает предложение (24) неграмматичным^{11, 12}

(23) ОК Начальник потребовал от Васи [PRO разобраться **самому** с этой проблемой].

(24) *Начальник потребовал от Васи [PRO разобраться **самого** с этой проблемой].

Приведенные выше суждения о (не)грамматичности подтверждают-ся данными Интернета: примеры с дативными ПО встречаются, хотя и довольно редко, а случаи с копированием падежа от контролера (т.е. с ПО в генитиве) найти не удалось. Эти результаты указывают на больший контраст приемлемости дативных и генитивных ПО в случае косвенного контроля.

(25) Оруджев **потребовал от него самому выехать в Зарыслы** и привести батальон в Шушу. (Интернет)

(26) В ответ скандальный сайт «Миротворец» не только внес Синод в расстрельные списки, но и **потребовал от него «пока не поздно» самому покинуть Украину**, потребовал в крайне оскорбительной форме. (Интернет)

(27) Эмир Туса Абу-л-Харис Арслан Джазиб **потребовал от султана или самому расправиться с мигрантами**, или дать ему сделать это. (Интернет)

(28) После двухчасового названивания я **потребовал** [pp у менеджера_i] [PRO_i **самому решить вопрос с заменой терминала**], а заодно привезти вместо стационарного, установленного по ошибке банка, переносной... (Интернет)

(29) *...**потребовал** [pp у менеджера_i] [PRO_i **самого решить вопрос с заменой терминала...**]

¹¹ В статье [Landau, 2008], содержащей обстоятельное описание свойств ПО в русском языке в конфигурациях контроля и основанной на результатах опроса нескольких десятков носителей языка, также отмечается, что датив в этом случае намного лучше генитива, хотя последний все же не исключен вовсе. Автор рассматривает предложение *Она потребовала от него пойти {самому/самого} в магазин* и отмечает, что датив сочли возможным 93% информантов (28 человек), а генитив – 20% (6 человек), причем двое носителей отметили эту опцию «??» [Landau, 2008, p. 893–894].

¹² Более того, как показывает пример (i), в инфинитивных клаузах косвенного контроля невозможно и копирование самого предлога от контролера к ПО:

(i) *Начальник потребовал от Васи [PRO разобраться **от самого** с этой проблемой].

Автор благодарит С.А. Минору за это наблюдение.

- (30) *...потребовал [_{pp} у менеджера.] [PRO_i у самого решить вопрос с заменой терминала...]

Полученные результаты хорошо согласуются с представлениями о том, что предлог, зависимым которого является контролер, определяется субкатегоризационными требованиями матричного предиката, а падеж антецедента PRO, в свою очередь, зависит от предлога. Таким образом, невозможность передачи плавающему определителю падежа и тем более предлога от антецедента объясняется локальностью субкатегоризации.

Специфика косвенного контроля в сравнении с прямообъектным и дативным контролем, однако, не ограничивается падежными характеристиками плавающих определителей в инфинитивной клаузе. В следующем разделе будут рассмотрены явления, связанные со сферой действия ИГ-контролера при косвенном контроле, а именно (не)допустимость ИГ, содержащих отрицательные и неопределенные местоимения, кванторные выражения и дизъюнкцию, в качестве контролеров при косвенном контроле.

4. Косвенный контроль и сфера действия контролера

Одной из наиболее известных и общепринятых диагностик, позволяющих отличить контроль от подъема, является сфера действия соотнесенного аргумента: в случае контроля она включает главную клаузу, а при подъеме охватывает и главную, и зависимую [Лютикова, Татевосов, 2018]. Однако в нескольких работах, посвященных объектному контролю в русском языке [Minor, 2013; Лютикова, Татевосов, 2018], было отмечено, что в некоторых случаях сферой действия контролера является только инфинитивная клауза. В случае же косвенного контроля, как будет показано ниже, контролер не может иметь узкую сферу действия, ограничивающуюся вложенной клаузой.

Из существующих работ по контролю в русском языке [Minor, 2013; Лютикова, Татевосов, 2018] известно, что в некоторых случаях прямообъектного и дативного контроля отрицательные местоимения вроде *никто*, обычно требующие обязательного лицензирования предикатным отрицанием в той же клаузе, могут, выступая контролерами PRO, лицензироваться отрицанием в инфинитивной клаузе:

- (31) Петя посоветовал никому из нас сюда не заходить.
[Minor, 2013, (21)]

Косвенный же контроль на этот раз, как и в случае с падежными характеристиками ПО, ведет себя иначе: при косвенном контроле предикатного отрицания во вложенной инфинитивной клаузе оказывается недостаточно, чтобы лицензировать отрицательное местоимение в матричной клаузе, контролирующее референцию PRO (или кажущееся таковым¹³):

(32) *Я потребовал ни от кого не выходить.

(33) *Я попросил ни у кого не делать этого.

Неграмматичность предложений вроде (32)–(33) подтверждается отсутствием подобных примеров как в НКРЯ, так и в Интернете.

Если в матричной клаузе есть предикатное отрицание, употребление отрицательных местоимений в качестве контролеров PRO, естественно, становится возможным:

(34) И я никогда не **требовал ни от кого лгать**.

(Интернет)

(35) ЦБ пока не **требовал ни от кого снизить ставку** по вкладам...

(Интернет)

Сходный контраст наблюдается и в том случае, если контролером является семантический субъект. Как показали Е.А. Лютикова и С.Г. Татевосов, контролировать PRO и лицензироваться отрицанием в инфинитивной клаузе способны также отрицательные местоимения, называющие неноминативный семантический субъект:

(36) Удалось никому не разболеться.

[Лютикова, Татевосов, 2018, (9)]

Но если именная группа в косвенном падеже, называющая семантический субъект, является зависимым предлога, это становится невозможным:

(37) *Только чудом получилось ни у кого не разболеться.

¹³ Оба анализа – как С.А. Минора, так и Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова – не предполагают, строго говоря, что отрицательное местоимение контролирует PRO: у С.А. Минора оно само находится в позиции подлежащего инфинитивной клаузы, так что для PRO просто не остается места, а по мнению Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова, отрицательное местоимение также находится в инфинитивной клаузе, но является в ней плавающим квантором, тогда как PRO контролируется имплицитным аргументом матричного предиката. Таким образом, «контроль PRO» «нестандартно» лицензированным отрицательным местоимением в обоих подходах – не более чем видимость. Тем не менее, ради простоты и наглядности изложения я буду использовать ниже именно эту нестрогую терминологию.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: ИГ-контролеры, выраженные отрицательными местоимениями и являющиеся зависимыми предлогов, не могут лицензироваться предикатным отрицанием во вложенной клаузе. Может показаться, что это противоречит заключению Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова о том, что «отрицательные местоимения в конструкциях с контролем возможны всегда, когда инфинитивный оборот содержит отрицание» [Лютикова, Татевосов, 2018]. Более внимательный анализ языкового материала, однако, демонстрирует: это противоречие – не более чем видимость.

Используя идеи, изложенные в статье Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова, можно объяснить невозможность использования отрицательных местоимений в качестве контролеров PRO взаимодействием следующих факторов. С одной стороны, авторы показали, что «нестандартно» (на первый взгляд) лицензированные отрицательные местоимения являются в действительности плавающими кванторами и, следовательно, находятся внутри инфинитивной клаузы¹⁴:

(38) Петя приказал про_i [PRO_i никому_j сюда не заходить].

[Лютикова, Татевосов, 2018, (13)]

Кроме того, как было показано выше, в случае косвенного контроля плавающие определители не могут получать падеж от контролера, располагающегося в главной клаузе, а обязаны принимать инфинитивный датив. С другой стороны, как мы уже отметили, предлог, вводящий ИГ-контролер, определяется субкатегоризационной рамкой матричного предиката, а поскольку субкатегоризация строго локальна, этот предлог может находиться исключительно в главной клаузе.

Таким образом, неграмматичные предложения (32)–(33), (37) не соответствуют анализу, предложенному в статье [Лютикова, Татевосов, 2018]: отрицательное местоимение «разрывается» предлогом и, кроме того, стоит в падеже, приписываемом этим предлогом. Оба эти факта неопровержимо свидетельствуют о том, что в этих неприемлемых предложениях отрицательное местоимение используется не как плавающий определитель (в соответствии со структурой, приведенной в (38)), а как

¹⁴ Анализ, предложенный в [Лютикова, Татевосов, 2018], не противоречит основным принципам Теории связывания: малое про связывает PRO, представляющее собой в случае обязательного контроля анафор, а потому не подпадающее под действие Принципа С. Плавающий квантор, также связываемый малым про, тоже не является референциальным выражением, ведь в противном случае следующее предложение было бы неграмматично:

(i) Занятия шли на английском, а **мы**, **никто**, его не знали, и понимать нашего лектора нам было трудно. (НКРЯ)

полноценный контролер, находящийся в матричной клаузе (в соответствии с упрощением, допущенным в сн. 13).

Чтобы действительно проверить предсказания, которые позволяют сделать анализ Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова, необходимо внести две поправки: заменить родительный падеж отрицательного местоимения на дательный и опустить предлог (т.к. в противном случае у него из-за невыраженности малого *pro* не будет ненулевого зависимого, а «зависание предлога» в русском языке невозможно¹⁵). Получившееся предложение будет выглядеть следующим образом:

(39) Он потребовал *pro_i* – [*PRO_i* никому_i не выходить].

Оценить грамматичность примера (39) не так просто: ни в НКРЯ, ни в Интернете не удалось обнаружить подобных предложений¹⁶. Представляется, однако, несомненным, что он не хуже примера (40), который Е.А. Лютикова и С.Г. Татевосов взяли из НКРЯ:

(40) Из возраста девочки давно выросла, поэтому прошу *pro_i* – [*PRO_i* никому_i не провожать меня]...
[Лютикова, Татевосов, 2018, (16)]

Следовательно, хотя бы для некоторых носителей русского языка такие предложения допустимы. Таким образом, факты, на первый взгляд противоречащие анализу Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосова, оказываются совместимыми с ним и способны даже стать еще одним аргументом в его пользу.

В статьях [Minor, 2013; Лютикова, Татевосов, 2018] также отмечалось, что контролерами *PRO* при некоторых предикатах объектного контроля могут быть неопределенные местоимения вроде *кто-нибудь*, допустимые только в антиверидикативных (интенциональных и квантификационных) контекстах и не употребляющиеся в контекстах веридикативных [Haspelmath, 1997, p. 273]:

(41) Врач посоветовал кому-нибудь сходить за лекарствами.
[Minor, 2013, (15)]

¹⁵ В связи с этим возникает интересный вопрос: будет ли в описанном случае настоящий контролер – малое *pro* – присоединяться к одной из проекций матричного предиката напрямую (например, занимая спецификатор одной из функциональных вершин) или же он будет компонентом фонологически не выраженного предлога? Поверхностная структура не позволяет ответить на этот вопрос, но грамматичность такого преобразования подтверждается допустимостью имплицитного контроля *PRO* при предикатах, обычно требующих косвенного контроля, ср. пример (12).

¹⁶ Не удалось обнаружить примеров и с фонологически выраженной ИГ вместо *pro* в (39).

В случаях же косвенного контроля способность местоимений на *-нибудь* выступать контролерами вызывает сомнения¹⁷:

(42) ??Я потребовал от кого-нибудь закрыть окно.

(43) ??Я попросил у кого-нибудь помочь мне.

Как и в ситуации с отрицательными местоимениями (ср. примеры (34)–(35)), наличие подходящего лицензора в матричной клаузе делает употребление неопределенных местоимений вроде *кто-нибудь* в качестве антецедента PRO в случае косвенного контроля абсолютно приемлемым. В примере (44) таким лицензором выступает условно-уступительный союз *хотя бы* и глагол в сослагательном наклонении, а в предложении (45) – отрицание в главной клаузе, союз *чтобы* и глагол в сослагательном наклонении.

(44) Хотя бы он **потребовал от кого-нибудь из учеников согрешить или впасть в тяжкое преступление**, каждый без рассуждения исполнил бы, что повелел он... (Интернет)

(45) Я не помню, чтобы он **потребовал от кого-нибудь переделать законченную работу**... (Интернет)

В Интернете, однако, обнаруживаются и некоторые случаи нарушения этого обобщения: по крайней мере некоторые носители языка допускают употребление неопределенных местоимений на *-нибудь* в качестве контролера PRO в случае косвенного контроля даже при отсутствии в матричной клаузе подходящего лицензора (т.е. в веридикативных контекстах). Интересно отметить, что во всех таких предложениях у местоимений на *-нибудь* есть выраженный рестриктор, опущение которого приводит к значительному ухудшению приемлемости предложения (примеров с невыраженным рестриктором ни в НКРЯ, ни в Интернете

¹⁷ В моноклаузальных примерах неопределенные местоимения на *-нибудь* тоже встречаются:

- (i) Все задумались на короткое время, и в тишине Аглая Петровна **попросила у кого-нибудь папироску**. (НКРЯ)
- (ii) Он вдруг отказался идти на очередной концерт и **попросил у кого-нибудь ключ от номера**... (Интернет)
- (iii) Я не хотел, чтобы солнечные лучи попадали на рану, и **попросил у кого-нибудь футболку**. (Интернет)

Во всех этих случаях, однако, имеет место, видимо, косвенный речевой акт, т.е. отсутствуют некоторые ожидаемые изменения, обычно сопровождающие перевод прямой речи в косвенную (ср. явление т.н. индексального сдвига).

обнаружить не удалось). Впрочем, нельзя исключать и того, что эти примеры являются всего лишь речевыми ошибками, объясняющимися смешением разных структур.

- (46) ...спортивный директор «Москвы» Владимир Федотов... поздравил всех с новым полем, после чего **потребовал от кого-нибудь из ребят отдать ему «пасик»**. (Интернет)
- (47) *...**потребовал от кого-нибудь отдать ему «пасик»**.
- (48) Чудил на пресс-конференции... отпрашивался выйти покурить, **требовал от кого-нибудь из журналистов выйти к микрофону и спеть...** (Интернет)

Кроме того, если контролер выражен квантифицированной именной группой, содержащей числительное, то при объектном контроле возможны два прочтения предложения, которые обусловлены широкой (все предложение) и узкой (только инфинитивная клауза) сферами действия этой именной группы и соотносятся с ее референтным и нереферентным прочтениями соответственно:

- (49) Учитель велел двум мальчикам сбежать за помощью.
[Minor, 2013, (10)]
- ‘Существуют такие два мальчика, что учитель велел им сбежать за помощью’ – широкая сфера действия ($2 > велел$); референтное прочтение именной группы [*двум мальчикам*]
 - ‘Учитель велел кому-то, чтобы какие-нибудь два мальчика сбежали за помощью’ – узкая сфера действия ($велел > 2$); нереферентное прочтение именной группы [*двум мальчикам*]

В отличие от ситуации дативного контроля (49), в случае косвенного контроля оказывается невозможной и узкая сфера действия квантифицированной ИГ-контролера, т.е. эта ИГ обязательно получает референтную интерпретацию, а в ее сферу действия должно входить все предложение в целом.

- (50) Начальник потребовал от двух сотрудников написать объяснительную.
- ‘Существуют два сотрудника, к которым начальник обратился с требованием написать объяснительную’ – широкая сфера действия; референтное прочтение
 - *‘Начальник потребовал, чтобы какие-нибудь два сотрудника написали объяснительные’ – узкая сфера действия; нереферентное прочтение

Наконец, авторы [Лютикова, Татевосов, 2018] отмечают, что помимо квантифицированных ИГ с числительными, узкую сферу действия могут иметь и ИГ, содержащие дизъюнкцию.

(51) Я попрошу синьора или синьор вынуть одну из вилок...

[Лютикова, Татевосов, 2018, (11)]

- a. 'Говорящийся обратится либо к синьору, либо к синьорам (видимо, говорящий еще не знает или не решил, к кому именно) с просьбой вынуть одну из вилок' – широкая сфера действия дизъюнктивной ИГ ([*синьора или синьор*] > *попрошу*)
- b. 'Говорящий попросит, чтобы либо синьор, либо синьоры (видимо, говорящему неважно, кто именно) вынул(и) одну из вилок' – узкая сфера действия дизъюнктивной ИГ (*попрошу* > [*синьора или синьор*])

Возможность получения дизъюнктивными ИГ узкой сферы действия в случае косвенного контроля также весьма сомнительна, что разительно отличается от примера (51), обе приведенные выше интерпретации которого абсолютно приемлемы:

(52) [?]Учитель потребовал от Бори или Сережи замолчать, чтобы можно было разобрать, что говорит другой.

- a. [?]'Учитель обратился к одному из мальчиков (Боре или Сереже – видимо, говорящий не знает, к кому именно) с требованием замолчать' – широкая сфера действия (*от [Бори или Сережи]* > *потребовал*)
- b. ^{*?}'Учитель потребовал, чтобы один из мальчиков: Боря или Сережа (неважно, кто именно) – замолчал' – узкая сфера действия (*потребовал* > *от [Бори или Сережи]*)

Стоит отметить, что подобных примеров не удалось обнаружить ни в НКРЯ, ни в Интернете. Это можно объяснить тем, что узкая сфера действия дизъюнктивной ИГ (52b) в таких примерах попросту невозможна, а прочтение с широкой сферой действия этой ИГ (52a) прагматически как минимум необычно.

5. Заключение

Насколько мне известно, косвенный контроль в русском языке до сих пор не становился предметом пристального внимания исследователей, которое сосредоточивалось на субъектном, прямообъектном и косвеннообъектном (дативном) контроле. В данной работе была предпринята

попытка описать некоторые интересные свойства, отличающие косвенный контроль от объектного: невозможность копирования падежа антецедента и запрет узкой сферы действия ИГ-контролера.

Более того, оказалось, что невозможность использования отрицательных местоимений в качестве контролеров при косвенном контроле отнюдь не противоречит утверждению, что «нестандартно лицензированные» отрицательные местоимения в инфинитивном обороте возможны всегда, когда в нем есть отрицание [Лютикова, Татевосов, 2018]. В действительности косвенный контроль может стать одним из аргументов в пользу предложенного в упомянутой работе анализа, состоящего в том, что «нестандартно лицензированные» отрицательные местоимения представляют собой плавающие определители, находящиеся в инфинитивной клаузе, и возможны всегда, когда в ней есть предикатное отрицание. Недопустимость употребления отрицательных местоимений в качестве косвенных контролеров объясняется независимыми факторами: локальностью субкатегоризации предлогов и невозможностью получения плавающими определителями падежа от ИГ-контролера при косвенном контроле.

Кроме того, самостоятельный интерес представляет описанная в настоящей работе альтернатива субкатегоризационных рамок (моделей управления) глагола *попросить*: *попросить кого-л. что-л. сделать* vs. *попросить у кого-л. что-л. сделать*. Она может стать инструментом для тестирования различий предикатов контроля, обусловленных именно синтаксической структурой (т.к. в данном случае семантико-прагматические различия минимальны: глагол используется один и тот же). В частности, необходимо учитывать описанные выше факты взаимодействия косвенного контроля с отрицательными и неопределенными местоимениями, а также с квантифицированными и дизъюнктивными ИГ.

Библиографический список / References

Герасимова, 2015 – Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП–2015». Вып. 2 / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61. [Gerasimova A.A. Negative pronouns licensing across an infinitival clause boundary in Russian. *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii "TMP-2015"*. Vol. 2. E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko (eds.). Moscow, 2015. Pp. 47–61. (In Russ.)]

Летучий, в печати – Летучий А.Б. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале интерпретации местоимений) // Вопросы языкознания. В печати. [Letchiy A.B. Raising and Adjacent Phenomena in Russian (mainly on the materials of pronominal interpretation). *Voprosy jazykoznanija*. In press.]

Лютикова, Татевосов, 2018 – Лютикова Е.А., Татевосов С.Г. Сфера действия в русских инфинитивных конструкциях с контролем // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете МКР-Барселона 2018 / Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья (ред.). Barcelona, 2018. С. 1290–1301. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G. Scope in Russian infinitival control constructions. *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoj konferencii rusistov v Barselonskom universitete MKR-Barcelona 2018*. J. Castellví, A. Zainouddinov, I. Garcia, M. Ruiz-Zorrilla (eds.). Barcelona, 2018. Pp. 1290–1301. (In Russ.)]

Падучева, 2018 – Падучева Е.В. Инфинитив // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2018. [Paducheva E.V. Infinitive. *Materialy dlja proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Ms. Moscow, 2018. (In Russ.)]

Тестелец, 2001 – Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. [Testelets Ya.G. *Vvedenie v obshhij sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow, 2001.]

Babby, 1998 – Babby L.H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 6: The Connecticut Meeting*. Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder (eds.). Michigan Slavic Publications, 1998. Pp. 17–37.

Boeckx, Hornstein, Nunes, 2010 – Boeckx C., Hornstein N., Nunes J. Control as Movement. Cambridge, 2010.

Baykov, Rudnev, 2019/submitted – Baykov F., Rudnev P. Not all obligatory control is movement. Unpublished ms., National Research University “Higher School of Economics”, Moscow.

Franks, Hornstein, 1992 – Franks S., Hornstein N. Secondary predication in Russian and proper government of PRO. *Control and grammar*. R. Larson, S. Iatridou, U. Lahiri, J. Higginbotham (eds.). Dordrecht, 1992. Pp. 1–50.

Haspelmath, 1997 – Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford, 1997.

Landau, 2008 – Landau I. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2008. Vol. 26. No. 4. Pp. 87–924.

Minor, 2013 – Minor S. Controlling the hidden restrictor: A puzzle with control in Russian. *Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42)*. S. Keine, S. Sloggett (eds.). Oxford, 2013.

Статья поступила в редакцию 11.02.2020, принята к публикации 18.02.2020

The article was received on 11.02.2020, accepted for publication 18.02.2020

Сведения об авторе / About the author

Байков Федор Владимирович – стажер-исследователь научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Fyodor V. Baykov – research intern at the Laboratory of Formal Models in Linguistics of the Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9376-0118>

E-mail: baykov3105@mail.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2020.1

Сайт журнала: rhema-journal.com

Подписано в печать 29.03.2020 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,875 п. л. Тираж 1000 экз.